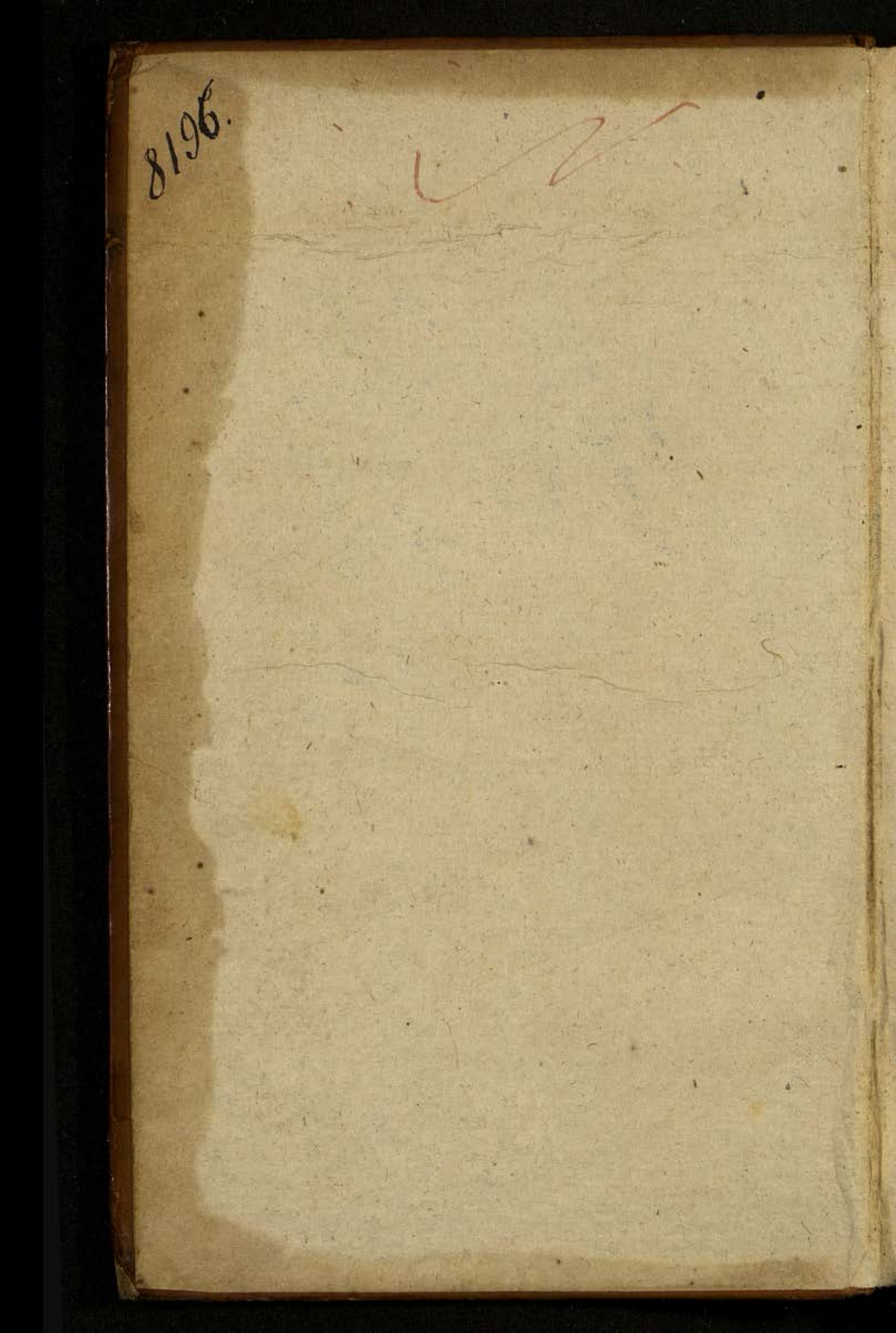
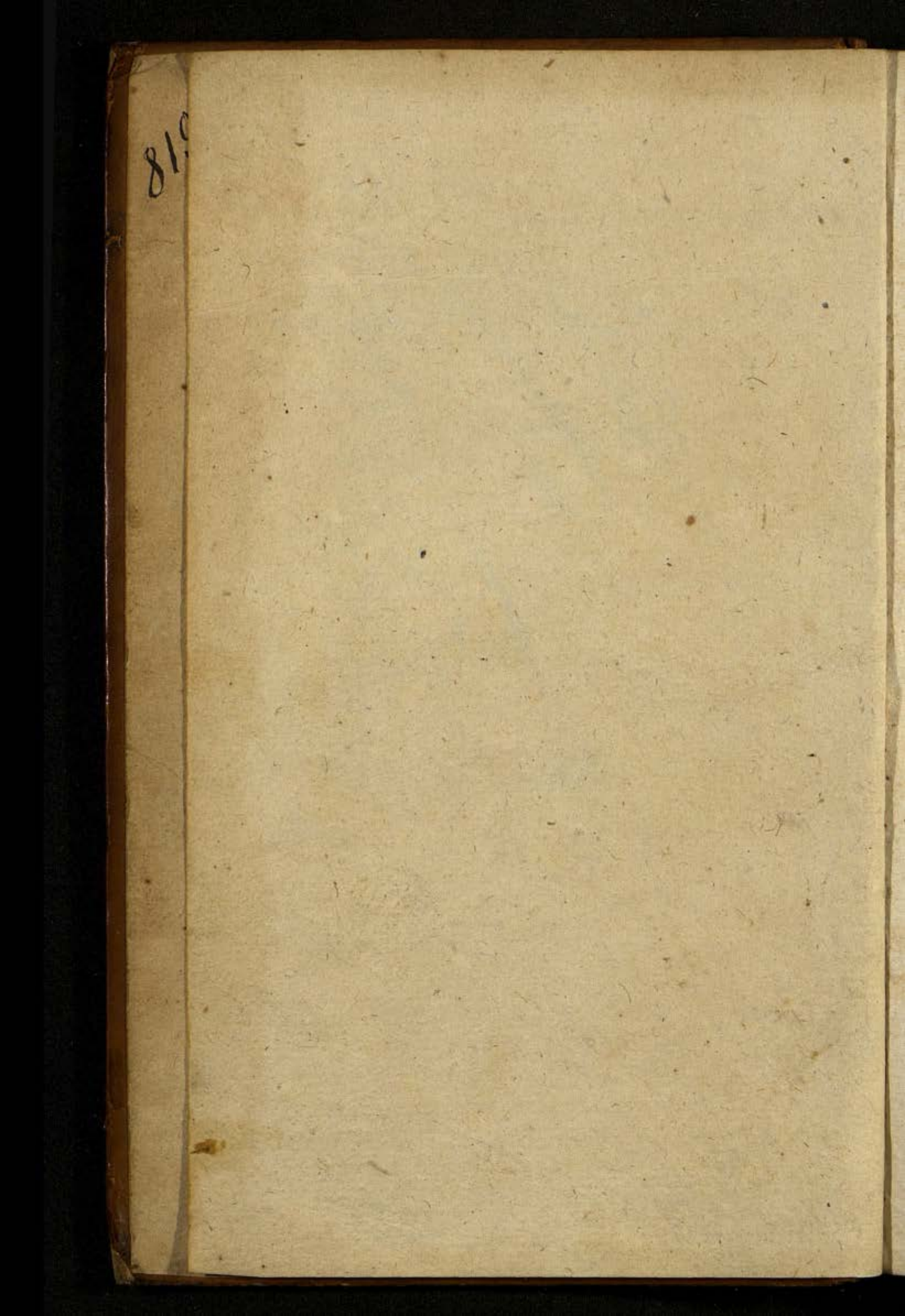

8196.

изъ книгъ Николая
[illegible]

ПЛОДЫ ТРУДОВЪ ПРОЗОИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

Г: Барона А: Галлера.

Вельможи Гуменскаго - Юкскаго и Еклагненскаго, Кавалера Сѣверной Звѣзды, Президента Королевскаго собранія наукЪ вЪ Геттингѣ и економическаго общества вЪ Бернѣ.

Римской, и Россійской Импера:

и

Королев · Французской, Аглинской, Прусской и Шведской; Голландской, Эдимбургской, Бононской, Аркадской, Баварской, Крейнской и Упсальской Академіи, и словесныхЪ наукЪ многихЪ обществЪ почтеннаго Члена.

ЧАСТЬ II.я

содержащая вЪ себѣ

ИЗОБРАЖЕНІЕ АРИСТОКРАТИЧЕСКАГО, или ВЛАСТІЮ ЗАКОНОВЪ ОГРАНИЧЕННАГО ВЪ ГОСУДАРСТВѢ ПРАВЛЕНІЯ.

вЪ образѣ жизни Алфреда Короля Англо - СаксоновЪ

описанное.

ПереводЪ сЪ Нѣмецкаго языка тщаніемЪ.

Н: П:

Печатана во градѣ Святаго Петра 1784го года вЪ вольной типографіи у Вейтбрехта.

Съ дозволенія Управы Благочинія.

АВТОРОВО ПРЕДИСЛОВІЕ.

Втунѣ уже было бы нынѣ скрывать старатся, что при изданіи повѣсти о Усонгѣ намѣреніе мое было сдѣлать нѣкоторое покушеніе въ томъ, не можетъ ли самовластное въ Государствѣ единоначаліе быть гораздо сноснѣе тогда, когдабъ Государь такое равновѣсіе ввести потщился въ различные отросли Государственнаго правительства, кое бы никѣмъ изъ его подданныхъ не могло свободно быть поколеблемо какимъ либо образомъ, и удержать притомъ навсегда отверстымъ доступъ къ престолу истиннѣ. Предмѣтъ къ тому въ сей единоначальствующей власти изобрать за лучшѣе разсудилъ я изъ Восточныхъ странъ, гдѣ оная отъ прежнихъ еще древнихъ временянъ

только одна была извѣстною всѣмъ. Чего ради и считать слѣдуетъ, что всѣ обузданiи деспотической, или самодержавной власти, коковою была оная напримѣръ въ Персiи, приняты были, такъ какъ и протчiя тому подобныя, изъ Китайскаго Государственнаго правленiя, или другаго сходнаго съ тѣмъ источника; но съ Европейскимъ самодержавнымъ правленiемъ сравнивать оную никакъ не можно, кое по причинѣ различныхъ учреждаемыхъ верьховныхъ судовъ и другихъ множайшихъ къ тому средствъ, можетъ ограничено быть нѣсколько, чего напротивъ того въ Восточныхъ странахъ ни подъ какимъ видомъ сдѣлать не можно. Итакъ, не большее сiе изданiе имѣетъ впротчемъ совершеннымъ предмѣтомъ своимъ то только, чрезъ чтобъ привлечь нѣкото-

рыхъ

рыхъ читателей, кои не упражнялись еще никогда въ чтенiи сочиненiя, споспѣшествующаго весьма много въ ихъ знанiи, ко вниманiю онаго.

При семъ случаѣ, вознамѣрился я описать предѣлами огражденное Монархическое правленiе и притомъ такое, которое совершенно основанiе свое имѣетъ на правилахъ справедливости, будучи весьма отдалено отъ того, что воображалъ я въ мысляхъ токмо прежде, для подкрѣпленiя единственно моего намѣренiя. Въ четвертой книгѣ сего изданiя описано подробно нынѣшнее Государственное правленiе Англiи съ небольшею токмо перемѣною, что также имѣетъ свои причины въ повѣствованiи: ибо, прежде утверждаемы бывали тамъ годовые Государственные доходы какъ отъ избирвшаго, такъ и избираемаго, хотя въ поз-

днѣйшія времяна ни на едино изъ сихъ учрежденій ни малѣйшаго уваженія не имѣется болѣе.

Пятая книга онаго содержитъ въ себѣ болѣе извѣстіе, изображающее одно токмо мореплаваніе Оѳара на берега восточной Гренландіи и дѣйствительную бытность Норманца сего на маломъ островѣ Спицбергенѣ, изъ коихъ каждому описаніе совершенно основано на правдѣ, хотя я и не изъ Оѳарова повѣствованія выбирать то тщился.

Напротивъ того шестая и послѣдняя книга творенія сего, имѣетъ тотъ же самый предмѣтъ въ себѣ, каковой и первая часть моего сочиненія, то есть, любовь къ Ліосуи въ Усонгѣ, заслуживающая всякое уваженіе.

Подробноежъ извѣстіе о Алфредѣ, взялъ я особливо изъ Іоанна Спельмана меньшаго, такъ

такъ называемой книги, о Жизни Великаго Алфреда, Короля Аглинскаго, напечатанной въ Оксфордѣ 1678 года въ листъ мѣрою. Въ сочиненіи семъ выбирать тщился я болѣе изъ описанія жизни Генриха IIго, изданной достойнымъ почтенія Лордомъ Литтлетономъ и Гуменовой сокращенной гисторіи; а притомъ также нѣкоторыя мѣста, кои я только могъ припамятовать, и изъ Аглинской гисторіи.

Сверьхъ того, намѣренъ я также подъ заглавіемъ повѣсти о Фабіи и Катонѣ коснутся и Республиканскаго правленія; но сіе послѣднее изданіе имѣетъ содержать въ себѣ токмо одно гисторическое сочиненіе, такъ что самая гисторія довольно уже кажется мнѣ быть достаточною, не имѣя вовсе почти ни малѣй-

шей нужды въ вымышляемыхъ въономъ украшенїяхъ.

Въ заключенїежъ всего выше упомянутаго мною, открываюсь я здѣсь между тѣмъ предъ всѣми чистосердечно, что намѣренїе мое свершилось бы совершенно тогда, когдабъ удалось мнѣ вспомоществовать къ тому хотя нѣсколько, дабы сильные въ каждомъ родѣ правленїя сообразовать себя не упускали съ правилами добродѣтели, усердствуя всевозможнымъ образомъ ко всеобщему благу рода человѣческаго.

ГАЛЛЕРЪ

АЛФРЕДЪ.

КНИГА I.я

По смерти славнаго *Эгберта*, *Эдельвольфъ*, сынъ онаго, наслѣдовалъ ему непосредственно въ правленіи всего Государства; но не имѣя впротчемъ ни подобнаго ему духа, ниже самой бодрости. *Эдельвальдъ*, сынъ *Эдельвольфа*, лишивъ его вскорѣ половины Государства, обладалъ также короткое время оставленнымъ родителемъ его престоломъ, въ продолженіе владѣнія коего, возъимѣли совершенно начало свое всѣ нещастіи Англіи.

Жители оной не составляли уже тогда болѣе древнихъ неустрашимыхъ Саксонскихъ воиновъ; живши долгое время подъ кроткимъ начальствомъ, смягчились и ихъ нравы ощутительнымъ образомъ. Презрѣніе къ смерти и алчность къ побѣдамъ и завоеваніямъ, были порабощены тамъ вовсе верьховною властію духовныхъ; Государи посещали токмо прилѣжно храмы при-

 чтенныхъ

чтенныхЪ кЪ лику СвятыхЪ иноковЪ; испрашивали у начальствующей духовной особы побѢды, кою предки ихЪ чаяли получить посредствомЪ единаго своего меча; они не урѢжали Ѣздить вЪ столицу главы духовенства, какЪ настоящего источника всего блага, и подвергали добровольно свои владѢнїи тяжкимЪ налогамЪ, за кои покупывали защиту силы помазанной главы сей. Миролюбно желали они наслаждатся плодами земли, кою предки ихЪ приобрѢли для нихЪ своею кровїю, такЪ что война учинилась уже вЪ Англо-СаксонахЪ болѢе должностїю, принуждаемою самою необходимостїю, а не врожденнымЪ прежнимЪ побужденїемЪ и прїятнымЪ упражненїемЪ бодрости.

Но далѢе на СѢверЪ вЪ жестокой Скандинавїи, пребывала еще безпрестанно древняя свирѢпость нравовЪ и обычаевЪ. НѢкоторой народЪ, страшившейся оканчиватЪ жизнь безЪ покрытаго многими ранами тѢла, ожидавшей вЪ самой вѢчности награжденїя во удовлетворенїе своему мужеству и чающей искупить милосердїе *Одиново* единственно пролїянною своею кровїю, обиталЪ тогда сїи отдаленныя страны, куда сильные Римляне никогда не доставляли искуства

ства своихъ художествъ, ниже смягченныхъ просвѣщенiемъ нравовъ ихъ подобiя. Народы сiи, говорю, почитали по симъ самымъ причинамъ миролюбивыхъ жителей полуденной части Европы совершенною себѣ добычею, кои какъ будто бы отъ естества нарочно токмо для нихъ и сотворены были. Норманны, такъ назывались обселяне морскихъ береговъ, далѣе на Полдень лежащихъ пространной Скандинавiи, объѣзжали всѣ моря на легкихъ судахъ своихъ, выхаживали на сухой путь, причаливая обыкновенно въ рѣкахъ къ разнымъ пристанямъ, нападали на селенiи безъ всякой обороны находившiяся и на неукрѣпленные ничемъ города, похищали имѣнiе жителей, и находили варварское удовольствiе въ раззоренiи и умерщвленiи мучительнымъ образомъ побѣжденныхъ собою: ибо не знали они вовсе, окромѣ мужества, никакой другой добродѣтели. Смиренномудрiе миролюбивыхъ духовныхъ казалось имъ презрительнымъ нарушенiемъ единой должности человѣка, коя влекла мужей къ прiобрѣтенiю безсмертной славы имяни ихъ: они презирали науки наподобiе упражненiя въ пряжѣ, и почитали оное дѣломъ слабаго духа людей:

по

по опустошенїи одной страны, когда вокругъ стана ихъ курилось все въ престрашномъ дыму, и когда плоды трудовъ невинныхъ земледѣльцевъ истреблены ими были всѣ безъ остатка, вступали они паки въ свои суда, и старались искать другихъ странъ, странъ такихъ, кои не испытали еще жаждущихъ кровїю мечей ихъ и истребляющихъ все пылавшихъ факеловъ ихъ безчеловѣчной ярости. Такимъ то образомъ причиняли свирепые сїи дикїе смерть и погибель въ свѣтѣ и каждой странѣ, посещаемой ими, которая служила непремѣнною по всѣмѣстному злощастїю жертвою. Утомясь же отъ жестокости, и обремянивъ себя сильно добычею трудолюбивыхъ, возвращались с и наконецъ въ свои пристани, воспѣвали побѣды ихъ прекрасному полу страны своей, и наслаждались по томъ всеобщимъ почтенїемъ отъ прочихъ сограждан своихъ. Часто случалось похищать начальникамъ сихъ варваровъ молодыхъ красавицъ, и привозить оныхъ въ свои дикїя пустыя жилища, гдѣ никакїе источники слезъ не въ силахъ бывали спасти цѣломудрїе оныхъ, и гдѣ, говорю, ни малѣйшей не оставалось надежды имъ узрѣть нѣкогда паки дражайшего

жайшего имъ отечества, ниже услышеть когда пріятнаго гласа возлюбленныхъ ихъ родителей.

Учинившись такимъ образомъ искусными въ управленіи металломъ, и будучи взросчены въ безпрестанныхъ битвахъ, не знали неустрашимые витязи сіи никакого другаго искуства, кромѣ обожаемаго ими знанія во всегдашнихъ браняхъ. Они не ужасались вовсе никакихъ смертоносныхъ язвъ, и взирали на смерть подобно, какъ на истинный путь, влекущій ихъ прямо къ жертвенникамъ обоготворяемыхъ ими кумировъ; не смотрѣли никогда на число ихъ непріятелей, въ маломъ количествѣ нападали они на цѣлыя войска, и съ угрызающею тѣло зміею въ пазухѣ воспѣвалъ непоколебимо *Рагнаръ* оныхъ смертный свой стихъ (*). Сіе ожесточеніе подкрѣпляемо было силами, возраставшими обыкновенно съ безпрестаннымъ упражненіемъ и совершеннымъ знаніемъ въ искуствѣ оружія. Они

(*) Сей *Рагнаръ*, попавшись нѣкогда въ плѣнъ Агличанамъ, брошенъ былъ въ яму, наполненную зміями, гдѣ бѣдственно, но при всемъ томъ мужественно, окончалъ онъ жизнь свою.

Они превосходили всѣхъ Европейскихъ народовъ своимъ презрѣнїемъ къ смерти, при нашествїи коихъ разпространялся страхъ по всѣмъ и сосѣдственнымъ Государствамъ даже. Безнадежные обселяне, оставляя свои пасства, удалялись немѣдленно въ огражденные стѣнами города, гдѣ крѣпкїя насыпи и огромныя башни удерживали нѣкоторое время жестокое усилїе варваровъ сихъ, у коихъ не доставало принадлежащаго орудїя къ скорому опровержению укрѣпленїй оныхъ.

Слабые Карловинги не въ силахъ были также противостоять журчащему сильно стремленїю Норманновъ сихъ. Часто покупывали они сребромъ у оныхъ совсемъ ненадежный и непродолжительный миръ: ибо Скадинавы не знали вовсе никакой надъ собою верьховной власти, потому что каждой толпы начальникъ сражался и похищалъ все, единственно токмо для одного себя; обремяненная искупленными деньгами устрашенной страны партїя, едва успѣвала отступать токмо, какъ другая, подобная во всемъ ей, наступала тотчасъ съ неменьшею бодростїю, отъемля, нетолько оставшееся все, но и самую жизнь даже страдавшихъ въ недавномъ времяни злощастныхъ жителей,

лей, которую откупили было они за дорогую цѣну у прежней, во всемъ ей равной. Сопротивленїе и преклоненїе, равно опасны были для нихъ оба, изъ коихъ первое служило для непрїобыкшихъ совершенною погибелью, а послѣднее отстрочивало нещастїе на весьма короткое токмо время.

Во владѣнїе *Эдельберта*, брата *Эдельвальдова*, вступили вооруженною рукою въ Англїю *Губба* и *Ингваръ*, дѣти *Рагнара Лодброга*, напавъ съ начала на Iоркъ, пространнѣйшїй городъ: удѣльные Князья страны той, не преминули выдти имъ на встрѣчу съ многочисленнымъ хотя числомъ, но слабо прїуготовленныхъ къ тому войскѣ; однакожъ храбрые Скандинавы побили безъ всякаго труда безсильныхъ Саксонъ на голову, низложивъ притомъ большую часть дворянства, и наложа на побѣжденныхъ исполненїе тяжкихъ условїй и поносную сверьхъ того подать. Они не оставили напасть также вскорѣ и на восточную часть острова. *Эдмунтъ*, Государь Остъ-Саксонъ, былъ также побѣжденъ, и взятъ притомъ въ плѣнъ, коего дикїе умертвивъ скоро, оросили потомъ всю Англїю кровопивственнымъ своимъ орудїемъ.

Новое

Новое войско укрѣпилось паки въ Реадингѣ, по близости бывшего посредственнымъ еще въ то время города Лондона. *Эдельредъ*, Король Англо-Саксоновъ и братъ наслѣдника *Эдельвальдова*, напалъ было на засѣвшихъ въ окопахъ Норманнъ съ большимъ мужествомъ, нежели щастïемъ; но былъ наконецъ отъ оныхъ прогнанъ съ величайшимъ урономъ.

При мѣстечкѣ Асгдовнѣ, неподалеку отъ Реадинга, сразились вновь оба войска другъ съ другомъ. Англо-Саксоны раздѣлены были тогда на два корпуса, изъ коихъ однимъ предводительствовалъ самъ Король, а другимъ повелѣвалъ меньшой братъ онаго, мужественный *Алфредъ*, начавшïй обращать впервыя токмо оружïе свое противъ враговъ отечества его. Сей самый *Алфредъ*, любимецъ родителя своего *Эдельвольфа* и меньшïй изъ всѣхъ сыновей онаго, прiобрѣлъ отъ природы величайшïя дарованïи, подобныхъ коимъ весьма рѣдко совокупными найти можно въ человѣкѣ. Прïятный видъ и почтенïя достойные его поступки плѣняли всѣхъ, знавшихъ сего младаго Принца, сердца къ оному. Онъ былъ посыланъ отъ родителя своего въ Римъ, столицу нѣкоторыхъ наукъ, кои оставались еще

тамъ

тамъ отъ раззорительныхъ побѣдъ Сѣверныхъ народовъ въ Европѣ. Младый Князь сей, былъ наставляемъ тамъ безпрестанно въ сихъ вовсе почти забытыхъ уже въ Англіи знаніяхъ, коему приложенъ было былъ и духовный санъ тамъ даже; но *Левъ IVй*, Папа Римскій, предвидя будущее величество благороднаго сего юноши, помазалъ его на Королевское достоинство, не смотря на то, что трое старшихъ его братьевъ находились между имъ и престоломъ.

Въ бытность же его въ Англіи, приобучаемъ онъ былъ къ различнымъ упражненіямъ тѣлодвиженія, кои единственно считались тогда достойными человѣка равнаго его состоянію. Онъ упражнялся въ верьховой ѣздѣ, учился скакать на охотѣ за соколами, и приобыкалъ ко всѣмъ необходимостямъ многотрудной жизни, какъ то, сносить терпѣливо голодъ, несносный жаръ и чрезмѣрное истощеніе силъ тѣлесныхъ. Будучи еще осмнадцати лѣтъ юношею, подалъ онъ уже не малую надежду брату своему *Эдельреду*, признать себя способнымъ въ порученіи ему предводительства надъ войскомъ, который не зналъ до того вовсе великихъ душевныхъ дарованій сего достоинствами

процвѣтавшаго *Алфреда*, и надѣясь вяще обольстить въ опасности, угрожавшей тогда толико Англію, для большего поощренія къ великимъ предпріятіямъ юноши сего, обѣщалъ ему наконецъ уступить половину той страны, кою завладѣть ему удастся только.

Но *Эдельредъ* поступилъ вѣроломно однакожъ противъ сего великодушнаго *Алфреда*: онъ удержалъ за собою, не токмо оставленную часть ему на удѣлъ отъ родителя, но и въ томъ отказалъ ему потомъ совершенно, что обѣщалъ оному самъ прежде. При всемъ томъ предпочиталъ *Алфредъ* любовь къ отечеству всѣмъ огорченіямъ отъ претерпѣнной имъ таковой несправедливости, и служилъ нарушителю увѣренія своего, брату его, въ наиопаснѣйшихъ походахъ весьма ревностно.

Онъ чувствовалъ безпрестанно единое токмо побужденіе къ добродѣтели: желаніе, избавить отечество свое отъ погибели, воспаляло часъ отъ часу его мужество. Норманны, выступя между тѣмъ въ полѣ противъ онаго, принудили его съ своими непріобыкшими къ войнѣ войсками съ ними къ сраженію. *Эдельредъ* молился между тѣмъ въ своей ставкѣ; никакая прозьба

Англо-

Англо-Саксоновъ его и ниже самый звукъ воинскій вызывающихъ къ брани музикійскихъ орудій, не могли его тронуть нарушить обычая, безъ чего не осмѣлился онъ надѣится приобрѣсти себѣ Божеской помощи Видя его таковую мѣдленность, принужденъ былъ наконецъ *Алфредъ*, подвергнувъ себя очевидной опасности, вступить съ непріятелями въ бой; чего ради, выступилъ онъ на открытое ровное мѣсто противъ сильнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ такъ сказать Норманновъ. Его чрезмѣрная неустрашимость и учиненной собою примѣръ при семъ случаѣ воспалили тотчасъ сердца робкихъ изъ его подчиненныхъ къ мужественному сопротивленію. Луки оныхъ изъ тисоваго дерева содѣланные, пускавшіе желѣзныя стрѣлы, и кои спустя еще многія столѣтіи потомъ доставляли Агличанамъ не малое преимущество предъ храбрѣйшими ратоборцами въ Европѣ, содержали долго сраженіе въ равновѣсіи; они низложили безчисленное множество до половины обнаженныхъ сражавшихся при семъ случаѣ Норманновъ, коихъ орудіи вблизи токмо вредить были въ силахъ; но упрямые Нордландцы не робели притомъ ни мало: мщеніе распалило тѣмъ паче ихъ бо-

дрость, они наступали ничего не страшась на Саксоновъ, коихъ выстрѣлы напротивъ того вблизи недѣйствительными были, и доводили оныхъ почти уступить ихъ непреодилимой силѣ; но при всемъ томъ, пребывали оные неподвижными: присудствїе и примѣръ младаго ихъ ироя, удерживали ихъ долго при своихъ знаменахъ. Превосходная сила непрїятелей окружила оныхъ потомъ со всѣхъ сторонъ, и отчаянїе заступило уже совершенно мѣсто тогда мужества, какъ *Эдельредъ* предсталъ наконецъ самъ, посвящая много время своему благочестїю, кое къ защищенїю народа его непремѣнно употреблено быть слѣдовало бы Итакъ, войско его, которое ничего еще не претерпѣло впротчемъ, видя погибель собратїй ихъ уже весьма близкою, доказало болѣе съ стороны своей къ ихъ спасенїю, нежели то самъ Государь ихъ чаять могъ. Часть онаго встрѣтила мужественно одно крыло Норманновъ, а протчїе напали на сражавшихся непрїятелей со стороны; итакъ, между двумя корпусами Соксонцевъ заключены будучи совершенно, учинились они наконецъ настоящею жертвою мщенїя *Алфредова*, что видя и другїе, стоявшїе еще неподвижно,

подвижно, поколебались потомъ немѣдленно. Такимъ образомъ, побѣдители не преминули преслѣдовать Норманнъ по всѣмъ мѣстамъ страны той, покуда нощь не заградила совершенно оставшихъ изъ нихъ. Многія тысящи пали разсѣянными на мѣстѣ, и земля напиталась съ алчностію тогда кровію ужаснѣйшихъ ея злодѣевъ.

Но Сѣверъ преисполненъ былъ изобильно скитавшимися толпами грабителей, и мужество жителей онаго превосходило то весьма далеко, чтобъ одно пораженіе ихъ сотоварищей могло устрашить ихъ отъ обыкновенной добычи, кою находили они столь часто въ Англіи. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, войско ихъ подкрѣплено будучи множествомъ судовъ, прибывшихъ изъ Скандинавіи, обратилось паки противъ обоихъ Князей Саксонскихъ. При мѣстечкѣ Марденѣ въ Графствѣ Вильтскомъ находящемся, дошло вновь дѣло до сраженія, на которомъ *Эдельредъ* былъ раненъ, а Саксоны обращены въ бѣгство. Преимущественнѣйшее искуство въ войнѣ и усилившееся паче прежняго презрѣніе къ смерти, доставили Норманнамъ совершенный перевѣсъ при семъ случаѣ, коему вся

Алфредова храбрость не въ силахъ была нимало противостоять болѣе.

Эдельредъ умеръ между тѣмъ вскорѣ отъ полученной имъ раны, оставивъ Государство въ такомъ положенїи, кое каждаго желанїе къ престолу отвратить довольно имѣло силы. Побѣдоносные Норманны обитали въ самомъ средоточїи всего Государства, Саксоны истощены были въ силахъ своихъ отъ частыхъ великихъ пораженїй, и совершенное оныхъ отчаянїе, сооружавшееся на искусномъ превосходствѣ силъ ихъ непрїятелей, вредило ихъ несравненно болѣе, нежели самое умаленїе числа ихъ воиновъ. Государь народа сего, приведеннаго въ наивеличайшее изнеможенїе, не видалъ ничего инаго тогда предъ собою, какъ токмо сомнительныя весьма сраженїи, чаемыя пораженїи, сильное уничиженїе и покрывающїя тѣло смертоносныя язвы его подданныхъ.

Алфредъ хотя и былъ еще молодъ впротчемъ; но постоянство мыслей онаго укрощало уже въ самыхъ пылкихъ лѣтахъ его всякое стремленїе страстей человѣческихъ. Будучи еще въ ребячествѣ, оставался онъ единымъ отраслемъ великаго рода, оживотворявшаго безпрестанно престолъ Саксонскїй,

скій, начиная отъ благочестиваго *Водана* до побѣдоноснаго *Эгберта* даже. Ему назначилъ уже *Эделърѣдъ* наслѣдство престола, потому что удержалъ онъ за собою во время правительства своего все принадлежащее оному законнымъ образомъ. Притомъ, *Алфредъ* сражался всегда усердно за народъ свой, одерживалъ многія побѣды, и при самыхъ пораженіяхъ войскъ его пребывали мужество и благоразуміе онаго безъ наималѣйшаго охуленія. Итакъ, всѣ Саксоны обратили совокупно глаза свои на него при семъ случаѣ, уповая несомнѣнно чрезъ его преизящныя добродѣтели получить совершенное избавленіе отъ угрожаемой имъ всѣмъ вскорѣ погибели. Долго противился было премудрый юноша убѣждавшему его дворянству и совѣтовавшему ему сильнымъ образомъ всему духовенству, дать на то свое согласіе, и нехотя уже принужденъ будучи уступить прозьбѣ ихъ наконецъ, допустилъ возвести себя на престолъ въ Винчестерѣ, колеблемый столь часто побѣдоносными варварами.

Не прошло еще съ мѣсяцъ времяни, какъ уже онъ принужденъ былъ при мѣстечкѣ Вильтонѣ дать непріятелямъ своимъ генеральную баталію, хотя и

лучше бы было гораздо, естьлибъ премудрый Государь сей приуготовилъ и приобучилъ прежде народъ свой небольшими сраженіями взирать на ужасный образъ неустрашимыхъ Норманновъ; но безпрестанныя опустошенія варваровъ сихъ и распространившееся по всему Государству пламя, принудили его покорится неизвѣстности случая, и идти съ малыми силами противъ сильныхъ непріятелей. Долго, по тѣхъ самыхъ поръ, покуда солнечные лучи освѣщали токмо почти поверьхность земли, сражались Саксоны съ равною удачею противъ Норманновъ. Хорошія Королевскія разпоряженіи означали уже наконецъ поверженную побѣду въ руки его; Норманны ослабѣли, но не предались однакожъ бѣгу, а отступили токмо назадъ. Саксоны бросились неосторожно на нихъ при семъ случаѣ; многіе изъ нихъ разсыпались отъ жадности къ добычѣ, и прогнали непріятелей совершенно до нѣкотораго возвышеннаго мѣста, откуда однако могли оные обозрѣть свободно слабые ряды преслѣдовавшихъ за ними въ безпорядкѣ Саксонъ; и какъ храбрые Норманны удерживали обыкновенно и при самыхъ своихъ пораженіяхъ бодрость свою, то поспѣшали не теряя времяни

возвратится тогда назадЪ: они напали на удостовѢренныхЪ весьма успѢхомЪ побѢды СаксонЪ, и исторгнули скоро потомЪ изЪ рукЪ оныхЪ всю честь, прїобрѢтенную ими вЪ продолженїе прекратившагося дня. МракЪ нощи спасЪ ослабѢвшихЪ притомЪ отЪ меча НорманнЪ, и хотя мало изЪ нихЪ пало на мѢстѢ; но побѢда была между тѢмЪ потеряна, и бодрость народа была снова паки порабощена совершенно.

При всемЪ томЪ однакожЪ, искупили Норманны побѢду сїю безцѢнною такЪ сказать кровїю, и военное искуство *Алфреда* возбудило вЪ нихЪ столь сильное кЪ нему почтенїе, что заключили сЪ нимЪ потомЪ совершенный мирЪ; они оставивЪ ВестЪ-Саксонїю, обратили оружїе свое противЪ другихЪ мѢстЪ острова, коими управлялЪ тогда между прочими удѢльными владѢльцами *ГуррегедЪ*, Князь Миддлесекскїй. Опустошая его земли, и принуждая онаго кЪ различнымЪ сЪ ними сраженїямЪ, покорили они наконецЪ по смерти его все Государство онаго подЪ свою власть. Восточная же Саксонїя и Нортумберландїя лежали и безЪ того уже погруженными вЪ ихЪ развалинахЪ, изЪ

коихъ не большїя обитаемыя еще мѣста заняты были всѣ Скандинавами.

Между тѣмъ *Гормундъ* и *Амундъ* напали паки вскорѣ съ новыми силами изъ неизчерпаемаго Сѣвера на осторожнаго весьма впротчемъ *Алфреда*, который защищалъ тогда токмо безопасность однихъ западныхъ Саксоновъ. Но премудрый Государь сей довелъ до того Норманновъ и при семъ случаѣ, что они принуждены были удалится оттуда немѣдленно, давъ клятву имянемъ боговъ своихъ оставить вовсе владѣнїе *Алфредово*; однако клятвопреступники сїи, напавъ не много спустя времяни потомъ на Королевскїе конскїе заводы, и снабдя себя тамъ довольно лошадьми, вступили въ Экчестеръ.

Въ слѣдствїе чего, не преминулъ представить Король удрученнымъ трудами и отчаеннымъ въ надеждѣ своимъ Саксонамъ, что когда никакой союзъ, ниже самая клятва варваровъ не могли обуздать уже оныхъ отъ коварныхъ ихъ намѣренїй, то въ такомъ случаѣ остается имъ возъимѣть единое токмо прибѣжище къ себѣ самимъ и мужеству всего народа, и когда не оставалось уже имъ болѣе никаковаго другаго спасенїя, то отчаянїе

ихъ

ихЪ долженствовало само подкрѢпить ихЪ руки, представляя имЪ притомЪ живо, что гораздо достойнѢе было пасть сЪ оружїемЪ вЪ рукахЪ, нежели допускать умерщвлять себя на подобїе скрывающейся дичины отЪ гоняющихся за нею ловцевЪ безЪ всякаго онымЪ сопротивленїя. Ободренные тѢмЪ Саксоны принялись паки за оружїе, и начали чинить прежнее усильное сопротивленїе НорманнамЪ. Седмь разЪ вЪ одномЪ году имѢлЪ *АлфредЪ* кровопролитнѢйшїя сраженїи сЪ сими грабителями; и хотя достойная кровь СаксонЪ текла по истиннѢ настоящими рѢками по полямЪ; но и Норманны напротивЪ того лишились до половины также своихЪ товарищей, принуждены будучи согласится наконецЪ на прежнїе договоры, учиненные ихЪ предшественниками, то есть, оставить вовсе западную Саксонїю, и не прїѢзжать никогда впредь сЪ новыми силами сЪ Сѣвера вЪ Государство *Алфредово*.

НепобѢдимый *Ролло*, начальникЪ сильнаго поколѢнїя Королей НорманскихЪ, для коихЪ престолЪ *Алфреда* предоставленЪ былЪ совершенно чаятельно высочайшимЪ ПровиденїемЪ, пребылЪ вѢрнымЪ навсегда сему условїю: онЪ

онѣ оставивѣ Англїю, перенесѣ оружїе свое вѣ Нистрїю, кою учинилѣ онѣ собственнымѣ своимѣ владѣнїемѣ, и гдѣ потомки его владычествовали потомѣ со славою и величествомѣ.

Между тѣмѣ не ушло ничего отѣ прозорливости великаго *Алфреда*; безполезно считалѣ онѣ испрашивать дружелюбїя отѣ Норманнѣ, покуда пространство водѣ морскихѣ, окружавшее его Государство, пребудетѣ имѣ отверстымѣ. Ихѣ ничемѣ неукротимая алчность и стремящееся безпрестанно безмѣрное желанїе кѣ чести, пролитїемѣ крови непрїятелей своихѣ, не допускали оныхѣ упражнятся вѣ наукахѣ и художествахѣ; жизнь сихѣ варваровѣ становилась имѣ вѣ тягость, когда не разбуждалѣ ихѣ отѣ сна, такѣ сказать, звукѣ оружїя и надежда скорой побѣды. Итакѣ, *Алфредѣ* предвидѣлѣ дѣйствительно гораздо болѣе впередѣ, нежели всѣ его предшественники, Короли Саксонскїе, способны кѣ тому были когда либо: ибо, Англїя не имѣла вовсе страшится инаго непрїятеля, кромѣ того, которой напасть предпрїиметѣ на оную со стороны морской. Чего ради, повелѣлѣ онѣ во всѣхѣ своихѣ пристаняхѣ строить немѣдленно корабли, принималѣ изѣ

рыбо-

рыболововъ охотниковъ и искусныхъ мореходцевъ къ себѣ въ службу, нагружалъ новопостроенныя свои суда воинами, и раздѣлилъ оныя по разнымъ устьямъ рѣкъ, куда Скандинавляне обыкновенно приставать и въѣзжать сдѣлали уже привычку.

Саксоны начели выходить потомъ изъ гаваней своихъ всегда бодрыми и довольно вооруженными на встрѣчу своимъ непрїятелямъ, когда разбойники сїи изъ отдаленной Скандинавїи, будучи чрезъ обширныя моря утомлены и обезсилены, старались достичь всячески береговъ Англїи. И тогда уже, говорю, неискусные еще вовсе почти въ мореплаванїи Саксоны, превосходили довольно супостатовъ своихъ Норманновъ; они разбили два большїе флотта оныхъ, потопили многїя изъ нихъ суда, а остальныя ушли возвратно на Сѣверъ. *Алфредъ* же между тѣмъ поспѣшалъ сухимъ путемъ въ Экчестеръ, окружилъ тамъ сухопутное войско Норманновъ, и принудивъ оное дать себѣ порукъ, выгналъ его потомъ изъ всей западной Саксонїи.

Но не многїе изъ Норманновъ пребыли вѣрными своему обѣщанїю: большая часть оныхъ не находила другаго себѣ содержанїя, кромѣ какъ отъ едина-

наго

наго грабительства. Они учинили вновь нападение на *Алфредовы* земли, завладѣли нечаенно Киппенгамомъ, весьма надежнымъ городомъ притѣсненныхъ Саксоновъ, и причинили вскорѣ истребляющее повсюду пламя, окровавивъ мечи свои во всѣхъ мѣстахъ Государства всего. Отъ долговремянной войны и отъ частыхъ пораженій ослабѣвшіе, а притомъ и самыми побѣдами даже утомленные Саксоны, потеряли наконецъ всю надежду къ ихъ спасенію: они разсыпались по лѣсамъ, по пустымъ мѣстамъ и по неприкосновенному еще отъ общихъ непріятелей ихъ Герцогству Валлискому, и искали безопасности у самыхъ своихъ прежнихъ враговъ, которой никакое сопротивленіе не въ силахъ было доставить имъ. Сіи обезоруженные, преклоня такимъ образомъ выи свои подъ иго, покорились добровольно всѣ ихъ злодѣямъ.

Итакъ *Алфредъ*, будучи оставленъ отъ всего народа, не находилъ болѣе средства собрать паки разсѣянныхъ, или возстановить по прежнему обуявшихъ страхомъ его подданныхъ; ему не оставалось самому ничего болѣе, какъ только спасать себя въ такое время, когда съ нимъ вкупѣ изчезала

и

и вся надежда достичь прежняго состоянія нѣкогда Саксонскому Государству. Чего ради, сложивъ съ себя Царское украшеніе, переобразовался онъ въ гнусное рубище простаго чоловѣка, замаралъ прекрасное свое лицо сокомъ нѣкоихъ плодовъ, и возъимѣлъ наконецъ прибѣжище къ одному престарѣлому пастуху, служившему при стадахъ еще предковъ его, Королей Саксонскихъ. Вѣрный сей рабъ, утаилъ достоинство Государя своего и отъ своей жены даже, которая съ неизвѣстнымъ ей Монархомъ обращалась съ приличною ея состоянію жестокою грубостію, въ коей *Алфредъ* искалъ тогда своей безопасности. Цѣлый годъ скрывалъ себя младый Государь въ семъ порабощенномъ состояніи; но ревностный духъ онаго не оставался и подъ симъ бремянемъ безпрестанно празднымъ.

Норманны имѣли разсѣяннымъ станъ свой въ болотистой странѣ Аѳельнея и разбитымъ между двумя рѣками въ Графствѣ Соммерсетскомъ: они считали себя въ семъ кленовомъ лѣсу между тинистыми мѣстами совершенно безопасными, и чинили изъ немудрыхъ сихъ укрѣпленій свои набѣги на злополучную страну Вестъ-Саксонскую:

скую: вЪ непроходимой сей пустынѣ сохраняли они свою добычу и всѣ вкупѣ сокровища терзаемой Англïи.

Часто нападалЪ *Алфредъ* сЪ малымЪ числомЪ СаксонЪ, или вооруженныхЪ настуховЪ на станЪ Датскïй, разбивалЪ нерѣдко партïи сихЪ разбойниковЪ, и производилЪ вЪ дѣйство надЪ ними свое будущее мщенïе, о коемЪ помышлялЪ онЪ безпрестанно для сихЪ варваровЪ; и часто отЪемля у нихЪ похищенной ими скотЪ, раздѣлялЪ добычу сïю по своимЪ усерднымЪ сотоварищамЪ. кои помогали ему причинять вредЪ врагамЪ его отечества. Единый, оставленный отЪ всѣхЪ Государь сей, служилЪ НорманнамЪ вмѣсто цѣлаго войска, поражавшïй сотни изЪ оныхЪ, и не будучи видимЪ притомЪ никогда. Многïя изЪ таковыхЪ малыхЪ преимуществЪ надЪ непрïятелями прïобрѣтенныхЪ, распространили вскорѣ слухЪ о смѣломЪ пастушьемЪ имяни повсюду, и имя *Вульфа* учинилось немѣдленно во всѣхЪ мѣстахЪ весьма страшнымЪ.

ТакимЪ образомЪ, ожидалЪ *Алфредъ* сЪ прискорбïемЪ и нетерпѣливостïю время избавить народЪ свой отЪ сильнаго притѣсненïя, вЪ коемЪ томился оной безпрестанно. ВѣрныЙ ему впротчемЪ хозяинЪ его, былЪ чрезмѣрно

бѣденЪ,

бѣденъ, потому что грабители изъ Датчанъ похитили и у него весь скотъ; въ слѣдствіе чего, принужденъ былъ *Алфредъ* питатся съ нимъ весьма умѣренною пищею, да и та не рѣдко отъемлема бывала отъ него также чрезъ разные случаи. Итакъ, одинъ хлѣбъ составлялъ тогда весь столъ Королевской и его питомца; и какъ нѣкогда, будучи онъ одинъ дома, увидѣлъ пришедшаго къ хижинѣ одного скитавшегося бѣднаго человѣка, и сказывающего о себѣ притомъ, что онъ умиралъ съ голоду, тогда сердце *Алфреда*, не бывъ столь жестоко, чтобъ могло противостоять подобному предмѣту, принудило тотчасъ его раздѣлить весь свой харчь съ симъ незнакомымъ нещастнымъ, предавшись самъ произволу Питавшего птицъ небесныхъ. Послѣ таковаго знака великодушія вздремалъ тотчасъ младый Государь сей, и по свидѣтельству гисторіи, будучи въ пріятной забыти, кою производитъ часто душевное спокойствіе, узрѣлъ представшимъ будто бы предъ нимъ вдругъ всевысочайшее Существо. „Твоя злая участь достигла нынѣ конца, Государь Саксонскій, вѣщало ему Оное, и путь къ престолу твоему сталъ уже отверстымъ тебѣ паки, будь

токмо

токмо въ щастіи тѣмъ же самымъ, каковымъ былъ ты и въ злополучіи своемъ.„

Услышавъ слова сіи *Алфредъ*, возчувствовалъ надежду свою возбужденною по маломъ послѣ того времяни утреннею зорею. Итакъ, усердный ловчій учинился щастливымъ потомъ въ его ловлѣ, а пастухи обрѣли паки заблудшую овцу изъ ихъ стада; но важнѣйшее извѣстіе отозвало между тѣмъ великаго *Алфреда* къ большему еще предпріятію. *Одунъ*, Графъ Девонскій, заключилъ себя, услышелъ онъ, въ замкѣ Кинвиѳскомъ, куда великое множество разсѣянныхъ повсюду Саксоновъ собралось подъ его покровительство; а *Губба* и *Ингваръ*, возвращаясь назадъ изъ Валлиса обремяненные добычею, гнались со всѣми ихъ силами за бѣгущими туда Саксонами, надѣясь легко принудить Кинвиѳъ къ здачѣ, гдѣ для многочисленной толпы осажденныхъ, знали они, не доставало довольнаго числа припасовъ; чего ради, окруживъ тотчасъ замокъ сей, пресѣкли они находящимся въ немъ всю воденую коммуникацію.

Алфредова кровь волновалась такимъ образомъ часъ отъ часу болѣе при приближавшейся необходимости

его

его народа. Онъ оставивъ уединенїе Аѳельнейское, пошелъ прямо въ станъ Норманновъ, переобразовавъ себя скоморохомъ. Будучи тамъ, пѣлъ онъ, играя притомъ на лютнѣ, древнїя пѣсни славнѣйшихъ богатырей старинныхъ; а Норманны слушали его напротивъ того со вниманїемъ, препроводя даже онаго къ самой ставкѣ ихъ предводителя. Король пробывъ цѣлыя двои сутки въ непрїятельскомъ стану, узналъ между тѣмъ все положенїе войска ихъ, видя величайшую во всемъ безпечность Норманнъ и сущее презрѣнїе оныхъ къ поражаемымъ ими столь часто Саксонцамъ. Чего ради, чрезъ вѣрныхъ посланныхъ отъ себя, вызвалъ онъ немѣдленно изъ Графствъ Вильтскаго, Гентскаго и Соммерсетскаго разсѣянныхъ своихъ Саксонъ; собралъ ихъ въ одно мѣсто въ лѣсу Селлвоодскомъ, и при мѣстечкѣ Эгбрихстонѣ принелъ надъ ними полное начальство. Въ семъ мѣстѣ предсталъ онъ предъ всѣми въ Королевскомъ его одѣянїи и въ полномъ сїянїи непобѣдимаго вождя, ведущего ихъ со знаками преисполненной надежды противъ общего всѣхъ непрїятеля, говоря имъ притомъ приличную речь къ тому случаю, чрезъ которую возбудилъ онъ каждаго изъ нихъ

къ мужественному нападенію на враговъ своихъ.

„Предъ вами предлежитъ нынѣ, говорилъ Король между протчимъ, настоящій выборъ, допускать погублять себя варварамъ, или пресѣчь единожди всѣ нещастіи. Итакъ, намѣрены ли вы долѣе подвергать женъ вашихъ добычѣ ихъ, дѣтей вашихъ порабощать неволѣ, и все отечество покорять подъ бремя наитягчайшаго ига, или желаете опасностію единаго токмо дня, нѣсколькихъ часовъ даже, освободить всю отчизну вашу, дѣтей своихъ, женъ и самихъ себя наконецъ? Не страшитесь впротчемъ, возлюбленные мои сотоварищи, продолжалъ говорить *Алфредъ*, воинской бодрости и дѣйствія искуства непріятелей вашихъ, я самъ видѣлъ ихъ, видѣлъ оныхъ въ самой близи, они не пріуготовлены нимало къ оборонѣ, не ожидаютъ вовсе къ себѣ непріятеля, и готовы къ совершенному своему пораженію, увѣряю васъ: вашъ мечь вонзится въ сердца ихъ прежде, нежели безпечные сіи воздвигнутся еще отъ сна, обремяняющего сильно ихъ чувствы.„

Все Саксонское войско сомкнуло тотчасъ щиты свои по окончаніи речи

сей,

сей, и всеобщее восклицанїе дасязало до небесъ даже при семъ случаѣ. *Алфредъ*, не допуская между тѣмъ остынуть жару сему, слѣдовалъ всю нощъ неутомимымъ образомъ съ своими войсками къ Норманнскому стану, и при слабомъ еще сїянїи наступающего свѣта, когда огни непрїятелей погасли лишъ только, и большая часть изъ оныхъ погружены были еще въ прїятномъ снѣ, вступилъ онъ со всѣми силами въ незагражденный ничемъ ихъ лагерь.

Въ самое то время напалъ и *Одунъ*(*) съ другой стороны съ засадою своею изъ крѣпости, который совершеннымъ во всемъ недостаткомъ и самымъ отчаянїемъ даже воспаленъ былъ къ презрѣнїю всякой опасности. Жестокосердые Норманны побиты были безъ наималѣйшаго сопротивленїя; вышитое изображенїе ворона на большемъ знамѣ Скандинавлянъ, работа сестеръ *Губбиныхъ*, отъ волшебнаго искуства коихъ,

 по

(*) *Спельманъ* упоминаетъ вмѣсто сей баталїи о двухъ разныхъ сраженїяхъ, изъ коихъ на перьвомъ *Одунъ* одинъ одержалъ яко бы побѣду, завладѣвъ и больщимъ знамемъ Норманновъ, а на другомъ *Алфредъ* побилъ будто бы разбойниковъ сихъ на голову, принудивъ оныхъ вскорѣ потомъ къ здачѣ.

по суевѣрїю Норманнъ, зависѣла будто бы всегда побѣда оныхъ, досталось въ руки *Алфреда* при семъ случаѣ: не многїе изъ нихъ успѣли уйти на свои суда, большая часть побѣжденнаго войска утвердилась было крѣпко на мѣстѣ; но на малое лишъ весьма время отвратила она совершенное свое паденїе.

Алфредъ не преминулъ окружить тотчасъ побѣжденныхъ твердою заградою побѣдоносныхъ своихъ войскъ, и на послѣдующей потомъ недѣлѣ принудилъ, какъ недостатокъ, такъ и несносная стужа отчаенныхъ всякой надежды чужеземцевъ предатся Королю совершенно въ руки, въ соболѣзнованїи о родѣ человѣческомъ вообще коего, полагали они еще нѣкоторое для себя спасенїе. Утѣшаемъ будучи таковымъ уничиженїемъ страшныхъ завоевателей, предложилъ онъ имъ выгоднѣйшїя условїи. *Гормундъ* одинъ изъ начальствовавшихъ надъ оными, избѣгшїй удачно смерти, и тридесять знаменитѣйшихъ ихъ витязей возприяли немѣдленно потомъ православную вѣру; *Алфредъ* далъ самъ при семъ случаѣ Сѣверному Князю имя *Адельстана*; онъ одѣлилъ всѣхъ своихъ новыхъ единовѣрцевъ бога-

богатыми дарами, а *Горминдъ* получилъ во владѣнїе свое Остъ-Саксонїю и Нортумберландїю.

Всѣ народы впротчемъ достигаютъ обыкновенно съ начала по степенямъ къ познанїю истинны. Долго остаются они еще варварами, и желанїи ихъ обуздываются токмо одною необходимостїю, которую у нихъ совершенно общею со звѣрьми неложно почесть можно. Но утренняя заря нравовъ и совершенное познанїе вещей начинаетъ восходить потомъ понемногу. Слабо увеличивается свѣтъ, и полдень слѣдуетъ тамъ послѣ нощи вдругъ посредствомъ сумерекъ и охлаждающихъ утреннихъ часовъ. *Алфредъ* принудилъ Норманновъ къ принятїю православной вѣры, потому что намѣренїе его было наипохвальнѣйшее: онъ чаелъ притомъ довести дикихъ завоевателей къ подражанїю хранить обѣты ихъ силою союза вѣры, и открыть имъ различные пути также, избавится наконецъ отъ злощастной для нихъ вѣчности; но достойный сей мужъ не могъ того предвидѣть, такъ какъ и его по мїрски мыслящїе духовные не знали вовсе, что одно окропленїе водою не дѣлаетъ никого истиннымъ христїяниномъ, что страхъ и

мечь побѣдителя не служатъ никакъ къ искреннему признанію какихъ либо доказательствъ достойными, и что безцѣнный даръ Святаго крещенія, яко знакъ воспріятія въ сообщество людей правовѣрующихъ, презрѣнъ бываетъ нерѣдко наигнуснѣйшимъ образомъ тогда, когда оный преподаваемъ бываетъ властію тому, коего понятіи не постигаютъ нимало истинны, и котораго воля не предана совершенно правиламъ благочестія Христіянскаго. Нетолько самъ *Гормундъ*, но ниже единый изъ его Норманновъ пребылъ непоколебимымъ въ вѣрности къ Королю Саксонскому, такъ что всѣхъ ихъ принуждено было покорять паки новыми кровопролитнѣйшими завоеваніями. Между духовенствомъ Саксонскимъ не было ни единаго, которой бы изобиловалъ усердіемъ и достаточною премудростію, принадлежащими дарованіями къ истинному обращенію столь сильно въ похищеніи и пролитіи крови человѣческой ожесточенныхъ воиновъ.

Торжественное обращеніе въ Христіянскую вѣру страшныхъ Норманновъ привлекало Саксонское дворянство сильно въ Веадморъ въ то самое время, когда *Алфредъ* приступалъ между тѣмъ къ олтарю, и произносилъ имя,

кое *Гормундъ* какъ Христіянинъ носить на себѣ долженствовалъ впредь, уговаривая притомъ новообращавшегося быть непоколебимымъ въ вѣрѣ, кою оный принималъ тогда на себя.

Между тѣмъ однакожъ, не выпускалъ Король Саксонскій ни на часъ изъ мыслей своихъ и пользу народа его; онъ предложилъ законы, кои *Гормундъ* своеручно подписать принужденъ былъ тогда, и кои Норманнамъ, яко имѣвшимъ поселится въ Остъ-Саксоніи и Нортумберландіи, впредь совершеннымъ правиломъ служить были должны.

Гормундъ отправился потомъ немѣдленно въ назначенные для него предѣлы; а Норманны, нехотѣвшіе принять законъ Христіянскій, переѣхали во Францію, и начели опустошать тамъ худо защищаемые провинціи, страшась впрочемъ покусится паки вступить въ брань съ Саксонами, отъ слѣдствія коей ничего не обѣщали они полезнаго себѣ впредь.

Напротивъ того *Алфредъ* продолжалъ безпрестанно производить въ дѣйство свои стараніи о благополучіи его подданныхъ; онъ старался учредить въ Государствѣ своемъ морскую силу, чрезъ чтобъ могъ онъ свободно удер-

живать посторонних разбойников от продолженія их набѣгов; понеже не безъизвѣстно ему было, что каждая пристань на Сѣверѣ нагружала суда охотниками к добычѣ, кои все почитали своим собственным, что не в силах было только противится их оружїю. Он одержал в послѣдующем году уже славную побѣду над нѣкоторым с Сѣвера прибывшим великим флоттом, затопил много кораблей из онаго, и принудил остальные бѣжать к чужим берегам, гдѣ слабые преемники Карловингскаго престола обладали им без силы и всякой славы, оставляя подданных своих посторонним в добычу; но другое войско прибыло между тѣм с самых тѣх же брегов в ближайшую рѣку Темзу, и осадило город Рочестер: однако осторожный всегда *Алфред* успѣл скоро и сему мѣсту на помощь; Норманны предались бѣгству, не смѣя вступить с ним в сраженїе, и вся добыча оных досталась потом на раздѣл Саксонам. Другая эскадра напала между тѣм на *Алфреда* в устьѣ рѣки Стуры, потопила часть судов онаго, и принудила остальных с собою к согласїю, кое однакож вѣроломные паки нарушили,

шили, сколь скоро страшное Королевское присудствїе не стало только удерживать ихъ отъ того болѣе.

Между тѣмъ, *Алфредъ* занятъ былъ построенїемъ и укрѣпленїемъ надлежащимъ образомъ раззореннаго Лондона, коему одному пространный городъ сей обязанъ былъ совершенно воздвиженїемъ своимъ паки изъ его развалинъ, такъ какъ и другїе многїе города, укрѣпленные симъ премудрымъ Государемъ, который предвидѣлъ то довольно, что съ Сѣвера прїѣзжающїе грабители не могли защищаемыхъ башнями и стѣнами его подданныхъ, какъ дѣлывали они обыкновенно въ отверстыхъ селенїяхъ, раззорять въ конецъ прежде, покуда не придетъ къ онымъ войско его на помощъ; но важнѣе и того еще попеченїе занимало сильно безпокойныя мысли Короля Аглинскаго.

Ужаснѣйшая буря предстояла впереди еще, кою благоразумїе *Алфредово* отвратило однакожъ заблаговремянно. *Арнулфъ*, соединя всю силу Государства своего съ Франками, принудилъ Норманнъ наконецъ оставить его владѣнїе, по тщетномъ осажденїи оныхъ Парижа, многолюднѣйшего острова. Триста судовъ нагруженныхъ сими храбрыми разбойниками напали на городъ

Апле-

Апледоръ при гавани Рїѣ, и укрѣпили себя потомъ въ мѣстечкѣ Беамфлеатѣ. Многїе изъ Скандинавлянъ, клявшихся непоколебимою вѣрностїю *Алфреду*, принявъ оружїе при семъ случаѣ, соединились для добычи съ сими пришельцами; но *Алфредъ* не преминулъ поспѣшить на помощь притѣсненнымъ тогда Остъ-Саксонамъ, съ коимъ присоединились также и граждане населеннаго тогда вновь города Лондона. Укрѣпленїи Беамфлеата были взяты вскорѣ приступомъ, *Гастингова*, Сѣверныхъ войскъ полководца, супруга и дѣти достались со всею похищенною ими добычею въ руки Саксонамъ; но *Алфредъ* не преступилъ и тогда врожденнаго своего великодушїя: „Не съ женщинами воюю я, говорилъ добродѣтельный сей Монархъ.„ Отправивъ къ удивившемуся тому весьма *Гастингу* супругу его со всѣми женщинами Норманнскими обратно; однакожъ и сїе великодушїе не могло тронуть сердца варвара, онъ продолжалъ похищать и опустошать Англїю отъ самой рѣки Тгемзы до гористаго даже Королевства Валлискаго, укрѣпивъ себя вновь при Бунтингтонѣ въ провинцїи Сгропѣ; а утомлѐнные Норманны, оставивъ обнаженнымъ отъ всѣхъ припасовъ замокъ,

по-

поспѣшали между тѣмъ немѣдленно къ Тгемзѣ. Они приведя суда свои въ небольшую рѣчку Лѣю, въ то самое мѣсто, гдѣ оная впадаетъ въ большую рѣку Тгемзу, и обнеся оныя крѣпкими шанцами, ожидали неустрашимо тамъ прибытія неутомимаго въ трудахъ *Алфреда*, который, прибывъ туда потомъ вскорѣ, почелъ укрѣпленіи сіи неприступными вовсе съ начала; но объѣхавъ самъ весь непріятельскій станъ вокругъ, вздумалъ вдругъ то, что нѣкогда *Куръ* произвелъ въ дѣйство съ величайшимъ успѣхомъ, то есть, приказалъ войску своему отвести воду рѣки Лѣи. Итакъ, всѣ суда Сѣверныхъ жителей очутились вдругъ на песчаной землѣ, низкая долина, по сторону лежавшая рѣки той, учинилась вскорѣ плодороднѣйшею жатвою, и отчаенные всякой надежды Скандинавы принуждены были оставить тотчасъ укрѣпленный ихъ лагерь: многихъ изъ нихъ истребилъ мечь Саксонскій при семъ случаѣ, а прочіе, нашедъ въ Остъ-Саксоніи суда, покушались было вредить всячески Агличанамъ на открытомъ море; но и въ сей стихіи превосходила силы ихъ премудрость *Алфредова*: онъ свѣдавъ, что суда Сѣверныхъ странъ, будучи весьма малы,

снабдены

снабдены были притомъ и не большимъ числомъ людей; чего ради, приказавъ построить суда гораздо превосходнѣйшими въ величинѣ предъ оными, атаковалъ наконецъ ихъ съ многочисленнѣйшею силою. Малыя суда Норманновъ не въ силахъ были противостоять великой силѣ военныхъ кораблей Саксонскихъ, многія изъ нихъ были затоплены, другія захвачены въ полонъ; а спасшіяся отъ того и другаго нещастія принуждены были во всю жизнь *Алфреда* не приближатся болѣе къ берегамъ острова, надъ коимъ пребывала неусыпною безпрестанно непоколебимая премудрость онаго.

Огорченный употребленіемъ во зло столь часто великодушія своего *Алфредъ*, возстановилъ тогда надъ Нортумберландіею и Остъ-Саксоніею двухъ Саксонскихъ Графовъ начальниками, отнявъ чрезъ то у Сѣверныхъ жителей всю честь уничтоженіемъ власти утвердившихся въ Англіи Скандинавлянъ Князья Валлисскіе, коихъ великій *Эгбертъ* не могъ покорить никогда, предались тогда сами добровольно въ руки Саксонскому Королю, и искали уничиженнымъ образомъ его покровительства. Итакъ, учинился онъ съ сего времяни всеобщимъ Государемъ полуденной

денной части Британіи, которая долго послѣ того еще все Англїею имяновалась, и владычество его было совершенно безпредѣльнымъ, потому что оное основывалось на единомъ токмо почтеніи и любви.

Такимъ образомъ, распространилась *Алфредова* слава и по сю сторону моря. Будучи непобѣдимымъ въ войнѣ, великодушнымъ противъ побѣжденныхъ и сущимъ отцемъ подданныхъ своихъ, служилъ онъ истиннымъ удивленїемъ его времяни. Ушедшїе изъ притѣсненнаго своего отечества Соксоны и разсѣянные по всѣмъ странамъ Европы, собрались паки скоро всѣ подъ покровъ возлюбленнаго ихъ Государя. Норманны, владѣвшїе разными мѣстами острововъ Британскихъ, покорились добровольно правосуднымъ его законамъ. Земля, остававшаяся многїя лѣта пустою и необработываемою, покрылась вдругъ повсюду богатою жатвою. Словомъ, миръ и изобилїе протекали вездѣ по обнищавшимъ странамъ Государства.

Годвинъ, уроженецъ дворянства Саксонскаго, будучи изъ давныхъ еще времянъ въ цвѣтущемъ его возрастѣ похищенъ нѣкоторымъ съ Сѣвера морскимъ разбойникомъ, находился долго въ Скандинавїи; но чрезъ непоколебимую

вѣрность

вѣрность и безпримѣрную свою храбрость, приобрѣтя милость его начальника, получилъ наконецъ совершенную себѣ свободу въ то время, когда Норманны престали чинить нападенїи на Англїю. Воспользовавшись тѣмъ, прибылъ онъ, проѣхавъ между тѣмъ многїе острова, въ Винчестеръ, и представленъ былъ Королю немѣдленно.

Жалостливый Государь слушелъ со вниманїемъ повѣсть нещастїя притѣсненнаго сильно благороднаго Саксонца во время онаго рабства; и *Годвинъ* заключилъ речь свою наконецъ истиннымъ свидѣтельствомъ, приписываемымъ имъ единственно премудрости Государя своего. „Моя свобода, говорилъ усердный рабъ сей, вдвое для меня прїятна тогда, когда нахожу я отечество мое при столь благополучной перемѣнѣ. Во время похищенїя моего изъ онаго, большая часть городовъ Англїи находилась превращенною въ пепѣлъ: злощастные жители искали тогда съ величайшимъ желанїемъ сокровенныхъ ущелинъ въ горахъ, непроходимыхъ оврагахъ и темныхъ пещерахъ, служащихъ обиталищемъ различнымъ звѣрямъ, гдѣбъ только сокрытся имъ можно было отъ жестокой ярости побѣдоносныхъ ихъ злодѣевъ.

Пустыя

Пустыя поля оставлены были на произволѣ дикому тернію; украшеніе садовѣ было неизвѣстно болѣе вовсе; нигдѣ невидно стало слѣдовѣ утѣшающей жатвы; страхѣ и отчаеніе владычествовали на унылыхѣ лицахѣ скрывающихся повсюду жителей; учебныя мѣста, гдѣ и мнѣ преподаваемо было нѣкогда вѣ различныхѣ наукахѣ наставленіе, покрыты были пепломѣ; руки художествѣ пребывали неподвижными; и истолкованіе премудрости нигдѣ не было приемлемо уже: самое всевысочайшее Существо должны были злощастныя сіи обожать тайнымѣ образомѣ, потому что ярость невѣрныхѣ преслѣдовала сѣ алчною ненавистію всѣ увѣщаніи служителей Божіихѣ; такѣ что забывали мы даже и самое утѣшеніе, кое бы вѣ столь страшныхѣ бѣдствіяхѣ могло возстановить насѣ можетѣ быть нѣкоторымѣ образомѣ.„

„Но несравненна разность нынѣшняго состоянія Англіи сѣ прежнимѣ: города воздвигнуты изѣ ихѣ развалинѣ сѣ сугубымѣ великолѣпіемѣ; мѣста стеченія православныхѣ Христіянѣ приняли прежнее паки достоинство, заслуживаемое поистиннѣ службою Божіею; всѣ училища наполнены стали людьми
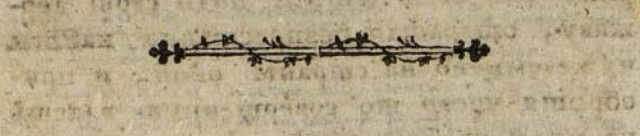
учеными, и юношество въ Государствѣ наставляется въ премудрости и добродѣтели; нивы, покрываютъ плоды изобильныхъ сѣмянъ; гласъ радостнаго земледѣльца оживотворяетъ всю его работу, и распускаетъ восхищающее эхо при собиранїи даровъ земныхъ; непроходимыя болоты учинились наипрїятнѣйшими долинами; и сїе обиталище отчаянїя покрыто нынѣ многочисленными стадами, кои трудолюбиваго земледѣльца питаютъ своимъ неизреченнымъ изобилїемъ.„

„Напротивъ того, прежнїе завоеватели Саксоновъ живутъ и понынѣ еще въ пещерахъ между наметанныхъ кучь необсѣченныхъ камней; поля ихъ лежатъ пустыми, и земля, кою обработывать лѣнятся они, лишаетъ ихъ даровъ своихъ; оныхъ великому нерадѣнїю не остается инаго средства, какъ токмо искупать кровїю своею для себя пропитанїе, кое раченїе оныхъ не въ силахъ вовсе приобрѣтать себѣ.„

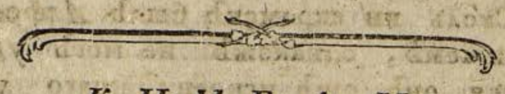
„Ктожъ содѣлалъ различїе сїе между Англїею и оными, и кто утвердилъ различные предѣлы сїи между ею и Скандинавїею? конечно *Алфредъ*, *Алфредъ* самъ причиною всему тому; онъ одинъ переобразовалъ всю землю, и учинилъ глухую пустыню настоящимъ вертоградомъ

градомъ всемъ безъизъятія избыточествующимъ.„

Сколь ни скроменъ былъ *Алфредъ* впрочемъ, однакожъ не могъ удержатся онъ отъ искреннѣйшаго удовольствія, ощущаемаго имъ сильно при семъ случаѣ отъ возбужденія нравоучительной сей истинны. Скрытно восхищалось тогда сердце его, и онъ обнадеживалъ себя всячески, пещись еще вяще о благополучіи Саксоновъ, своихъ подданныхъ.

Алфредъ.

КНИГА II.я

Въ теченіе цѣлыхъ тридесяти лѣтъ рѣдко выпускалъ между тѣмъ *Алфредъ* оружіе изъ рукъ своихъ, приобщая мало помалу нѣчто къ его завоеваніямъ, покуда наконецъ не покорилъ онъ всей Англіи подъ свою державу, отвращая безпрестанно набѣги чужеземцевъ на страны оной, и приобрѣтя чрезъ то совершенную власть на море: на большихъ изъ пятидесяти двухъ происходившихъ главныхъ сраженіяхъ, одержалъ онъ верьхъ и побѣду надъ его непріятелями, въ чемъ единственно онъ собственному своему распоряженію былъ обязанъ, достигнувъ наконецъ совершенно до желаннаго намѣренія, и искупя безпрерывный миръ продолжительнѣйшими трудами и проліянною въ многочисленномъ количествѣ источниковъ благороднѣйшей крови его вѣрноподданныхъ. Итакъ, по преодоленіи всего того желаемымъ образомъ, отдохнувъ *Алфредъ* нѣ-

сколько

сколько отъ всего безпокойствїя, понесеннаго имъ въ жизни своей, началъ паки трудится о внутреннемъ поправленїи Государства его, такъ какъ и о доставленїи оному надлежащаго спокойствїя.

Но безпримѣрною поистиннѣ дѣлаетъ славу *Алфреда* то, что онъ ни чрезъ какїя побѣды не допустилъ себя прельстить ни мало, любить и почитать войну. Весьма часто видалъ великодушный сей Государь увядавшимъ скоро славнѣйшїй лавровый цвѣтъ лучшей крови воюющихъ; совершенно зналъ онъ, говорю, сколь великое зло производитъ война въ тысящахъ тысящей; какимъ образомъ похищаетъ она въ настоящемъ цвѣту лѣтъ бодрыхъ юношей всю надежду отечества, и какъ протчїе получали въ награду великихъ дѣлъ, учиненныхъ ими, горчайшую еще предъ сими участь, томясь безпрестанно подъ несноснымъ игомъ мучительнѣйшаго страданїя и непрекращающейся никогда хворости; ему извѣстно было, сколь истребляло неугасаемое пламя все имущество цѣлыхъ миллїоновъ людей, и сколь всеобщая нищета и гладъ въ препровожденїи оной, а истребляющая зараза въ послѣдствїи, поспѣшали къ неизбѣжимой

мой погибели народовъ. Чего ради, никогда не начиналъ *Алфредъ*, *Алфредъ* премудрый, нападать самъ на своихъ непріятелей; всѣ его походы были ничто иное, какъ токмо однѣ отраженіи коварныхъ нападеній; невинность подобныхъ насилій могла одна подвигнуть человѣколюбивое онаго сердце посвящать кровь его соотчичей общественной пользѣ.

Но онъ нашелъ и во время мира раздробленнымъ на многія части Государство свое, въ коемъ сила меча владычествовала единственно многія лѣта, и законы не защищали уже никого вовсе; гдѣ слабая невинность должна была сносить все; и гдѣ стяжаніе гражданъ столь же мало, какъ и самая жизнь оныхъ, были не безъопасны. Для извлеченіяжъ изъ сего Лабиринѳа своего народа, учинилъ глубокомыслящій Государь сей извѣстными себѣ законы просвѣщеннѣйшихъ народовъ, какъ то, въ началѣ Еврейскіе, проистекавшіе отъ самой всевысочайшей Премудрости, а потомъ Греческіе, Римскіе, Датскіе и наконецъ Саксонскіе. Онъ почиталъ законы сіи сущею для себя работою, сотворенною для него единственно разумнѣйшими мужъями, выискивая изъ нихъ то только, что находилъ

онъ

онъ способнымъ и полезнымъ для своего народа.

Государь сей родился впротчемъ въ самое время совершеннаго невѣжества, въ такомъ столѣтіи, когда Западныя страны позабыли вовсе языкъ и науки древнихъ Римлянъ, когда *Карлъ* великій принужденъ былъ заимствовать въ твореніяхъ премудрости Аравійскаго *Аарона*, когда суевѣріе требовало помѣстить себя на престолъ благочестія, и духовный санъ искалъ всемірнаго владычествованія. Самъ Король воспитанъ былъ въ таковыхъ предразсужденіяхъ: ибо, большая часть изъ его приближенныхъ и учителей были однѣ только духовныя люди. Сверьхъ же того и обычаи Саксоновъ учинились ему нетолько привычкою, но и самымъ правиломъ даже. Итакъ, *Алфредъ*, хотя и былъ премудрымъ законодавцемъ, но изъ неминуемыхъ недостатковъ времяни онаго, происткали многія еще несовершенства, противъ коихъ никакія человѣческія дарованіи не могли защитить его.

При всемъ томъ однакожъ, сколь ни преданъ онъ былъ Римскому Епископу (*), подъ присмотромъ коего пре-

(*) Подъ симъ разумѣется глава всего духовенства, то есть, Папа.

препроводилъ онъ большую часть его перьвыхъ лѣтъ юности, но не забылъ *Алфредъ*, что онъ былъ самъ Государемъ, и что вся власть въ Государствѣ его поручена была ему отъ верьховнаго Властелина всѣхъ властей земныхъ. Чего ради, покорилъ онъ все духовенство самымъ тѣмъ же законамъ, кои предписаны имъ были и протчимъ его подданнымъ, не оставилъ Епископамъ ни малѣйшей власти въ мѣстахъ судебныхъ, и наказывалъ преступниковъ въ духовенствѣ, не испрашивая согласія въ наказаніи оныхъ изъ Рима, такъ какъ сильный его правнукъ *Плантагенетъ* перьвый дѣлать то принужденъ бывалъ нѣкогда.

Итакъ, законы *Алфредовы* учинились совершенно законами *Эдуарда* и истиннымъ источникомъ всего Аглинскаго права, въ коемъ вольный и непобѣдимый притомъ народъ полагаетъ перьвѣйшее свое преимущество. Онъ былъ перьвый, которой поставилъ каждому гражданину другихъ подобныхъ ему во всемъ судіями; обвиняемые не могли ожидать отъ того никакой несправедливости, коего судіями могли они учинится послѣ паки, и коихъ безопасность основывалась на самой той же справедливости, кою бы

они сами оставили ихъ сотоварищу. *Алфредъ* учредилъ также, чтобъ каждой благородной судимъ былъ всегда двенадцатью такимижъ благородными; а къ простолюдинамъ опредѣлилъ одинадцать человѣкъ гражданъ подъ начальствомъ одного благородной крови мужа, такъ что и понынѣ еще пребываетъ право сїе въ полномъ употребленїи въ Англїи, хотя ни одинъ народъ не принялъ за благо сїе равенство судей съ обвиняемымъ; да и дѣйствительно имѣли причину обвиняемые опасатся, какъ отъ незнанїя судей ихъ вопервыхъ, такъ и отъ упрямства единаго между оными, а притомъ и отъ коварства неправосуднаго Государя, тогожъ самаго, что въ другихъ странахъ происходитъ отъ коловратно толкующихъ судей. Сей образъ сужденїя преступникамъ предписалъ *Алфредъ* какъ своимъ Саксонамъ, такъ и Норманнамъ вкупѣ.

Не менѣе всѣхъ протчихъ законовъ вольныхъ народовъ, на Сѣверѣ живущихъ, были и опредѣленїи въ наказанїи по обстоятельствамъ преступленїя учреждены *Алфредомъ* весьма умѣренны. Весьма не многїя изъ нихъ простирались до пролитїя крови

человѣческой. Возмущенїе, измѣна противъ Государя и нарушенїе всеобщего покоя, подвержены были токмо однѣ лишенїю живота, да и то можно было, по древнему обычаю Нѣмецкихъ народовъ искупать возложеннымъ за то вѣсомъ злата. Прелюбодѣянїе, учиненное съ замужнею женою, какъ противное всеобщему благосостоянїю преступленїе, заслуживало по каждаго предразсужденїю тягчайшее наказанїе предъ прочими съ нимъ сходными, потому что оное, полагалъ *Алфредъ*, разрывало священный союзъ общества, и разлучало притомъ тѣхъ другъ съ другомъ, коихъ соединенїе есть тѣснѣйшее и нужнѣйшее къ надеждѣ всего потомства. Духовная особа, обличенная во лжесвидѣтельствѣ, въ омоченїи рукъ кровїю невинности и въ преступленїи предѣловъ цѣломудрїя, хотя и наказывана бывала Епископами, но при всемъ томъ долженъ былъ таковой преступникъ предстать и предъ гражданскїй судъ, заплативъ Государю за вину свою предписанное за то взысканїе.

Тѣ, кои подпадали подозрѣнїю въ какомъ либо преступленїи, должны были для общей безопасности сыскивать себѣ порукъ, или допускать взять

себя

себя подъ стражу; но какъ Норманны наполнили весь островъ столь многими примѣрами явныхъ насилій, что грабительство и отнятіе чужаго имѣнія наглымъ образомъ, были уже всеобщимъ повсюду порокомъ, то и сію опасность зналъ *Алфредъ* истребить до основанія; употребленноежъ имъ къ тому средство, не извѣстно было и самымъ просвѣщеннѣйшимъ народамъ вовсе. Въ началѣ раздѣлилъ онъ все Государство на различныя Графства, изъ коихъ каждаго предѣлы были означены и утверждены притомъ. Каждое Графство раздѣлено было потомъ на сотни, кои отъ воспріятія оружія имѣли и свое имя (*), и каждая таковая сотня состояла изъ десяти начальниковъ семей. Каждой десятокъ обязанъ былъ ручатся за всѣхъ, принадлежавшихъ къ оному, а притомъ и за всѣ прочіе десятки вообще, такъ какъ всѣ напротивъ того должны были дѣлать то за каждой особо, съ таковымъ притомъ обязательствомъ, чтобъ каждой обвиняемой не могъ предпринять чего въ противность учрежденныхъ законовъ въ Государствѣ, и представленъ бы былъ непремѣнно предъ

судъ

(*) По Аглински называется то Weapontake.

судѣ въ случаѣ, какъ скоро токмо потребованъ туда будетъ; но никто не пользовался болѣе защищенїемъ правосудїя тѣхъ, коихъ имяна вписаны были въ сїи десятки. Ктожъ не хотѣлъ подвергать себя симъ обязательнымъ условїямъ, тотъ бывалъ исключаемъ отъ охраненїя Государственныхъ законовъ, и могъ быть не только притѣсняемъ безъ всякаго за то наказанїя, но лишенъ имѣнїя своего и самой жизни даже. Когда кто изъ помянутыхъ десятковъ впадалъ случалось въ подозрѣнїе, по причинѣ каковаго ниесть преступленїя, и сотоварищи онаго отрицались дѣлать за него въ томъ поручительство, чтобъ оной явился самъ собою къ суду тогда, когда дѣло до того дойдетъ, то таковой заключаемъ бывалъ немѣдленно въ тюрьму. Въ случаежъ побѣга онаго, до взятья его еще подъ стражу, обязаны бывали не токмо тотъ десятокъ, въ коемъ онъ числился, но и вся сотня за нерадѣнїе въ томъ платить Королю установленную пеню. Впротчемъ, могъ и избѣгать также десятокъ скрывшегося отъ возложенїя на него сего наказанїя, когда всѣ онаго начальники доказать только могли единогласно, и подтвердить то клятвою,

что преступникъ тотъ учинилъ преступленіе то вовсе безъ ихъ вѣдома, и самъ потомъ скрылся; но сіе утвержденіе должно было подтверждено быть и другихъ сосѣдственныхъ десятковъ свидѣтельствами; естьлижъ не учинено бывало то прочими, то подпадалъ весь десятокъ проступившегося подъ тяжкое изтязаніе; имѣніе бѣжавшего бывало обыкновенно отбираемо въ казну, и когда изъ онаго налогъ сей не могъ составить всей суммы, то весь тотъ десятокъ, въ которомъ преступникъ находился, долженъ былъ непремѣнно дополнить недостатокъ собственнымъ своимъ иждивеніемъ; а притомъ и обязанъ бывалъ виновнаго представить суду, сколь скоро только узнаетъ о мѣстѣ его пребыванія.

Когда изъ постороннихъ нѣкто приставалъ въ домъ къ кому нибудь изъ подданныхъ, то долженъ бывалъ почитаемъ таковой быть двое сутокъ за гостя, и преступленіе его не относилось нимало въ вину хозяину, когда оной подтвердить только могъ клятвою, что онъ не имѣлъ прежде никаковаго свѣденія о его поступкахъ; Но будежъ посторонній сей проживалъ трои сутки у кого въ домѣ, то хозяинъ

зяинЪ онаго долженЪ былЪ отвѣчать за него уже во всемЪ, какЪ бы за своего домашнего.

При всемЪ томЪ однакожЪ, не осмѣлился еще *АлфредЪ* предпринять обуздать нѣсколько по наслѣдству прiобрѣтаемую власть ГрафовЪ, потому что оная довольно глубоко вкоренена была вЪ ГосударственномЪ правленiи; но обезсилилЪ вмѣсто того весьма власть знатныхЪ, опредѣля кЪ каждому Графству по особому Бургграфу, котораго назначалЪ самЪ Король вЪ сiе достоинство, и которой при каждомЪ Графствѣ означалЪ быть его надзирателя, исправляя тужЪ самую должность, каковая поручаема бывала и посланникамЪ у КарловинговЪ. ПодЪ онымЪ назначилЪ Король быть судье, вЪ присудствiи коего вЪ судѣ каждаго Графства всѣ дѣла до правосудiя относящiяся должны были предлагаемы быть, и сей самый судiя имѣлЪ право ограничивать власть какЪ Бургграфа, такЪ и Графа притомЪ.

Дѣйствiе учрежденiй сихЪ служило всѣмЪ совершеннымЪ чудомЪ вЪ тогдашнѣе время. За нѣсколько до того времяни не смѣлЪ никто появится на большихЪ проѣзжихЪ дорогахЪ, не будучи вооруженЪ исправно; ибо, каждой

долженЪ

долженЪ бывалЪ защищать самЪ себя, потому что законы не вЪ силахЪ были охранять онаго; но вдругЪ воцарилась во всемЪ ГосударствѢ всеобщая безопасность. ПроѢзжїй взиралЪ безЪ страха на муракЪ нощи, покрывающей землю, потому что его имѢнїе и жизнь оставались безЪ наималѢйшей опасности; и хотя Король повелѢвалЪ нарочно вѢшать на древеса сдѢланныя изЪ злата различныя дорогїя утвари; однако стремленїе кЪ добычѢ не побуждало никого подвергать себя всей строгости законовЪ, и служители Царскїе приносили сокровища обратно во всякой цѢлости. Столь было премудро строгое милосердїе правосудїя, бдящее безпрестанно за невинность и доказывающее ясно порочнымЪ то, что всякая слабость, есть совершенное токмо дурачество.

ПослѢдующїй за симЪ трудЪ *АлфредовЪ* состоялЪ вЪ томЪ, чтобЪ учинить всеобщую подробную опись всѢмЪ деревнямЪ и уѢздамЪ цѢлаго Государства со всемЪ ихЪ имуществомЪ и доходами, такЪ какЪ и сЪ возложенными на нихЪ поборами. Сей неудобопонятный трудЪ приведенЪ КоролемЪ кЪ концу вЪ самое обнаженное отЪ наукЪ столѢтїе вЪ ВинчестерѢ.

Виль-

Вильгельмъ, завоевателемъ прозванный, возобновилъ сїю Государственную опись, и потомство наслаждается почти уже тысящу лѣтъ премудрымъ симъ трудомъ великаго *Алфреда*, который при тысящи случаевъ къ удобнѣйшему обложенїю подати и прекращенїю всякихъ тяжбъ съ величайшею пользою всегда служить можетъ.

На сей Государственной переписи и на раздѣленїи на Графства, сотни и десятки всего Государства, основывались всѣ суды, учрежденные *Алфредомъ* въ каждомъ Графствѣ, въ каждой сотнѣ и въ каждомъ десяткѣ; доступъ правъ облегченъ былъ чрезъ то весьма каждому гражданину, и полная власть въ правосудїи отнята была вовсе изъ рукъ несмысленныхъ, преданныхъ единственно военному оружїю большихъ. Бургграфы и судьи имѣли первое начальство въ сихъ присудственныхъ мѣстахъ правосудїя, и каждый Саксонецъ долженъ былъ получать свѣденїе о правѣ предъ его десяточнымъ судомъ, а потомъ предъ судомъ сотеннымъ и Графскимъ.

Алфредъ, хотя и нашелъ впротчемъ весьма не многихъ, кои въ производствѣ дѣлъ сихъ были искусными; но благоразумїе его знало однакожъ

тво-

творить оныхъ таковыми. Онъ разсматривалъ съ безпримѣрнымъ тщаніемъ самъ всѣ дѣла до Государства касавшіяся, кои предлагаемы бывали ему для высочайшаго изслѣдованія, и когда нѣкто изъ Бургграфовъ или судей его судили по онымъ несправедливо, то наказаніе слѣдовало неминуемымъ: самое даже незнаніе не могло никого избавить въ томъ; ибо каждой долженъ былъ непремѣнно напередъ знать свои силы, и отнюдь не искать себѣ таковаго званія, коего должности исправить не въ состояніи находилъ онъ себя. Естьлижъ корыстолюбіе или ненависть нарушали хотя нѣсколько право общественное, то также, яко противное обычаю Саксоновъ, постигало того непремѣнно смертное наказаніе, и *Алфредъ*, который столь часто впрочемъ упущалъ вины самымъ возмутителямъ и преступникамъ присяги, не щадилъ никого однакожъ изъ неправедныхъ таковыхъ судей. Въ теченіе времяни единаго года, приказалъ онъ сорока четырехъ таковыхъ судей казнить смертію, кои обличены были въ противныхъ поступкахъ правосудію. *Кадвинъ*, былъ перьвымъ изъ числа оныхъ, за то, что приговорилъ онъ ошибкою одного человѣка къ смерти,

хотя между двенадцатью сообщниками трое и найдены имъ были невинными въ томъ дѣлѣ. *Галею* стоило то жизни, что пощадилъ онъ нѣкотораго знатнаго вельможу, которой отнялъ силою земли у одного Саксонца, присовокупивъ оныя къ Государственной казнѣ. Другой судїя долженъ былъ умереть, потому что онъ заключилъ нѣкоего обвиняемаго въ тюрьму, пресѣкши ему случай защищать себя въ показанномъ на него доносѣ. *Оскителлъ* пострадалъ самъ за то, что осудилъ на смерть нѣкоего подозрительнаго человѣка, которой подъ пыткою, учинилъ признанїе въ преступленїи, заслуживавшемъ непремѣнную смерть, кое впротчемъ никакими доказательствами не могло утверждено быть вовсе. Ибо довольно извѣстно было *Алфреду*, что ожесточенный духъ злодѣя часто презиралъ всю силу мученїя, и издѣвался послѣ надъ самымъ правосудїемъ, кое не хотѣло осудить онаго къ достойному наказанїю, когда не обвинитъ онъ самъ себя въ чемъ либо; но напротивъ того человѣкъ слабаго сложенїя, которой, не въ силахъ будучи перенести несноснаго мученїя, охотнѣе оговорить самъ себя вознамѣрится во всемъ, и осудить себя

тѣмъ

тѣмъ скорѣе къ воспріятію смертоноснаго удара, нежели согласится продлить нѣсколько нестерпимыя страданіи: понеже пристрастные допросы служутъ часто къ обоимъ симъ средствамъ, то есть, къ наказанію невинности и совершенному освобожденію преступленія.

Сущее въ томъ удостовѣреніе, что Король усмотритъ послѣ нарушеніе въ правосудіи и самую невозможность приговора; а притомъ и великій страхъ, что оный не преминетъ взыскивать строго за учиненный проступокъ, принуждали каждаго судію прилѣжать рачительно какъ въ познаніи правъ, такъ не менѣе и въ пребытіи непоколебимо вѣрнымъ предписаннымъ ему законамъ. Они воображали себѣ безпрестанно, что имъ должно было производить судъ какъ будто бы въ присудствіи самаго Государя. Итакъ, вмѣсто незнающихъ воиновъ начали вскорѣ потомъ заступать мѣста въ правосудіи однѣ токмо свѣдущія законы Государства и порабощенныя наиусерднѣйшимъ образомъ должностямъ своимъ люди.

Самъ Король былъ наставникомъ во всемъ народу своему, онъ зналъ великое свое искуство въ наукахъ и свое

знанїе въ стихотворствѣ, употреб-ляшь оныя надлежащимъ образомъ къ исправленїю всѣхъ нравовъ его подданныхъ, такъ какъ и выражать притомъ съ пользою нравоученїе посредствомъ различныхъ примѣровъ, повѣстей и острыхъ выдумокъ. Ему извѣстно было, что прїятность стихотворства доставляла рачительнымъ подражателямъ добродѣтели свободно ко всему доступъ, и что смыслъ содержанїя краткихъ правилъ премудрости можно онымъ непремѣнно свободнѣе внушить въ память людямъ: понеже онъ самъ былъ не только ирой и законодатель, но и великой пїитъ своего времяни. Безпримѣрное уваженїе, оказываемое имъ всегда къ ученымъ и достойнымъ мужьямъ, учинило науки совершеннымъ предмѣтомъ всеобщаго почтенїя и необходимостїю усерднѣйшаго старанїя въ его Государствѣ. Потомство имѣетъ предъ очами своими еще и понынѣ нѣкїя древнїя преданїи, въ коихъ *Алфредъ* изображается наставляющимъ своихъ вельможъ истинной премудрости, открывающей прямый путь къ блаженной вѣчности. Вельможѣ, Епископу и судьѣ предписалъ онъ каждому особо изъ сихъ званїй свою должность, и открылъ настоящее

вели-

величество, основывающееся на исполненіи ими оной; а притомъ, подтверждаетъ то и послѣднее его завѣщаніе юному *Эдуарду*, преемнику престола его, коего онъ призналъ за достойнаго Государя Государству Аглинскому.

Алфредъ испыталъ самъ надъ собою, что науки дѣлаютъ насъ съ начала способными быть добрыми: ибо, кто проницаетъ внутреннюю пріятность добродѣтели, тотъ имѣетъ и склонность конечно любить оную; но отъ кого сокрыта сія прелесть, тотъ ищетъ благополучія своего токмо въ мысленныхъ его желаніяхъ. Книги премудрой древности изображаютъ всѣ безъ изъятія добродѣтель достойною почтенія, а порокъ заслуживающимъ всеобщее презрѣніе: и отъ сихъ то самыхъ книгъ приемлетъ нечувствительно душа вкусъ къ безцѣнному добру, которой сильно вперяютъ онѣ въ оную; понеже свѣтъ ничто иное есть, какъ токмо самое наивеличайшее пагубное училище, гдѣ весьма часто превозносится съ успѣхомъ порокъ, и отмѣтается вовсе обличающая добродѣтель, презирающая весьма пути, чрезъ кои щастіе возносится допускаетъ себя. Въ преданіяхъ мудрецовъ изображается живо

Антонинъ; но во времяна мрака, когда науки пребывали еще сокрытыми, изчезла совершенно вся истинная добродѣтель, все великодушїе и все человѣколюбїе. У самыхъ самовластныхъ властелиновъ даже рабскаго Китая, бываютъ потомки дикихъ Скиѳовъ, чрезъ внушенное ученїе древнихъ мудрецовъ и блестящїе примѣры добродѣтели, истинными питомцами чадъ своихъ, между самыми сими варварами, говорю, произошелъ великїй *Гангчи* и достойный *Кїенлонгъ*.

Чрезъ долговремянныя войны, опустошившїя сильно Англїю, истреблены были науки вовсе. Въ сїи злощастныя времяна забыли тамъ люди все, что ни принадлежало токмо ощутительнымъ образомъ къ повседневному оныхъ содержанїю. Не было ни единаго во всемъ Государствѣ Вестъ-Саксоновъ, которой бы зналъ перевести хотя смыслъ Латинской книги на свой природной языкъ, не смотря на то, что вся Божїя служба Саксонъ основывалась на Латинскомъ письмѣ, стихахъ и проповѣданїи. Чего ради, *Алфредъ* долженъ былъ непремѣнно искать путей къ наученїю народа своего по сю сторону моря. Въ Ирландїи, гораздо менѣе почитаемой тогда Ирландїи, нашелъ

шелЪ онЪ нѢкоего *Іоанна*, Гибернца родомЪ, которой вЪ АѲинахЪ и вЪ Италіи препровождалЪ многія лѢта жизни своей, которой зналЪ совершенно давно позабытой уже языкЪ странЪ ВосточныхЪ, и которой *Карла*, по прозванію плешиваго, носилЪ на себѢ величайшую милость и даже самую довѢренность онаго; такого человѢка, которой разумѢлЪ присказать можно, которой разумѢлЪ притомЪ и шутить весьма остроумно, и коего собственные его ученики умертвили наконецЪ, потому что онЪ обратилЪ ихЪ на себя совершенную ненависть. ВЪ обитель АѲелингскую призвалЪ онЪ изЪ древней Саксоніи, яко настоящего источника народа своего, нѢкотораго ученаго игумна, и *АссерЪ МонмуѲЪ*, такЪ назывался оный, преданЪ былЪ столь кЪ своей должности, что Король не могЪ удержать его при себѢ долѣе, какЪ токмо полгода времяни, не смотря на то, что поручилЪ его пасству Епископство Винчестерское.

Будучи остроумнымЪ и свѢдущимЪ вЪ познаніи людей, могЪ Государь сей познать свободно вЪ пасущемЪ стадо свиней юношѢ преизящныя дарованіи совершеннаго мужа, коего освободилЪ онЪ изЪ сего низкаго состоянія, и который чрезЪ

пріобрѣтенное имъ воспитаніе учинился наконецъ достойнымъ Епископомъ.

Причтенный же къ лику Праведныхъ *Недтъ*, былъ впрочемъ урожѣнцемъ изъ Корнваллиса; его безпримѣрное благочестіе, приобрѣло ему еще при жизни его всеобщее отъ всѣхъ почтеніе. Онъ самъ воспиталъ Короля, и носилъ всегда онаго на себѣ величайшую милость, такъ что увѣщаніямъ и совѣтамъ сего имянитаго мужа приписываютъ многія великія предпріятіи, произведенными *Алфредомъ* потомъ въ дѣйство.

Помощію ученыхъ и глубокомысленныхъ таковыхъ мужей, довелъ *Алфредъ* мало помалу всеобщее просвѣщеніе народа въ лучшее состояніе. Онъ вступилъ на престолъ въ такое время, когда ни единой Епископъ въ Англіи не разумѣлъ своего на Латинскомъ языкѣ писаннаго молитвенника, и дожилъ потомъ до того, что ни единаго изъ нихъ не было болѣе въ томъ Государствѣ, которой бы не зналъ разсуждать о вещахъ до Божества касающихся, сколько требовало токмо достоинство его званія. Король облегчилъ весьма притомъ всему духовенству изученіе нужныхъ знаній,

при-

приказавъ перевести употребительнѣйшія книги на Саксонскій языкъ, трудясь между протчимъ и самъ надъ нѣкоторымъ сочиненіемъ, въ коемъ описаны были подробно должности, принадлежащія до Священнаго сана.

Но къ спасительному его намѣренію потребны были между тѣмъ непремѣнно особыя училища: чего ради, расточилъ *Алфредъ* всѣ свои сокровища къ сему полезнѣйшему изъ всѣхъ его учрежденій: ибо, взрослыя люди, зналъ онъ, суть, наподобіе старыхъ древесъ, весьма негибки, и не могутъ доведены быть вовсе уже къ лучшему состоянію; но младость допускаетъ себя напротивъ того преклонять ко всему, къ чему бы ни предприяло токмо довести оное премудрое воспитаніе; чистѣйшійжъ духъ оной приемлетъ обыкновенно съ равною скоростію любовь добра и истинны, когда предоставлено будетъ сіе при недостаткѣ строгости не укротимымъ стремленіемъ различныхъ страстей.

Итакъ, изъ всѣхъ дѣлъ, учиненныхъ *Алфредомъ*, не превозноситъ ни единое столько Государство его, какъ учрежденіе верьховнаго училища въ Оксфордѣ: тысяща ученыхъ и тысяща учителей истинны и добродѣ-

 тели

тели изображены въ полномъ сїянїи на семъ престолѣ музъ, похвальные подвиги коихъ имѣютъ неоспоримо начальные свои корни въ *Алфредовомъ* смиренномудрїи и великодушїи, посвященные имъ плодороднымъ семянамъ добродѣтели и премудрости. По прошествїи многихъ сотъ лѣтъ ничего не было открыто въ Оксфордѣ полезнѣйшаго, никакая не доказана была спасительнѣйшая истинна, и никакое душеполезное наставленїе не было преподаваемо, чрезъ кое бы слушатели могли быть побуждены къ своему исправленїю; словомъ, нималѣйшая частица наукъ не объяснена была какимъ либо замысловатымъ сочиненїемъ безъ того, чтобъ *Алфредъ* не имѣлъ участїя въ содѣянномъ добрѣ своихъ подданныхъ.

Учрежденїе сего новаго вышняго училища, служило совершеннымъ подражанїемъ духовныхъ обителей, кои во времяна *Алфреда* единыя были токмо пристанища наукамъ. Король соорудилъ три большихъ зданїя, гдѣ восемдесятъ числомъ юношей опредѣленными онымъ доходами во всякое время должны были содержаны быть, и подчинилъ ихъ особливымъ законамъ, кои съ наукою и вѣрою вкупѣ служили пред-

предмѣтомъ въ подражанїи душеспасительныхъ упражненїй питомцамъ, наставляемымъ въ ономъ; такъ что училище сїе было всему потомству напослѣдокъ совершеннымъ примѣромъ; а благотворительные мужья и благоразумные Государи приумножили его послѣ еще большимъ числомъ различныхъ учрежденїй, кое процвѣтаетъ даже и по среди самой владычествующей пагубы, особливожъ въ разсужденїи преизящныхъ наукъ, языковъ и Богословїи.

Цѣль порядка, коя преимущественно изображаетъ премудраго *Алфреда* предъ всѣми прочими Государями въ Англїи, распространялась на всѣ отросли Государственнаго правленїя: онъ сдѣлалъ всѣхъ своихъ Саксонъ совершенными должниками ихъ отечеству, не допустя однако нимало терпеть чрезъ то земледѣлїю или содержанїю домочадцевъ. Всѣ жители каждаго Графства были притомъ исчислены и переписаны имъ; часть изъ оныхъ находилась въ городахъ и замкахъ, служа тамъ вмѣсто засады, изъ коихъ *Алфредъ* укрѣпилъ немалое число, дабы оные каждой части Государства могли служить настоящею защитою; но прочїе граждане должны были

пре-

пребывать всегда въ готовности для всякихъ нечаенныхъ случаевъ, кои открывались весьма нерѣдко при неспокойномъ духѣ Скандинавлянъ. Одна половина оныхъ принуждена была немѣдленно туда слѣдовать, гдѣ нужда требовала того токмо, а другая оставалась всегда готовою для вспоможенія перьвой, и заступала мѣсто тѣхъ, коихъ оканчивалось время службы. Такимъ образомъ наставляемы были всѣ Саксоны въ упражненіи оружія, и *Алфреду* не было уже нужды болѣе вести съ смущеннымъ духомъ и прежнимъ отчаяніемъ зараженныхъ своихъ соотчичей, противъ неустрашимыхъ Норманнъ. Каждое Графство имѣло собственнаго у себя полководца, подъ присмотръ коему поручена была вся военная сила. Съ помощію врачевавшихъ поспѣшно законовъ и безпрестаннаго упражненія въ военномъ искуствѣ приобрѣли Саксоны паки потеренную къ себѣ довѣренность, и шли съ нетерпѣливостію уже противъ страшныхъ Норманновъ, коя часто предводителями ихъ должна была даже обуздываема быть. Сія великая перемѣна у злощастныхъ столь прежде впротчемъ Саксоновъ, служила новымъ въ томъ доказательствомъ,

что

что премудрый Государь могЪ свободно все произвесть вЪ дѣйство, потому что нравы народа его составляютЪ настоящїй звукЪ вЪ рукахЪ онаго, которой онЪ при всякихЪ случаяхЪ перемѣнять свободно можетЪ.

Корабли его были по тогдашнему обычаю токмо вѣсельныя суда; они построены были чрезмѣрной величины, и каждое такое судно приводимо было вЪ настоящее движенїе сорокью вѣслами, вышина коихЪ превосходила вдвое предЪ судами НорманновЪ, а воины, находившїеся на оныхЪ, пуская сЪ преужасной высоты сей стрѣлы на своихЪ непрїятелей, превосходили совершенно во всемЪ НорманнЪ, коимЪ никакая бодрость противостоять не вЪ силахЪ была. *АлфредЪ* достигнулЪ притомЪ наконецЪ и успѣха вЪ его сердечномЪ желанїи; онЪ привелЪ вЪ настоящую безопасность Государство свое отЪ СѣверныхЪ разбойниковЪ, кои прежде, учиня столь много тысящей злощастными, были вовсе потомЪ изгнаны, ужасаясь даже и береговЪ того Государства, кое охраняемо было сильною морскою силою. Но *АлфредЪ* приобрѣлЪ и того еще болѣе, онЪ, тотЪ самый, который лишенЪ былЪ до того всего владѣнїя,

достигЪ

достигъ вскорѣ послѣ верьховной власти и на море, яко природнаго преимущества Государя Аглинскаго, кое потомки его распространили потомъ по всѣмъ морямъ, обтекавшимъ обѣ части всего свѣта.

Наподобїе великихъ своихъ преемниковъ въ правленїи, искалъ и *Алфредъ* также для подданныхъ своихъ новыхъ путей къ открытїю полезныхъ и весьма нужныхъ упражненїй; попеченїе, поистиннѣ премудрѣе и достойнѣе гораздо, нежели единое токмо великодушїе; потому что сїе питаетъ подданнаго нѣкоторое токмо время; но оное приводитъ какъ его самаго, такъ и все его потомство даже, въ состоянїе, промышлять всегда безъ заботы ихъ содержанїе.

Какъ всѣ художества вообще сопряжены между собою весьма тѣснымъ союзомъ, то и обязаны онѣ слѣдовательно подкрѣплять другъ друга взаимно. Ибо, къ самому военному искуству потребна тысяща другихъ различныхъ художествъ, производимыхъ обыкновенно въ металлѣ, деревѣ, парусной работѣ и живописной наукѣ, помощїю коей составляется весь чертежъ ко всѣмъ прїуготовленїямъ въ оной; но во всѣхъ сихъ знанїяхъ

недо-

недостаточною была тогда весьма Англія, потому что въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ висѣлъ страшный мечь хищныхъ Норманновъ надъ главою оной, и всѣ силы жителей ея сопряжены будучи взаимно, стремились къ единому токмо предмѣту, служащему къ отвращенію неминуемой погибели. Итакъ, сіи то самыя художества воцарилъ паки *Алфредъ* по прежнему въ свое Государство.

Его безпримѣрная щедрота обѣщавала художникамъ достаточное для нихъ содержаніе, а величайшее онаго милосердіе приумножало во всѣхъ надежду пребыванія ихъ въ Государствѣ его. Изъ всѣхъ странъ пространной Германіи, Государства Франковъ, томящагося подъ игомъ жестокаго правленія завистливой Шотландіи, примирившегося съ *Алфредомъ* Валлиса и тщательныхъ къ трудамъ Нидерландовъ, поспѣшали чрезвычайнымъ образомъ художники и рукомѣсленники покорить себя защитѣ знавшего награждать заслуги Государя, у коего никакой недостойной немилости и никаковаго безвиннаго отриновенія опасатся вовсе не можно было. Почему наполнилась вся Англія въ короткое время людьми искусными и знающими, кои сами для

Короля

Короля сего приводили различныя работы до настоящаго совершенства, доводя притомъ и Саксонское юношество до лучшихъ рукодѣлій и равнаго себѣ во всемъ искуства.

При всемъ томъ однакожъ, зналъ *Алфредъ* и то, что Государь, будучи сходнымъ съ прочими человѣкомъ, не въ силахъ былъ самъ собою, какъ постигать все, такъ и избирать при всякихъ случаяхъ надежнѣйшіе пути, ниже вымышлять ко всѣмъ намѣреніямъ удобнѣйшія средства. Чего ради, спрашивалъ онъ охотно у тѣхъ совѣта, коимъ свѣдомо было довольно предложенное дѣло, слушалъ съ терпѣніемъ и великимъ вниманіемъ каждаго, которой предлагалъ ему заключеніи своего знанія, сравнивалъ мысли различныхъ знатаковъ, и могъ чрезъ то слѣдственно свободно избирать наилучшій изъ всѣхъ совѣтъ, поступая безъ наималѣйшаго отлагательства по оному.

Въ его владѣніе получила Англія три настоящія присудствія, гдѣ всѣ дѣла исправляемы были въ наилучшемъ порядкѣ. Верьховный Государственный совѣтъ рѣшилъ важнѣйшія дѣла, касавшіяся до Государства, управлялъ учрежденіемъ оныхъ, и исправлялъ недостатки въ законахъ. Епископы,

Графы,

Графы, Бургграфы и судіи засѣдали въ семъ совѣтѣ, такъ какъ и тѣ, кои получали жалованныя вотчины отъ правленія въ награжденіе за военные свои подвиги, будучи обязаны посвящать себя пользѣ отечества ихъ.

Другой, болѣе власти предъ вышеупомянутымъ имѣвшій судъ, имѣлъ попеченіе о дѣлахъ, кои требовали большаго сохраненія тайны и поспѣшнѣйшаго притомъ рѣшенія и исполненія; въ ономъ разсматривано было и то также, что въ вышеозначенномъ мѣстѣ должно бывало изслѣдывано быть. Къ сему дѣлу употребляялъ *Алфредъ* обыкновенно Епископовъ, игумновъ и протчихъ духовныхъ, кои безпрестанно пребывали около его особы, которыхъ преизящныя качества ему довольно извѣстны были, и коихъ разумъ притомъ изощренъ былъ различными науками. Ибо въ злощастное столѣтіе, въ кое царствовалъ *Алфредъ*, какъ благородные, такъ и самые Государи иногда, исключаемы были изъ числа упражнявшихся въ чтеніи полезныхъ книгъ, и отлучаемы даже отъ самаго изслѣдованія важнѣйшихъ дѣлъ въ Государствѣ, по причинѣ ихъ неучености. Весьма немногіе изъ нихъ разумѣли едва читать токмо,

 счи-

считая всѣ должности къ отечеству достаточно удовлетворенными уже тогда, когда они мужественно подвизались за оное, и безбоязненно умирали притомъ.

Не смотря однакожъ на то, не хотѣлъ *Алфредъ* нимало лишать себя случая въ заимствованіи изъ каждой страны Государства и каждаго города истиннаго познанія о томъ, что принадлежало до исправленія его подданныхъ, или при упущеніи того какимъ либо образомъ могло быть вреднымъ онымъ. Чего ради, учредилъ онъ навсегда въ своей силѣ остающимся особый законъ, дабы впредь ежегодно весь верьховный Государственный совѣтъ, Епископы и протчіе знатные вельможи собирались два раза къ Королю. Въ семъ многочисленномъ собраніи разсуждаемо бывало вопервыхъ о законахъ, кои однакожъ самъ Государь преподавать всегда имѣлъ власть; потомъ разсматриваны были тяжебныя дѣла людей знатныхъ; а въ заключеніе всего пеклись и о общественномъ благоденствіи Государства.

Но какъ *Алфредъ* довольное уже имѣлъ въ тогдашнѣе время о всѣхъ вещахъ понятіе, то не могъ онъ и не ощущать того вовсе, сколь опасна была сила Графовъ власти Королевской.

Они

Они достигали, зналЪ онЪ, гораздо близко кЪ предЂламЪ оной, и возносили себя весьма предЪ такЪ называвшимися Өанами(*); вЪ разсужденіи чего, употреблялЪ сей премудрый Государь различныя средства кЪ поколебанію преимущества ГрафовЪ оныхЪ. ВсЂ дЂла большей важности требовалЪ онЪ для того обыкновенно предЪ себя на разсмотреніе, кЪ чему причислялось также и душегубство: судіи его судили всякія насиліи, происходившія по дорогамЪ, и разбирали разныя тяжбы гражданЪ различныхЪ ГрафствЪ, не великой важности стоившія. Частныя же дЂла, правосудія требующія, препровождаемы бывали изЪ суда каждаго десятка вЪ судЪ сотни, и потомЪ предлагаемы были вЪ судЪ Графства, гдЂ Графы, Епископы, Бургграфы, судіи и помянутые Өаны имЂли засЂданіе и голоса свои; но изЪ сего мЂста переносимо бывало уже наконецЪ и кЪ самому Королю для рЂшенія. ВсЂмЪ ГрафамЪ предоставлено было тамЪ право преимущества, такЪ какЪ и вЪ предводительствЂ войскомЪ, а притомЪ поручаема имЪ бывала также и должность сообщать всЂмЪ подданнымЪ вЪ ГосударствЂ волю Государя ихЪ.

(*) Проименованными вЪ послЂдствіи времяни Баронами.

АЛФРЕДЪ.

КНИГА III.

Упавшее Государство было приведено такимъ образомъ паки въ надлежащїй порядокъ. Военная сила, науки, художества и Государственныя учрежденїи исправлены были въ ономъ попрежнему, такъ что *Алфредъ* могъ свободно уже помышлять потомъ о попеченїи украшенїемъ его, къ чему приуготовлены были имъ и всѣ нужныя распоряженїи. Начальное его старанїе, кое притомъ и къ защищенїю Государства относилось немало, состояло въ томъ, чтобъ воздвигнуть вновь сожженные и въ развалины превращенные нѣсколько времяни назадъ тому города и замки, изъ коихъ Лондонъ особливо обязанъ ему вторичнымъ своимъ возстановленїемъ: ибо, изъ укрѣпленной окопами пристани Норманновъ сдѣланъ онъ былъ паки городомъ, и потомъ учинился уже мало помалу неизмѣримымъ въ свѣтѣ престоломъ правленїя, купечества и различныхъ манифактуръ.

Городъ

Городъ Винчестеръ, будучи при Королѣ *Эдельредѣ* раззоренъ до подошвы, воздвигнутъ былъ также *Алфредомъ* съ вящимъ предъ прежнимъ его великолѣпїемъ и крѣпостїю; потому что города Саксоновъ составляли съ начала однѣ токмо хижины, кои пылающимъ факеломъ разсѣянныхъ повсюду Скандинавлянъ могли свободно въ одинъ день всѣ превращены быть въ пепелъ; но *Алфредъ* обнесъ столицу Государства своего, кою составлялъ тогда городъ Винчестеръ, изсѣченными четвероугольными плитами изъ дикаго камня.

Устьи большихъ рѣкъ и берега морскїе укрѣпилъ Король новыми крѣпостями и окопами, гдѣ безпрестанно находились сильныя засады, и могли удерживать свободно перьвыя стремленїи нападенїя прїѣзжавшихъ грабителей столь долго, покуда протчїе Саксоны, вооружа себя исправно, и собравшись вкупѣ, съ достаточною силою могли идти противъ сихъ хищниковъ. Сїе легкое средство, служащее къ удержанїю своевольства морскихъ разбойниковъ, презирали прежде Саксоны, и платили слѣдовательно чрезъ то самое за сїе нераденїе своею благороднѣйшею кровїю весьма дорого.

А какъ *Алфредъ* жилъ въ такое время, когда законъ естественный и науки возможно было найти токмо между одними монахами, потому что оные одни считались тогда премудрыми, и почитаемы были за Святыхъ мужей, то и самъ Король сей даже не могъ избѣжать совершенно отъ предразсужденія своего столѣтія: его склонное къ благочестію вѣры сердце соединило почтеніе, заслуживаемое Словомъ Божіимъ, съ подобострастіемъ къ произносимымъ служителямъ Оное, и онъ преданъ былъ искренно духовнымъ, кои составляли его тайныхъ и ближайшихъ совѣтниковъ. По сей самой причинѣ соорудилъ онъ множество монастырей, и подѣлалъ убѣжища для тѣхъ, кои отлучатся предпринимали отъ всѣхъ суетъ мірскихъ, и посвящать хотѣли себя въ тишинѣ келій здравому разсужденію о вѣчности. Перьвымъ изъ построенныхъ имъ монастырей, былъ Аѳелинскій, чемъ учинилъ онъ безсмертную память своему уничиженію, кое претерпѣвать принужденъ онъ былъ въ семъ мѣстѣ, соорудя на самомъ болотѣ, сохранявшемъ жизнь его нѣкоторое время отъ побѣдоносныхъ Норманновъ, на высокихъ столпахъ обитель сію. Для

дщерей

дщерей благородныхъ людей, основалъ онъ въ Шафтсбурѣ особый храмъ, и построилъ въ Винчестерѣ пространное кладбище, какъ для самаго себя, такъ и протчихъ изъ своихъ преемниковъ, въ нѣкоторомъ вновь же сооруженномъ имъ монастырѣ.

Онъ отдалъ также Епископству Дургамскому и другимъ многимъ обителямъ прилежащія къ нимъ земли въ независимое ихъ владѣніе; но сей податливый Государь не могъ проникнуть того довольно, что онъ въ похвальнѣйшемъ его намѣреніи приуготовлялъ всему духовенству сущій ядъ симъ несмѣтнымъ богатствомъ, какъ такимъ напиткомъ, которой упоилъ ихъ всѣ чувства, и чрезъ то самое вкоренилъ глубоко въ сердца корыстолюбивыхъ гордость и властолюбіе, сопряженныя со властію.

Не забылъ онъ однакожъ при всемъ томъ и того, сколь ни былъ впротчемъ преданъ вѣрѣ, что Государю должно учинится непремѣннымъ наружное великолѣпіе, потому что народъ не по внутренней цѣнѣ сердецъ своихъ, но по знакамъ единственно силы и власти почитаетъ обыкновенно своихъ повелителей. Въ слѣдствіе чего, приказалъ *Алфредъ* воздвигнуть паки

раззоренныя Королевскія чертоги изъ изсѣченныхъ камней, и украсилъ загородные домы наилучшимъ образомъ, въ коихъ Государи искали иногда себѣ убѣжища отъ несноснаго бремя дѣлъ Государственныхъ.

Какъ общій творецъ порядка, учредилъ онъ и собственное свое жилище на премудрѣйшихъ основаніяхъ: всѣ его прислужники раздѣлены были на три части, изъ коихъ каждой исправлять должность свою принужденъ бывалъ четыре мѣсяца въ году только, а остальные восемъ бывалъ свободнымъ.

Добродѣтель его не заключала въ себѣ ничего строгаго, а тѣмъ менѣе еще отягощавшаго собою чемъ либо. Онъ любилъ страстно какъ орудіи, такъ и самое дѣйствіе всѣхъ звукъ производящихъ художествъ, къ пріятному удовольствію коихъ почерпнулъ онъ вкусъ во время пребыванія своего въ Римѣ, и привлекъ тѣмъ самымъ искуснѣйшихъ мастеровъ и услаждающее слухъ журчаніе ко Двору своему: ибо зналъ онъ довольно, что земляныя орудіи приводятъ въ сильное изнеможеніе существо силъ человѣческихъ, и безпрестанная работа оными бываетъ наконецъ

конецЪ безплодною, производя притомЪ во всемЪ величайшія неустройства.

Будучи отЪ природы Саксонцемъ, преданЪ онЪ былЪ совершенно во время своей младости различнымЪ охотамЪ и птицеловству: утреннее прохлажденіе, чистый воздухЪ и различное тѣлодвиженіе, дѣлали упражненіе сіе весьма полезнымЪ; но *АлфредЪ* зналЪ и оное удовольствіе обращать кЪ общественной пользѣ. ОнЪ употреблялЪ оружіе свое и при самой даже охотѣ противЪ однихЪ звѣрей, причиняющихЪ величайшій вредЪ, истребляя коихЪ, защищалЪ онЪ чрезЪ то подданныхЪ своихЪ отЪ расточителей ихЪ имущества, будучи самЪ притомЪ искуснѣйшимЪ изЪ всѣхЪ СаксонцевЪ вЪ сихЪ упражненіяхЪ.

Король сей не забывалЪ также и сомое великолѣпіе, служащее единственно кЪ прославленію величества Двора своего. ОнЪ перьвый былЪ изЪ всѣхЪ Государей СаксонскихЪ, который приобрѣлЪ довольное число художниковЪ вЪ свою службу, знавшихЪ искусно обработывать золото и драгоцѣнные каменья, коимЪ приказалЪ онЪ между прочимЪ кЪ совершенному тщеславію имянитѣйшихЪ торжествЪ сдѣлать великолѣпную Королевскую корону. ВЪ

сихъ художествахъ былъ онъ нетолько самъ довольно свѣдущимъ, но и весьма способнымъ даже наставлять въ томъ другихъ.

Перьвому ему также изъ всѣхъ предмѣстниковъ его пришло на мысль о учрежденiи у себя нѣкотораго числа Кавалеровъ; понеже награжденiе за военные подвиги, состоитъ обыкновенно во власти единаго Государя: оно не истощеваетъ его сокровищъ, и не можетъ никакъ учинится налогомъ, наподобiе другихъ награжденiй, кои сплошъ бѣдной оплачивать послѣ принужденъ бываетъ; но приноситъ притомъ удостоившемуся того неменѣе благополучiя, какъ злато и сребро: оно служитъ, когда только сообщаемо бываетъ сходно съ учрежденiемъ своимъ, явнымъ свидѣтельствомъ уваженiя Государя, на коемъ основывается почтенiе всего народа, и составляетъ чувствительнѣйшее удовольствiе, могущее желать токмо нѣжное сердце. Итакъ, наградилъ *Алфредъ* перьваго знакомъ достоинства кавалерскаго внука своего *Адельстана*, давъ ему при семъ случаѣ пурпуроваго цвѣта одежду, и препоясавъ онаго драгоцѣннымъ поясомъ, къ которому привѣшенъ былъ короткiй мечь Саксонскiй въ позлащенномъ

номъ влагалище; а *Адельстанъ* съ стороны своей подтвердилъ совершенно собою всю надежду весьма проницательнаго своего дѣда, учинясь потомъ сильнымъ и многопочитаемымъ Государемъ въ Англіи.

Не смотря на то, что *Алфредъ* умѣлъ раздѣлять себя въ познаніи столь многихъ художествъ, предприемля на себя столь величайшіе труды, оставался онъ въ каждомъ изъ нихъ весьма великимъ. Съ трудомъ найти можно было одного человѣка во многихъ тысящахъ людей, равныхъ его состоянію, которой бы зналъ употреблять съ толикимъ искуствомъ душевныя свои дарованіи при столь многихъ и притомъ различныхъ упражненіяхъ, и всѣ слѣдствіи ясно предвидѣть еще сверьхъ того. Изъ всѣхъ же сихъ предпріятій его, не было ни единаго, кое бы не заключало въ себѣ искреннѣйшаго стремленія ко всеобщему благу народа онаго.

Но преимущественное попеченіе сердца сего Монарха, состояло въ угожденіи особливо всемогущему Создателю тварей всѣхъ; такъ что никто безсомнѣнія не въ силахъ помрачить нисколько и въ наши, столь непостоянныя времяна впротчемъ, безсмертной

славы

славы великаго *Алфреда*; понеже благочестивое Богопочитанїе его, по образу тогдашняго столѣтїя, имѣло въ себѣ нѣчто иноческое. Но всесильный Сердцевѣдецъ будетъ и тѣмъ доволенъ, когда человѣкъ въ жизни своей соотвѣтствовать въ силахъ тому состоянїю, въ кое воздвигнутъ онъ былъ всевысочайшею Премудростїю: ибо, смѣшенное плево не помрачитъ никакъ доброты прекраснаго зерна пшеницы предъ сильно проницающими Очами всевѣдущаго Существа.

Хотя въ самомъ премудромъ благочестїи Государя сего и оставался впротчемъ примѣтнымъ образъ того столѣтїя; но *Алфредъ* былъ однакожъ гораздо благоразумнѣе многихъ изъ тѣхъ великодушныхъ Государей тогдашняго времяни, кои, оставляя народу ихъ нужное свое правленїе, удалялись въ монашескїя обители, дабы пещись токмо собственно о себѣ самихъ; пребывъ навсегда трудолюбивымъ и неутомимымъ къ пользѣ народа своего Государемъ.

Онъ раздѣлялъ съ вѣрою его все свое имѣнїе, а притомъ и самое время даже. Изъ своихъ доходовъ, дѣлывалъ онъ обыкновенно двѣ равныя части, изъ коихъ одна была назначена для

усерднаго

усерднаго подаянія, и раздѣляема бывала паки по бѣднымъ, монастырямъ и училищамъ; а другая, оставленная имъ для себя, была подобнымъ же образомъ опредѣляема по равнымъ частямъ для его придворныхъ, художниковъ и упражнявшихся въ различныхъ работахъ рукомѣсленниковъ, такъ какъ и посторонныхъ, поселявшихся въ его Государствѣ людей. Собственное же содержаніе Королевское составляли вмѣсто того казенныя земли, кои отдаваемы были природнымъ жителямъ на урочныя времяна за нѣкоторыя токмо выручки, состоявшія въ разныхъ земляныхъ плодахъ и ловѣ различныхъ звѣрей, кои должны они были ставить обыкновенно ко Двору его.

Свое время, кое составляетъ единственный предмѣтъ токмо здѣсь нашего намѣренія, раздѣлялъ *Алфредъ* также пополамъ съ Богослуженіемъ; онъ присовокуплялъ къ оному справедливымъ образомъ иногда нѣкоторыя, достойныя вниманія своего, примѣчаніи, кои почерпая онъ частію изъ преданій Святыхъ отецъ, или и изъ собственнаго своего понятія составляя, замѣчалъ и вписывалъ своеручно въ его памятныя книги, изъ коихъ составялись наконецъ пространнѣйшія

сочи-

сочоненіи, въ которыхъ упражнялся *Алфредъ* съ немалымъ удовольствіемъ. Раченіе его къ трудамъ, простиралось столь далеко, что, не хотя отнять нисколька часовъ отъ опредѣленнаго имъ время для упражненія въ законѣ, принужденъ онъ былъ въ такомъ столѣтіи, когда не было еще никаковаго свѣденія о какихъ либо часахъ, употреблять удивительнѣйшее средство къ соразмѣру времяни, по нарочно сдѣланнымъ имъ для того изъ воска свиткамъ, вѣся оные, и раздѣляя ихъ по часамъ сутокъ. Ему приписываютъ также сверьхъ того изобрѣтеніе, кое хотя древнимъ народамъ и не безъ извѣстно было можетъ быть, но во времяна невѣжества истреблено въ конецъ, въ снабженіи сего выдуманнаго имъ средства въ раздѣленіи время прозрачнымъ рогомъ; понеже стѣкло не знаемо еще было тогда вовсе, на что учинилъ онъ будто бы нарочный обѣтъ по одержанной имъ побѣдѣ при Аѳелнѣе.

Сверьхъ того, весьма далеко простиралось усердное желаніе и попеченіе Государя сего въ томъ, дабы нѣкіи болѣзненные припадки, или какое безпрестанное терзаніе мыслей не могли удерживать его иногда отъ его предпріятій, вдаваясь

во-

воображаемымЪ утѢхамЪ. Во время его юности, служило сїе желанїе совершеннымЪ плодомЪ страха его вЪ огорченїи величества Божїя, и было соблюдаемо имЪ во всякой точности; цѢлыя двадцать пять лѢтЪ страдалЪ онЪ безпрестанно почти внутренною и вовсе неизвѢстною притомЪ болью, которая была и причиною безсомнѢнїя скоровремянному концу безцѢнной его жизни. Но возможно ли было сомнѢватся *Алфреду* о неисповѢдимой премудрости Того, у Коего испросилЪ онЪ себѢ дарЪ безпримѢрнаго во всемЪ воздержанїя? и не имѢлЪ ли Податель благЪ всѢхЪ непостижимаго умомЪ смертныхЪ изобилїя вЪ другихЪ средствахЪ, кои бы не сокращая дней *Алфредовыхъ*, моглибЪ учинить жизнь его безполезною и тогда, когда болѢзнь не преодолѢваетЪ все терпенїе человѢка?

СовершеннымЪ плодомЪ живѢйшаго чувствїя долга вѢры, была непоколебимая его кротость, которая посреди даже толикихЪ страшныхЪ браней, во время явнаго нарушенїя клятвы и самыхЪ опытовЪ гнуснаго вѢроломства, пребывала непремѢнною нерѢдко. Ничто не вЪ силахЪ было преодолѢть намѢренїя онаго вЪ упу-

щенїи

щенїи имъ вины каждому, дабы и ему равномѣрно платимо было тѣмъ же самымъ отъ протчихъ: ибо, никогда не отрекался онъ отъ учиненїя безпристрастнаго прощенїя болѣе десяти разъ возстававшему противъ себя по наикровопролитнѣйшей побѣдѣ врагу, и не допускалъ себя ни въ какое время до дѣйствїя каковаго либо мщенїя оному.

Во всю свою жизнь пребывалъ онъ вѣрнѣйшимъ и любезнѣйшимъ супругомъ, милосердымъ отцемъ и милостивымъ Государемъ уповавшихъ на него его подданныхъ. Чѣмъ болѣе принужденъ онъ бывалъ употреблять время на спасенїе своего народа и на неминуемыя брани съ его непрїятелями, тѣмъ паче превосходили подвиги его во всѣхъ воинскихъ упражненїяхъ предъ протчими, и тѣмъ вяще рождалось въ немъ притомъ съ начальными лѣтами его младости ревностное желанїе къ познанїю различныхъ знанїй. Уже на второмъ надесять году возраста своего, когда еще не обученъ онъ былъ въ злополучныя времяна грамоти, плѣнило его нѣкоторое сочиненїе столь сильно, что онъ не прежде успокоится могъ, покуда не научился читать оное свободно, и не достигъ до того, говорю, по-

покамѣстъ не могъ онъ понимать содержанїе его совершенно.

Сколь впротчемъ ни грубъ былъ еще тогда языкъ Саксонскїй, однако во устахъ и на перѣ *Алфреда* почестся могъ оный при всемъ томъ красноречивымъ и весьма прїятнымъ; онъ перевелъ на Саксонскїй слогъ преданїи древней премудрости съ такою точностїю и выраженїемъ, что никто изъ ученыхъ того времяни не могъ съ нимъ сравнится въ томъ. Сїе упражненїе его относилось болѣе до законовъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ, всеобщей гисторїи, обыкновенныхъ другъ съ другомъ взаимныхъ разговоровъ и различныхъ подобїй и всѣхъ вообще дѣлъ до духовенства касающихся: однимъ словомъ, все сїе собранїе откровенныхъ сочиненїй переложилъ онъ весьма исправно на собственный свой языкъ. Онъ писалъ также между протчимъ и собственную свою гисторїю со всѣми обстоятельствами его многотрудной и толикимъ превратностямъ подверженной жизни; но и при сей маловажной работѣ, не нарушалъ онъ нимало постоянной своей привычки, чтобъ не начинать никогда того, чегобъ не могъ онъ привести къ концу совершенно.

Въ болѣзняхъ, въ безпокойствїяхъ и въ самыхъ наичувствительнѣйшихъ нещастїяхъ, кои сносить ему случалось немалое время, пребывалъ *Алфредъ* всегда равнодушнымъ и человѣколюбивымъ. Добродѣтель поистиннѣ рѣдкая, подражаемая однѣми токмо избраннѣйшими сердцами, и немогущая произвести по кротости своей нималѣйшаго огорчительнаго смущенїя! понеже весьма часто должны бываютъ уступать простыя души сему послѣднему внушенїю, онѣ приходятъ въ волненїе отъ малѣйшихъ причинъ, и не чувствуютъ вовсе при перевѣсѣ владычествующаго огорченїя важности уликъ протчихъ. Чѣмъ менѣе трогало его нѣчто непрїятное, тѣмъ сильнѣе процвѣтало щастїе *Алфредово*, и тѣмъ паче умножалось въ немъ ощущенїе собственнаго его достоинства: онъ сражался, трудился съ неутомимою бодростїю, и таилъ отъ всѣхъ о безпримѣрныхъ подвигахъ своихъ, какъ будто бы они не ему принадлежали вовсе. Весьма часто удерживалъ онъ самъ собою токмо колебавшихся своихъ подданныхъ отъ побѣга, выставляя мужественную свою грудь напиравшему сильно на него непрїятелю; да и тогда почиталъ онъ храбрость свою не болѣе, какъ

какЪ токмо за одно случайное и какЪ бы странное нѣчто, потому что вся душа его возносилась кЪ Богу, и на Него Единаго уповала совершенно.

Его величайшая слава облѣтела вЪ малое время довольно краткой жизни онаго по всѣмЪ предѣламЪ Европы. Непринужденный гласЪ народа приписалЪ ему имя великаго *Алфреда*, что прочїе Государи напротивЪ того, присвояли себѣ единымЪ ласкательствомЪ придворныхЪ своихЪ. РимЪ чествовалЪ его преизящныя добродѣтели, и ПатрїархЪ Іерусалимскїй не преминулЪ оказать ему за толикимЪ пространствомЪ морскихЪ водЪ своего искренняго почтенїя, кое величайшїя преимущества и вЪ самыхЪ отдаленнѣйшихЪ странахЪ привлекали сему Королю Саксонскому. Отвсюду поспѣшали воины, художники и ученыя люди кЪ престолу, на которомЪ присудствовалЪ ХристїянинЪ, мудрецЪ, ирой и покровитель всѣхЪ полезныхЪ наукЪ вЪ одно время.

ОтЪ прекрасной *Алсвиѳы* имѣлЪ Король сей двухЪ сыновЪ, *Эдварда*, или *Эдуарда* старшего, Государя премудраго, а ктомужЪ и законодавца своего времяни, и *Эделварда*, Князя весьма ученаго, который еще вЪ

младыхъ своихъ лѣтахъ умеръ въ Оксфордѣ, и притомъ мужественную *Аделфреду*, бывшею супругою Графа Мерсїйскаго, управлявшею по смерти онаго пространнѣйшею его страною, притѣснявшею сильно возмутительныхъ Норманновъ, и соорудительницу многихъ различныхъ городовъ, изъ коихъ между протчими суть, Честеръ, Стаффортъ и Варвикъ. Она покорила также немалую часть отпавшего паки отъ Англїи Валлиса, и заслужила названїе Короля, дарованїями коего одарена она была въ совершенствѣ.

Аѳелсвиѳа, другая дщерь онаго, была выдана за *Балдвина*, сильнаго Графа изъ Фландрїи: одна изъ ея правнукъ, *Матгилдою* имянуемая, была супругою *Вилгельма*, прозваннаго Завоевателемъ. Отъ нее ведутъ родъ свой Плантагенеты чрезъ другую *Матгилду*; а отъ оныхъ, кои болѣе трехъ сотъ лѣтъ правительствовали въ Англїи, произошли *Тудоръ* и *Стуартъ*, коихъ права простираются на свѣтлѣйшїй Домъ Вельфовъ. Еще и третїя *Матгилда*, дочь перьваго изъ Плантагенетовъ, была супругою *Генриха*, Львомъ прозваннаго, и начальника рода Вельфовъ, изъ коихъ одинъ совокупилъ родъ Стуартовъ съ родомъ Плантагенетовъ,

нетовъ, и чрезъ оба начальныхъ поколѣнїй Королевскою кровїю *Алфреда* и *Бодуина* оживотворилъ наконецъ сильныхъ Государей Великобританнїи. Скипетру оныхъ опредѣлило премудрое Провиденїе неизмѣримыя страны въ новой части свѣта, которая во времяна *Алфреда* старому вовсе еще не была извѣстною. Нигръ и Гангъ имѣютъ теченїе свое подъ владѣнїемъ оныхъ, и величайшее Государство Индостанское почитаетъ уже нынѣ благополучно владычествующего Потомка *Алфредова.* Но достохвальнѣе гораздо наслѣдства земель было наслѣдїе добродѣтелей, любовь къ наукамъ и художествамъ, великое преимущество, доставленное спасительному миру предъ побѣдами и трїумфами, и наконецъ блаженное благополучїе въ царствованїи; всѣ сїи высокопочтенныя свойства соединились вкупѣ нынѣ въ *Георгѣ III*мъ, достославномъ Потомкѣ Вельфовъ и *Алфреда.*

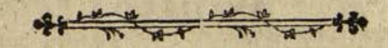
Ощутительно слѣдственнно подтверждаетъ премудрое Провиденїе всеобщее увѣренїе сїе тѣмъ, что семяна богоугоднаго смертнаго цвѣтутъ еще надлежащимъ образомъ, и что чрезъ пятдесятъ поколѣнїй достигло наконецъ

благословенїе заслуженнаго сего предка и до достойнѣйшего изъ его преемниковъ.

Алфредъ умеръ отъ слѣдствїя нѣкоего зла, коему самъ онъ былъ причиною по увѣренїю многихъ, и его достохвальная жизнь продолжалась токмо всего пятдесятъ два года. Смерть онаго случилась почти въ самомъ концѣ десятаго столѣтїя, въ то самое время, когда родъ Карловинговъ склонялся уже къ своему совершенному паденїю, и внучата *Роберта*, Крѣпкимъ прозваннаго, приближались день ото дня къ престолу Вестъ-Франковъ. Безпримѣрная кротость, служащая истиннымъ правиломъ жизни онаго, не оставила *Алфреда* даже и при кончинѣ его; онъ низсшелъ съ престола своего наподобїе того самаго, какъ бы отъ единаго Царскаго мѣста отъѣзжалъ онъ въ другое, будучи удостовѣренъ весьма въ томъ, что тамъ еще вяще счастливъ онъ быть могъ! Онъ уповалъ несомнѣнно отъ высочайшего Судїи несравненно лучшей жизни предъ сею, куда никакїя земныя преимущества не могли послѣдовать за нимъ, зналъ онъ, и что самое непремѣнно служить имѣло величайшимъ награжденїемъ посвященной благосостоянїю порученнаго

ему

ему народа свыше времянной его жизни; да и никто не сомнѣвался въ томъ даже, чтобъ при столь отличныхъ добродѣтеляхъ, малые неминуемые въ смертномъ пороки милосердїемъ правосуднаго Судїи вселенной не были затмѣнены совершенно.

АЛФРЕДЪ.

КНИГА IV.

Содержащая въ себѣ

БЛАГОРАЗУМНЫЕ СОВѢТЫ ИСКУСНАГО АМУНДА.

Сей *Амундъ* произошелъ отъ нѣкоего витезя, поимяни *Арвида*, жившего при подошвѣ Севенскихъ горъ, на берегу рѣки Дали находящихся. Большую часть лѣтъ юности своей препроводилъ онъ наподобїе Сѣверныхъ ироевъ въ упражненїи различныхъ тѣлодвиженїй. Онъ былъ сильный борецъ, искусный стрѣлокъ и отважный ловчїй; нападая на разъяреннаго медвѣдя въ его берлогѣ, вонзалъ онъ ему, предъ страшнымъ его зѣвомъ стоя, острїе ножа своего прямо въ сердце, умѣлъ воспѣвать пѣсни славныхъ богатырей, и всегда восхищался духъ онаго при воспоминовенїи о древнихъ рыцаряхъ. Онъ терзался безпрестанно жестокимъ желанїемъ, прославить и учинить безсмертнымъ имя отчизны своей собственными своими подвигами,

и

и потомъ, за проліянную свою кровь заслужить въ *Одиновыхъ* вертепахъ достойное себѣ возмездіе.

Гастингъ, одинъ изъ Сѣверныхъ Князей, вознамѣрился между тѣмъ отправится въ Византію, будучи избранъ начальникомъ надъ многочисленнѣйшею толпою Варягъ, бывшихъ настоящими воинами въ тогдашнѣе время, коими изобиловала тогда просвѣщенная Греція, и коимъ охраненіе Князя сего поручить было несомнительно никакъ. Искренніе, въ вѣроломствѣ новыхъ Римлянъ еще неискусившіеся и хранившіе клятвою утвержденные свои обѣты, будучи преисполнены храбрости и постоянства, служили надежною подпорою колеблющемуся Государству сіи немногіе ратоборцы. Младый *Амундъ*, препровождая неустрашимаго *Гастинга* въ Византію, согласился наконецъ вкупѣ съ онымъ соединится съ Варягами. Множество подвиговъ благоразумнаго мужества и смѣлой предпріимчивости оказалъ сей искусный юноша при семъ случаѣ. Неменѣе былъ онъ также примѣчателенъ и въ разсужденіи протчихъ преимуществъ, остававшихся еще въ то время у Грековъ; онъ научился гисторіи оныхъ; позналъ до-

вольно учрежденїи Двора и всего Государства, коимъ Европа хотя и подражала долго, но при всемъ томъ съ презрѣнїемъ взирала на чрезмѣрную робость Византянъ; и учинилъ наконецъ всѣ законы страны оной извѣстными себѣ, обогатя понятїе свое неизреченными сокровищами древней премудрости.

Нѣжно и сердечно плѣнился онъ потомъ въ прекрасную *Ѳеофанїю*, подругу Княжны Греческой *Евдокїи*, кою полюбя *Гастингъ*, сочетался съ нею вскорѣ законнымъ бракомъ. Благородный видъ Гречанки, ея душевныя свойства и самая робкая стыдливость, коею старалась она отвращать отъ себя всѣ его страстныя свидѣтельства, умножили къ ней тѣмъ паче склонность *Амундову*, и онъ приобрѣлъ наконецъ прелесть сїю чрезъ отличные знаки своего великодушїя и избавленїе ея родителя, котораго при нѣкоторомъ случаѣ во время набѣга такъ называемыхъ Синихъ и Зеленыхъ легїоновъ, противныхъ его сторонѣ, умертвить помышляли, въ супруги себѣ. Мечь *Амундовъ* открылъ ему тотчасъ путь къ сему нещастному, бывшему окруженнымъ тогда со всѣхъ сторонъ его злодѣями, и своеобычные Византїйсцы преклонились немѣдленно отъ сильныхъ ударовъ

ровъ страшнаго сего витезя. Итакъ, побѣдоноснымъ образомъ возвратилъ онъ здрава освобожденнаго родителя своей возлюбленной, и *Θеофанія* не была уже болѣе неблагодарною съ своей стороны за толикія услуги плѣнившегося ею столь страстно; она учинилась его при семъ случаѣ, и добродѣтельный сей юноша, любя сколько невѣсту свою прежде, обоготворялъ толикожъ и супругу его послѣ.

Между тѣмъ, одинъ изъ Дворовъ Императорскихъ былъ потомъ опровергнутъ совершенно. (*) *Гастингъ* старался было всячески защищать его столь долго, покуда обращалъ онъ оружіе свое къ пользѣ онаго; но то было тщетно однакожъ: онъ былъ преодоленъ наконецъ дѣйствительно, и ему не оставалось уже болѣе ничего инаго и къ собственному его спасенію даже, кромѣ единаго судна, случившагося тогда въ пристани. Въ оное переселилъ онъ немѣдленно Княгиню свою, и тамъ же нашелъ убѣжище и его спутникъ *Амундъ* для своей прекрасной *Θеофаніи*. Благополучно прибыли они потомъ въ устье Днестра, и по разнымъ путямъ,

(*) Подъ симъ разумѣетъ, Авторъ, чаятельно, Дворъ Константинопольскій.

путямъ, коими слѣдовали тогда повседневно почти Скандинавляне, достигнувъ они союзнаго имъ въ то время Новаграда, возвратились наконецъ въ Швецію.

Пустыя мѣста и безплодныя горы представились тотчасъ взору прекрасной Гречанки весьма несносными. Тамъ не находила она ничего изъ пріятностей болѣе, коими покрывалъ благорастворенный Полдень великолѣпную Византію. Хижины изъ чрезмѣрной величины камней, мало сохранявшія впротчемъ отъ несносной стужи, должны были служить вмѣсто огромныхъ палатъ, въ подобныхъ коимъ проводила всю юность свою прекрасная *Евдокія*. Поздная Вѣсна соединена была тамъ съ студеною Зимою, и долговремянная Зима истребляла безъ остатку всѣ украшеніи земли; суровая Осень не приносила вовсе винограда, и пріятные плоды Греціи не украшали нимало густыхъ древесъ: однимъ словомъ, страшный образъ страны сей не выводилъ изъ взора нѣжной Княгини сей никогда печальнаго о себѣ воображенія.

Гастингъ, любя чрезмѣрно прекрасную *Евдокію*, сулилъ ей помощію орудія своего приобрѣсти вскорѣ пріятнѣйшія страны предъ оною, гдѣ бы

она

она долженствовала владычествовать непремѣнно. Но будучи въ Беамфлеатѣ вкупѣ съ милою *Θеофанiею*, досталась она въ руки Саксонамъ въ то время, когда оные напали на укрѣпленный станъ Скандинавлянъ, потому что большая часть воиновъ ихъ была въ то время въ отсудствiи. *Гастингъ* былъ внѣ себя отъ ярости, услышавъ о величайшемъ семъ уронѣ, и храбрый *Амундъ* проливалъ слезы отъ отчаянiя, когда свѣдалъ о потерѣ его любезнѣйшей *Θеофанiи*; но великодушный *Алфредъ* осушилъ совершенно токъ слезъ оныхъ. „Идите, говорилъ онъ прекраснымъ супругамъ его неприятелей, и возвѣстите Норманнамъ, что я никакъ не воюю съ поломъ женскимъ; да и сiю войну произвожу единственно токмо по принужденiю съ притѣснителями народа моего. Величайшее однакожъ удовольствiе ощущалъ бы я тогда, когдабъ могъ приобрѣсти ихъ къ себѣ дружбу.„ *Алфредъ*, хотя и удивлялся впротчемъ красотамъ Греческимъ при семъ случаѣ, однако воздержное его сердце обуздано было совершенно всегда противъ всѣхъ постороннихъ прелестей.

Но *Гастингъ* не преминулъ удовлетворить сiе благодѣянiе *Алфреда* съ

стороны

стороны своей вящею къ нему ненавистію; *Амундъ* же напротивъ того былъ гораздо великодушнѣе онаго. Совершенно благополучнымъ считая себя въ объятіяхъ своей возлюбленной *Θеофаніи*, учинился онъ вскорѣ другомъ ироя, которому одному обязанъ онъ былъ всѣмъ нѣжнымъ ея послѣ того привѣтствіямъ. Она превозносила ему сама то попечительное усердіе, съ коимъ *Алфредъ* и самый видъ даже малѣйшаго подозрѣнія въ страсти къ женщинамъ Норманновъ всегда отвращать всячески старался, и то благосклонное обращеніе, которымъ сдѣлалъ онъ весьма сноснымъ пребываніе ихъ въ плѣну у себя. И когда Норманны оставили вовсе Англію, обязавшись не обезпокоивать болѣе никогда Саксонъ, то тогда прибылъ *Амундъ* безъ наималѣйшего страха ко Двору сего великаго Государя.

„Безпримѣрнымъ твоимъ великодушіемъ, Государь, говорилъ добродѣтельный мужъ сей, представъ предъ лице Короля Саксонскаго, обязалъ ты чувствительнѣйшимъ образомъ неустрашимаго воина. Я есмь тотъ самый *Амундъ*, которой считается другомъ *Гастингу*, а вкупѣ и твоимъ желаетъ быть усердно, когда только учи-

учинишъ ты его достойнымъ той чести." Имя *Амундово* небезъизвѣстно было повсюду, потому что соединялись въ немъ преизящныя добродѣтели съ величайшею храбростїю, а съ оными вкупѣ и премудрость даже. Чего ради, простирая Царскую свою десную руку, сказалъ онъ притомъ сему Скандинавцу: „Я приемлю охотно предложенїе твое о дружбѣ, и увѣряю, что ты непремѣнно раздѣлять будешъ все благополучїе мое со мною равно." Королева обнимала также безпрестанно прекрасную *Θеофанїю*, и Дворъ *Алфредовъ* учинился вскорѣ для обоихъ сихъ бракомъ сочетавшихся мѣстомъ безпрерывной взаимной утѣхи. *Амундъ*, слѣдуя между тѣмъ всегда за Королемъ во всѣхъ его походахъ, старался усерднѣйшимъ образомъ отвращать всячески непрїятельское оружїе отъ своего новаго Государя, предлагая грудь свою при каждомъ случаѣ вмѣсто щита оному.

По укращенїи наконецъ *Алфредомъ* навсегда внѣшнихъ своихъ непрїятелей и по начатїи онаго пещись неусыпно о введенїи порядка и общаго благоустройства между своими Саксонами, преслѣдовалъ *Амундъ* съ величайшимъ примѣчанїемъ каждый шагъ сего законодателя; онъ сравнивалъ его при-

примѣры и учрежденіи Саксонскаго Государства съ Византійскою Монархіею и съ тѣмъ также, что читывалъ онъ много о Римлянахъ и о древнихъ Грекахъ.

Отъ него не сокрылись между тѣмъ всѣ недостатки Саксонскаго Государственнаго положенія, въ которомъ не оставалось почти ничего отъ прежней вольности Нѣмецкихъ народовъ, кромѣ одного токмо усилившагося во власти весьма дворянства, при коемъ вся нація томилась въ крайнемъ презрѣніи, видѣлъ онъ.

Долго не могъ *Амундъ* исправить своихъ разсужденій чрезъ чинимыя имъ повседневно новыя освѣдомленіи, долго, говорю, колебалось сердце онаго, и принуждало открыть истинну такому Государю, которой любилъ и слушелъ оную со всякимъ вниманіемъ; покуда наконецъ не принудила его къ тому измѣна нѣкоторыхъ знатныхъ людей, коихъ покоря *Алфредъ*, и какъ обыкновенно дѣлывалъ онъ, оставилъ безъ всякаго притомъ наказанія. Вскорѣ потомъ отправился глубокомысленный Государь сей съ *Амундомъ* въ одинъ изъ Королевскихъ загородныхъ домовъ, неподалеку отъ столицы его лежавшей. Его миролюбивый нравъ чувствовалъ

съ сильнымъ ощущенïемъ необходимость, въ кою онъ ввергаемъ бывалъ столь часто, видѣлъ онъ, принимать оружïе противъ неспокойныхъ своихъ знатныхъ. „Я люблю народъ мой, говорилъ сей достойный Государь, и тщусь все то дѣлать, что воображенïи мои вымыслить только въ силахъ, дабы учинить Англïю благополучною. Но какъ можетъ возможнымъ быть то, чтобъ дѣти оной не любили меня вовсе, того, который предпочитаетъ ихъ предъ всемъ въ свѣтѣ!„

По окончанïи сихъ словъ, поклонился *Амундъ* съ подобающимъ подобострастïемъ Королю, своему новому другу: „Благоволитъ ли *Алфредъ*, сказалъ онъ потомъ, выслушать равнодушно раба своего, почитающего его искренно, и позволитъ ли онъ ему имѣть свободу въ предложенïи его мыслей въ томъ видѣ, въ каковомъ оныя воцарились въ вѣрномъ его сердце къ оному? Народъ Саксонскïй, продолжалъ говорить сей разумный мужъ, не злѣе и не порочнѣе всѣхъ протчихъ народовъ; но естьли многïе изъ онаго и неблагодарны, то источникъ сей зла всего происходитъ отъ несоразмѣрнаго состоянïя Государства: ибо, гдѣ нѣтъ вовсе равновѣсïя, тамъ всегда недоволь-

ными считаютъ себя тѣ, коихъ понятіе слабѣе протчихъ. Твои въ благородствѣ рожденныя подданныя чрезмѣрно сильны и недовольно покорены власти законовъ Государства; но простолюдины напротивъ него весьма слабы, и разстояніе отъ большихъ къ онымъ, есть неизмѣримо почти. Знатнымъ здѣсь остается токмо единый шагъ до Королевскаго достоинства, и они непрежде успокоится могутъ, надѣюсь, покуда не учинятъ сего шага нѣкогда. Но когдабъ простые твои Саксоны оставались навсегда при естественной ихъ власти, то благородные имѣли бы въ нихъ безсомнѣнія надлежащее себѣ равновѣсіе, могущее препятствовать довольно къ превозносенію дерзскаго ихъ сего напряженія.,,

,,Много употребилъ время *Амундъ* въ жизни своей, продолжалъ начатую речь искусный сей чужеземецъ, на разсматриваніе всей подсолнечной: онъ видалъ отдаленнѣйшихъ народовъ, и знаетъ довольно состояніе свободы на его Сѣверѣ; да и самые Саксоны наслаждались прежде совершенною вольностію, извѣстно ему также; но твои предки, Государь, завоеватели Британніи, поруча все управленіе Государ-

ственныхъ дѣлъ благороднымъ, оставили наконецъ простулюдиновъ совершенно онымъ въ жертву.„

Алфредъ, который слушелъ всегда охотно совѣты вѣрныхъ друзей своихъ, отвѣтствовалъ не мешкавъ на то *Амунду* слѣдующимъ образомъ: „Когда другъ мой видалъ Восточныя страны, то чтожъ нашелъ онъ въ оныхъ такое, чемъ бы могло быть исправлено состоянїе Государства Саксоновъ?„

„Въ отдаленности отъ насъ, сказалъ потомъ ратоборецъ сей, на самомъ краю Востока, лежитъ нѣкое сильное Государство, величайшее на всей поверхности земной, владѣнїе Серянъ (*); изъ онаго выходитъ въ изобилїи шелкъ, которой отъ вершины рѣки Ганги чрезъ покрытыя безпрестанно снѣгомъ горы, лежащїя въ Индїи, и всю Персїю, минуя оныя, привозится въ Византїю; о выдѣлкѣжъ сей драгоцѣнной пряжи начинаютъ уже пещись на островѣ Эгейскаго моря, въ преизбыточествующемъ всемъ Косѣ, коя есть работа особыхъ нѣкїихъ червячковъ. Сама *Ѳеофанїя* шьетъ шелкомъ, и упражняется въ содѣланїи

(*) Подъ симъ разумѣется Сѣверная часть Китая.

покрывала, которое намѣрена она поднести благодѣтельствующей ей милостивицы, прекрасной *Алсвиѳы*. Государство Серянъ, составляетъ престолъ художествъ, торжество земледѣлія и питательницу безчисленныхъ ея жителей: ибо, остальная часть земнаго шара, есть ничто иное, какъ токмо весьма мало покрытая нѣсколькими хижинами пустыня, въ сравненіи съ благоразстворенным Каѳаемъ. (*) Оное слыхалъ я отъ купцевъ, кои знавали въ Индіи нѣкоторыхъ Серянскихъ торгующихъ людей и потомъ съ разными товарами сего трудолюбиваго народа пріѣзжавшихъ въ Византію.,,

„Сіи Серяне, суть безъ всякаго сравненія древнѣйшіе изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ, они имѣли у себя премудрыхъ законодателей и изобрѣтаемыя различныя художества; понеже Греки жили тогда токмо отъ единаго лова звѣрей, и питались дубовыми жолудями, кои произвело естество для однѣхъ несмысленныхъ дикихъ. Каѳай есть сущій престолъ совершеннаго во всемъ благоустройства, и Императоръ составляетъ тамъ настоящего отца всему народу; онъ по-

(*) То есть, Китаемъ.

повелѣваетъ многими милліонами съ тою же самою силою и властію, съ каковою управляетъ каждый начальникъ дома своими домочадами, и наслаждается отъ нихъ тоюжъ любовію и тѣмъ же самымъ повиновеніемъ, кои оказываютъ онѣ своимъ родителямъ. Онъ есть единый источникъ всѣхъ почестей, и у него всѣ подданныя, суть равныя въ вѣсѣ монеты, цѣну коихъ возвышаетъ токмо Императорскій гербъ, различая каждую изъ нихъ другъ отъ друга. Онѣ не знаютъ вовсе никаковаго различія между собою въ породѣ: отъ Императора низсходятъ всѣ повелѣніи по степенямъ отъ самыхъ верьховнѣйшихъ Государственныхъ вельможъ до простаго земледѣльца, и нѣтъ ни единаго, которой бы теченію сихъ приказаній противостоять и малѣйшую остановку въ произведеніи оныхъ предпринимать дерзалъ когда ни есть: ибо, никто изъ нихъ не приноситъ съ собою въ колыбель отличныхъ преимуществъ, кои бы превозносили его хотя нѣсколько предъ простымъ народомъ. Все благородство состоитъ тамъ въ поколѣніи того мудреца, которой за шеснадцать столѣтій въ Государствѣ Серянъ наставлялъ людей въ добродѣтели, въ

самое то время, когда *Пvѳагоръ* несмысленныхъ Грековъ поучалъ въ землемѣрiи и познанiи всесильнаго существа Божiя.„

Алфредъ, незнавшiй никогда впротчемъ такого народа, коегобъ дворянство не составляло превосходнѣйшей части въ Государствѣ, пресѣкъ при семъ случаѣ тотчасъ речь расказывающего ему о томъ своего друга: „Таковой народъ, сказалъ онъ поспѣшно, долженъ быть весьма боязливымъ. Одно нѣжное ощущенiе чести въ силахъ уже преодолѣть любовь къ жизни, и таковое дѣйствiе не можетъ нигдѣ владычествовать столь живо, кромѣ какъ только между однѣми благородными, коимъ малѣйшiй стыдъ бываетъ несноснымъ, и самая жизнь служитъ въ тягость, когда онѣ оную безъ чести провождать должны будутъ. Притомъ, каждой благородной крови человѣкъ бываетъ обыкновенно свободенъ отъ всѣхъ низкихъ его состоянiю попеченiй; его руки приобучены къ ношенiю меча, а тѣло къ верьховой ѣздѣ; упражненiе въ охотѣ приуготовило таковаго совершенно къ войнѣ; побѣда составляетъ его единый предмѣтъ и намѣренiе всей его жизни. Но бѣдный гражданинъ истощеваетъ

честь

честь по необходимому старанію для своего нужнаго содержанія; приобыкнувъ къ уничиженію, не чувствуетъ онъ того похвальнаго побужденія, кое воинъ непремѣнно чувствовать долженъ: въ парабощенныхъ трудахъ воспитанный, не разумѣетъ искуства устремить своеобычнаго коня противъ непріятеля, преклоненнымъ копіемъ пробится въ страшную толпу ему сопротивныхъ, а тѣмъ еще менѣе дѣйствовать или защищатся онымъ. Весьма часто случалось испытывать мнѣ то самому, что всю силу войска моего составляли одни токмо благородные.,,

По окончаніи сихъ выраженій, началъ *Амундъ* паки говорить слѣдующимъ образомъ: ,,Успѣвшій во всемъ *Алфредъ*, сказалъ онъ, зная довольно гисторію Грековъ, вѣдаетъ совершенно, имѣли ли они у себя благородныхъ когда, и кто былъ мужественнѣе Спартанца? Тотъ, тотъ самый, которой едва токмо называтся могъ по имяни отца своего, былъ уже у нихъ настоящимъ сыномъ отечества, но ничуть не благороднаго какого либо. Весьма тѣсные предѣлы имѣетъ впротчемъ ощущеніе чести въ такомъ состояніи, которое никогда многочисленно быть не можетъ, потому что живетъ оное

 праздно,

праздно, и отъ пота низшихъ должно ожидать свое пропитанїе. То Государственное правленїе есть безсомнѣнїя премудрѣйшее, и тотъ народъ побѣдоноснѣйшимъ щитатся долженъ, гдѣ самое сїе чувствїе распространяется ощутительнымъ образомъ на весь народъ, и гдѣ каждый гражданинъ горитъ желанїемъ о побѣдѣ, оживотворяющей непремѣнно предводителя онаго. Не недостатокъ въ благородствѣ дѣлаетъ Серянъ страшными; но къ тому суть другїя причины безсомнѣнїя. Страшный Сарацынъ составляетъ собою хотя вельблюжьего пастуха токмо; но кто кажется быть его отважнѣе? Одержалъ ли кто побѣдъ болѣе, и покорилъ ли кто земель толико, какъ учинилъ сей своевольной побродяга пещаной Аравїи? Между Серянами находится слишкомъ много рукомѣсленниковъ и лавошниковъ, такъ что великое множество народа состоитъ по большей части изъ людей, кои, занимаясь спокойнымъ упражненїемъ, теряютъ нерѣдко полезное употребленїе ихъ членовъ, кои не укрѣпляютъ руки ихъ тягостными усилїями, и не приобучаютъ нимало сносить какихъ либо неудобностей, суроваго воздуха, или принужденнаго ночнаго

бдѣнія. Другая причина боязливости Серянъ, происходитъ совершенно отъ рабскаго обращенія, кое сносить они должны иногда отъ ихъ начальниковъ. Неизмѣримое сїе Государство управляется сущимъ бичемъ самовластія, и знатнѣйшій изъ Серянъ гражданинъ подверженъ поноснѣйшимъ наказаніямъ. Такимъ образомъ, теряетъ народная бодрость всю свою стремительную силу, она преклоняется безъ сопротивленія подъ несносное иго, и ощущаетъ, вмѣсто побужденія къ чести, одно стремленіе, кое влечетъ его къ поддержанію жизни, или къ удовлетворенію неистовѣйшихъ похотей. Конечно несродно потому самому Государство Серянъ къ войнѣ; да полно Государь онаго и не стремится нимало къ какимъ либо завоеваніямъ: онъ довольствуется неизмѣримымъ округомъ своего наслѣдственнаго удѣла, и защищать скорѣе предпрїиметъ добровольное власти его покореніе сосѣдственныхъ народовъ, кои, привлечены будучи къ тому владычествующимъ благосостоянїемъ между Серянами, ищутъ всегда покровительства себѣ Властелина, считающегося отцемъ своему народу.„

„Но при всемъ томъ, наслаждается сїе великое Государство безконечными

преимуществами, такъ что никто изъ большихъ людей въономъ не отважится никогда возстать противъ законнаго ихъ Императора; таковой, будучи одинъ самъ собою, и не имѣя вовсе корней въ союзномъ и сильномъ дворянствѣ, исторгаемъ бываетъ перьвымъ вихремъ самовластнаго гнѣва безъ наималѣйшаго сопротивленія.„

„Король Саксоновъ не можетъ никого наказать изъ знатныхъ безъ того, чтобъ не обидѣть тѣмъ весьма сродниковъ онаго, его ближнихъ и даже всѣхъ вообще знатныхъ Двора своего, кои въ малѣйшемъ уничиженіи изъ нихъ каждаго, полагая возможность и ихъ собственнаго униженія, взираютъ на то непремѣнно съ величайшимъ огорченіемъ. Чтожъ касается до воинской бодрости, то оная менѣе нужна Серянамъ, нежели всѣмъ протчимъ народамъ; потому что они разсѣянныхъ и раздѣленныхъ на части имѣютъ сосѣдей, кои хотя и обезпокоиваютъ часто предѣлы оныхъ, но Государству никакой опаснѣйшей раны впротчемъ причинять не въ силахъ собою. Съ самаго начала бытія оныхъ, Государство сего народа пребывало всегда непокореннымъ никѣмъ; Царскія поколѣнія хотя и пресѣкались иногда, а

другія изъ Серянъ похищали престолъ безспорно; но никакая посторонняя сила не преодолѣвала еще никогда Государства онаго.,, (*)

,,Всегда пребудетъ величайшее преимущество Государству Серянъ, когда разсудится токмо за благо кому коснутся начала древности, того самаго времяни, когда никакое другое Государство въ свѣтѣ не прославлялось еще ничемъ; и когда обратится назадъ до предѣловъ баснословія, откуда всеобщая гисторія приемлетъ свое начало, то нетрудно найти можно будетъ всегда оной народъ просвѣщеннѣйшимъ, трудолюбивѣйшимъ и безчисленнѣйшимъ даже изъ всѣхъ народовъ во вселенной, гдѣ существовали и процвѣтали безпрестанно художества, законы, премудрыя люди и великіе Государи, какъ то, *Ю*, *Шунгъ*, *Венвангъ*, *Вувангъ* и тому подобные.,,

Не смотря однакожъ на то, продолжалъ говорить *Амундъ*, преклоня главу свою притомъ съ должнымъ подо-

---

(*) Чинимыя нападеніи Татаръ Восточныхъ, поколѣнія *Кина*, Татаръ Западныхъ, въ родѣ Івенскомъ и паки Восточныхъ, въ потомствѣ *Чинга*, суть всѣ послѣдствіи *Алфредова* девятаго столѣтія.

подобострастїемъ предъ Королемъ Саксоновъ: „ Я нимало не есьмъ слѣпый подражатель безпредѣльнаго самовластїя; но изображаю въ себѣ сущего свободно рожденнаго Готѳа, коего сердце не въ силахъ бы было поработить себя Государю тогда, когда не преклонитъ оное истинное почтенїе служить тому, коего почтетъ оно способнымъ повелѣвать собою, и я ручаюсь открыть Королю несомнѣнно слѣдствїи сей своевольной власти изъ собственнаго моего въ томъ изслѣдованїя.„

По нѣсколькихъ потомъ дняхъ, препроводилъ *Амундъ* прекрасную свою *Ѳеофанїю* ко Двору; она поднесла при семъ случаѣ добродѣтельной *Алсвиѳѣ* бѣлое изъ глянцовитаго шелка вытканное покрывало трудовъ своихъ, на которомъ вышиты были лучшихъ красокъ преузорочные цвѣты и подобїя различныхъ звѣрей, каковыми оныя въ горячихъ странахъ Полюдня самимъ естествомъ тѣнистыми красками распещрены обыкновенно бываютъ, что напротивъ того на Сѣверѣ одни слабые лучи небеснаго свѣтила производить токмо могутъ. Королева, удивляясь весьма искуству и веществу тому, не преминула возблагодарить

за сей подарокЪ прекрасной Гречанки тончайшимЪ полотномЪ, вывозимомЪ изЪ Фландріи, коего нити казались тонѣе, нежели бы чаять было можно выработаннымЪ имЪ быть руками человѣческими. „ВЪ нашихЪ студеныхЪ странахЪ, говорилЪ *Алфредъ*, обѣщаетЪ натура гораздо менѣе, а оставляетЪ болѣе человѣческому прилѣжанію; но неусыпное тщаніе вЪ силахЪ можетЪ и здѣсь обрѣсти сокровища, кои кЪ благополучію народа неменѣе присовокупить могутЪ, какЪ и самое щедрое даяніе природы.„ *Θеофанія*, разсматривая то пристально, призналась вскорѣ, что она не видывала поистиннѣ ничего такого вЪ прославившейся столь художествами тогда Византіи, что бы превосходило вЪ искуствѣ работы сей; да и подлинно, не уступалЪ ленЪ сей вЪ своей добротѣ ничемЪ шелку.

Между тѣмЪ, убѣждалЪ *Алфредъ* самЪ *Амунда* прозьбою, вЪ продолженіи разговора, начатаго имЪ прежде. „Безпредѣльная власть Государя, сказалЪ потомЪ означенной выше ратникЪ сей, составляетЪ совершенное иго, подЪ коимЪ никто изЪ смертныхЪ благополучнымЪ быть не можетЪ. Напрасно токмо издѣвается надЪ нами сильная

благо-

благосклонность придворная: ибо, кто можетъ наслаждатся спокойно превратнымъ щастїемъ; а особливо тогда, когда единыя морщины на челѣ Властелина въ силахъ низвергнуть насъ въ бездну злощастїя, безъ всякаго притомъ обвиненїя?„

„Добрый Владѣтель употребляетъ безсомнѣнїя великую свою власть къ пользѣ его народа, и причиняетъ добра тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе ограничена власть онаго. Онъ бдитъ неусыпно надъ приближенными къ нему, избираетъ ихъ съ разсужденїемъ, и не допускаетъ вовсе, чтобъ и низкаго состоянїя люди изъ его народа жили подъ неистовымъ притѣсненїемъ. Таковыми были первые начальники Императорскаго рода Сеттнъ; но рожденные отъ нихъ потомъ въ порфирѣ и воспитанные въ наслажденїи верьховной власти безъ того вовсе, чтобъ стоило имъ заслужить право къ престолу какими либо похвалы достойными дѣлами, увидѣли скоро себя сильными удовлетворять токмо владычество своихъ собственныхъ страстей. Они наполнили свои храмины прекрасными женщинами, теряли понапрасну время, присудствуя при различныхъ безполезныхъ зрѣлищахъ, коимъ

должны

должны они были благополучію ихъ народа, и безпрестанныя увеселеніи составляли ихъ единственное токмо упражненіе. Избираемые чрезъ коварные совѣты евнуховъ и возлюбленныхъ наложницъ служители оныхъ, не пеклись также нимало ни о какой другой пользѣ, какъ токмо о доставленіи себѣ власти, почтенія, ихъ обогащенія и ихъ удовольствія: по степенямъ употреблялъ каждый надежнаго ему изъ подчиненныхъ своихъ орудіемъ его страстей; а бѣдный, полезнѣйшій гражданинъ, истощевалъ между тѣмъ силы свои въ претяжкой работѣ, дабы придворныя люди, судіи и прочіе приставы казенные могли вести жизнь свою въ пышности и чрезмѣрномъ великолѣпіи. Весь народъ стоналъ тогда неумолкно, и просилъ небо о низпосланіи ему помощи; начиналъ нерѣдко роптать на то, и наконецъ самая смерть учинилась для него пріятнѣе, нежели таковое онаго состояніе, предавшись потомъ совершенно произволу своего отчаянія; честолюбіе снискало ему скоро достойныхъ предводителей; своевольные и дерзскіе возмутители свергнули закоснѣлаго сластолюбца съ престола, и истребили весь родъ, учинившейся

нившейся тогда несноснымъ бременемъ народу.„

„Нѣтъ ничего опаснѣе, какъ имѣть власть въ поползновенiи на всѣ воображаемыя предпрiятiи. Кто смѣетъ единымъ суровымъ взоромъ погублять себѣ подвластныхъ, и награждать ихъ смертоноснымъ ядомъ, не смотря на долговремянную усердную службу оныхъ, тотъ везбуждаетъ самъ обратить ударъ кинжала на того, отъ коего никто безопаснымъ быть не можетъ. Кто безъ помощи законовъ наказывать, самопроизвольно осуждать, и самовластно своихъ знатнѣйшихъ подданныхъ отрѣшать можетъ, тотъ предоставляетъ дѣйствительно власть свою произволу своихъ желанiй: ибо, сколь много возбуждаются въономъ зараженныя его неистовыя ухищренiи, столь часто покушается онъ нарушать цѣломудрiе добродѣтельнѣйшихъ женщинъ, похищать имѣнiе бѣдныхъ, присвоять сокровища Святыхъ Храмовъ, помрачать честь судей и завладѣть имуществомъ каждаго изъ его подданныхъ, дабы ненасытная алчность онаго могла удобнѣе удовлетворить чрезъ то наконецъ его совершенное насыщенiе. Онъ стремится всячески къ прiобрѣтенiю трiумфальныхъ торжествъ

жестьѣ чрезъ ненужныя вовсе войны, кои подданныя его искупать должны своею кровїю; простроиваетъ безполезными великолѣпными зданїями нужнѣйшее пропитанїе гражданъ своихъ; и росхищаетъ ничего незначущими забавами, зрѣлищами и разными пиршествами насущный хлѣбъ и стяжанїе своего народа. *Алфреду* не безъизвѣстно, надѣюсь, сколь ужасными чудовищами содѣлалъ въ великомъ Римѣ обвороженной напитокъ необузданной власти и самыхъ даже достойнѣйшихъ юношей, обѣщавшихъ собою всему народу весьма много прежде. Всевышнїй Творецъ есть одинъ токмо во всемъ совершенъ; слѣдовательно, единому Ему принадлежитъ и всемогущество; но слабымъ смертнымъ предписаны предѣлы, съ коими должны онѣ сообразовать всѣ свои желанїи.,,

,,Когда самовластнаго Государя никто отъ исполненїя воли его удержать не въ силахъ, тогда и первый онаго министръ, полководецъ, судїя и самый секретарь даже учинятся безсомнѣнїя совершенными деспотами. Весь народъ истощеваетъ въ то время подъ несноснымъ игомъ, налагаемымъ безпрестанно сильнымъ гражданиномъ на слабаго, коего тяжесть угнѣтаетъ на-

противъ того простолюдина, а сей последній не можетъ уже ни надъ кѣмъ вымѣщать то болѣе.

„Таковый Самодержавецъ не любитъ никогда никого искренно: каждый гражданинъ есть для него судьбою къ исполненію его воли опредѣленное орудіе, коего дѣйствіемъ безпрестанно наслаждатся онъ можетъ, не бывая отнюдь съ онымъ въ нѣкоемъ обязательствѣ. Гражданинъ сей взираетъ всегда съ ужасомъ и величайшею ненавистію на то мѣсто, гдѣ расточителева кровь и все его имѣніе идетъ прахомъ; онъ не приемлетъ нималѣйшаго участія въ соблюденіи того и другаго Государя своего, и не знаетъ вовсе никакого нещастія болѣе, кромѣ того, кое ощущаетъ онъ уже дѣйствительно. Отчаенный клятвопреступникъ нападаетъ потомъ на оставленныя отъ всѣхъ тогда его чертоги, и ни единый изъ гражданъ не стремится уже защищать законнаго своего Властелина, содѣлывавшего его злощастнымъ.„

„Я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ печальному зрѣлищу, низвергшему нещастнаго *Михаила* съ престола въ Византіи. Онъ пренебрегъ общественную пользу Государства своего,

его, потому что былЪ расточителемЪ онаго, забывая вЪ пїянствѢ то, что составляло должность отца всего народа. ЧеловѢкЪ, простѢйшаго состоянїя изЪ его подданныхЪ, но достигшїй посредствомЪ токмо своего прїятнаго вида и стана до верьховной чести, собралЪ вЪ скоромЪ времяни сонмище подобныхЪ себѢ злодѢевЪ, кои охотно послѢдовали ему вЪ семЪ неистовствѢ; и прежде нежели Варяги могли употребить оружїе свое вЪ дѢйство, былЪ уже *МихаилЪ* преданЪ поносной смерти, такЪ что вся непоколебимая наша вѢрность кЪ оному не имѢла нималѢйшаго себѢ сопротивленїя болѢе: и такимЪ то образомЪ погибЪ наконецЪ острїемЪ меча малаго числа душегубцевЪ преемникЪ *КонстантиновЪ* и протчихЪ Кесарей, правительствовавшихЪ до него вЪ Византїи. При семЪ страшномЪ случаѢ, принимали всѢ граждане столь мало участїя вЪ злощастной судьбѢ сего пострадавшего Государя, что ни единая слеза не пролита была тогда вовсе; не слышно было нигдѢ ни единаго вздоха; равнодушїе владычествовало повсюду на лицахЪ подданныхЪ; ни одна изЪ лавокЪ не заперта была вЪ то время, никакое производство публичныхЪ работЪ

не было воспрепятствовано притомъ нимало; и по прошествіи нѣсколькихъ часовъ послѣ того возгласила вся Византія единогласно долгоденствіе Императору *Василію*, съ тѣмъ же самымъ радостнымъ усердіемъ, какъ бы оный былъ настоящій наслѣдникъ престола Монаршего.„

„Но естьлибъ *Михаилъ* соединилъ власть свою съ пользою своего народа, когдабъ законы служили ему предѣлами въ его желаніяхъ, и будебъ наконецъ паденіе онаго поколебало благосостояніе всего Государства; то никогда бы конечно не вознеслись дерзскія мысли *Василія* до того предмѣта, чтобъ утвердить нѣкогда владычество его на трупѣ *Михаиловомъ*. Но самодержавіе уподобляется сущей къ низу преклоненной пирамидѣ, на вершинѣ въ единой точкѣ коей находится ужасная тяжесть, въ кою слабѣйшее дохновеніе Западнаго вѣтра можетъ безъ труда опровергнуть все странноображное сіе зданіе.„

„Невсегда однакожъ прибѣгаетъ притѣсненной подданной къ дѣйствію кинжаломъ, часто покоряется онъ несносному игу безъ всякаго ропшанія, непоколебимая ничемъ вѣра его въ силахъ утѣшить онаго даже и въ самыхъ

оковахъ,

оковахъ, или единый страхъ наемной военной силы въ состоянiи его принудить къ великодушному терпѣнiю. Но и тогда неограниченный во власти Государь бываетъ обыкновенно злощастнымъ, и гораздо нещастливѣе, говорю, того, котораго воля обуздана узами Государственныхъ законовъ. Оный окруженъ отвсюду своими Государственными министрами, изрекающими ему повсечасно истинну; онъ имѣетъ окрестъ себя сильныхъ людей, кои не имѣютъ права вовсе подвергать себя противнымъ его повелѣнiямъ; имѣетъ предъ собою законы, кои безъ опасности и безъ немалаго сопротивленiя преступить онъ не можетъ. Всѣ сiи власти, ограничивающiя волю его, сохраняютъ вкупѣ и его собственную безопасность. Онъ не учинится никогда несправедливымъ, и не покусится прикоснутся какъ къ имѣнiю сограждань своихъ, такъ и къ самой жизни собственныхъ его рабовъ когда либо, потому что не достигаетъ онъ никакъ сего намѣренiя безъ того, чтобъ не помрачить сильно славы своей, или безъ труднѣйшаго преодолѣнiя, сказать лучше, наивеличайшихъ препятствiй. Онъ научается довольно изъ самыхъ опытовъ, что тѣ

токмо граждане будутЪ ему повиноватся, кои горятЪ любовїю кЪ своему Государю; а чтобЪ прїобрѢсти любовь сїю, то долженЪ онЪ непремѢнно учинить оныхЪ благополучными прежде, и что не вЪ силахЪ притомЪ онЪ содѢлать народЪ свой щастливымЪ, когда не будетЪ трудолюбивЪ, милосердЪ и правосуденЪ онЪ самЪ. Многїя дѢла, служащїя ВосточныхЪ странЪ Самодержавцу шуткою и самымЪ препровожденїемЪ времяни, поколебали бы безсомнѢнїя едиными токмо мыслями всю душу такого Государя, который памятуетЪ безпрестанно, что величество его на всеобщемЪ почтенїи, а оное на собственной его добродѢтели имѢетЪ непремѢнное основанїе: ибо, что предприемлетЪ спокойно тираннЪ вЪ Византїи, и сЪ вольнымЪ духомЪ повелѢваетЪ производить вЪ дѢйство, то не имѢло напротивЪ того подобное тому ослѢпленїе Государственнаго министра, или самое укрощенїе вЪ усилїи каковаго либо подозрѢваемаго знатнаго гражданина, никогда еще доселѢ доступа кЪ мыслямЪ Короля СкандинавлянЪ.„

ВЪ семЪ мѢстѢ пресѢкЪ *АлфредЪ* розговорЪ велеречиваго оратора. „Я примѢчаю, сказалЪ онЪ, что *АмундЪ* не имѢетЪ вовсе благосклонности, какЪ

ко

ко власти большихъ людей въ Государствѣ, такъ и къ самому даже самодержавїю Государей. Но знаетъ ли онъ такое Государственное правленїе, гдѣ бы всѣ власти вообще содержали другъ друга взаимно въ надлежащемъ равновѣсїи, и чтобъ Государь былъ безопасенъ тамъ совершенно отъ всякаго неповиновенїя и самаго возмущенїя, а подданныя отъ притѣсненїя? Я, читая гисторїю, нашелъ помнится негдѣ, что правленїе въ Государствѣ считается то лучшимъ, въ которомъ владычествуетъ добродѣтелїю путеводительствуемый; Государь ли бы то былъ, знатныя ли особы, какъ въ Спартѣ, или наконецъ народъ, какъ въ Римѣ, все едино. Гдѣжъ напротивъ того Владѣтель оный неправосуденъ и погруженъ въ безднѣ пороковъ, то не утверждаю я того вовсе, чтобъ и Государство то было благополучно совершенно. Таково то было при худыхъ Кесаряхъ въ Римѣ, при неистовомъ народѣ въ Аѳинахъ и при притѣснявшихъ сильно знатныхъ въ позднѣйшїя времяна Республики Спартанской; когда состоянїе Государства не въ силахъ уже было никакъ отвратить зловредныхъ слѣдствїй на порочныхъ побужденїяхъ утвержденнаго правленїя.,,

По окончанїи сихъ словъ, *Амундъ*, преклоня низко главу свою предъ Королемъ Саксонскимъ, отвѣтствовалъ ему на то слѣдующимъ образомъ: „*Алфредъ* любитъ истинну, знаю я, началъ говорить онъ паки, и будетъ охотно слушать оную, хотя бы что и противно казалось мыслямъ его въ предложенїяхъ ея; но того быть не можетъ вовсе, мнится мнѣ: ибо, кто ищетъ то, тотъ всегда и находитъ сїе непремѣнно. Хотя впротчемъ все вообще, что ни управляемо токмо смертными, совершеннымъ никакъ назватся и не можетъ; но сильно однакожъ бываетъ притомъ внушенїе образа правленїя человѣку, въ разсужденїи нравовъ народныхъ и самаго владычествованїя Государей.„

„Мною испытано и доказано уже довольно, продолжалъ говорить *Амундъ*, все злоупотребленїе независимой ни отъ чего самодержавной власти. Въ рукахъ *Алфреда* будетъ она безспорно для всѣхъ благословеннымъ даромъ неба; но многихъ ли подобныхъ *Алфреду* производитъ въ свѣтѣ высочайшее Опредѣленїе? Премудрость должна охранять законодавца непремѣнно, дабы недостойное чадо, подобное *Саломонову* не опровергнуло наконецъ всего, что ни соорудила токмо удрученная

мудрость

мудрость родителя. Ей не слѣдуетъ нимало оставлять судьбу народа на произволъ часто случающимся слабымъ причинамъ, кои дѣлаютъ отросля Самодержавца вовсе неспособнымъ, или и того еще хуже, нехотящимъ пещись о пользѣ собственно принадлежащаго ему. Преждевремянная смерть премудрѣйшего и добродѣтельнѣйшего Государя можетъ легко оставить малолѣтнаго отрока въ рукахъ такихъ женъ и такихъ нерадивыхъ евнуховъ, въ коихъ нѣжное сїе произрастенїе, неустроенное еще довольно ни въ какой добродѣтели, утвердится сильно ко стяжанїю всякаго порока: таковому недостойному не должно слѣдовательно имѣть свободы и способности, учинится современемъ бичемъ Божїего правосудїя, тому самому, говорю, которой Онаго намѣстникомъ быть долженъ. „

„Я знавалъ нѣкоторой народъ, народъ весьма добродѣтельной впротчемъ, и во всѣхъ похвалу заслуживающихъ качествахъ довольно успѣвшїй: оной впалъ мало помалу непримѣтными стопами въ состоянїе непорядочной Аристократїи, которая была вкупѣ и Государствомъ настоящаго смущенїя. Онъ присвоилъ власть въ ономъ

 одному

одному себѣ, разсуждать и судить сперьва о общественной пользѣ всего почѣскольку; самонравный упрямецъ, или подкупленный корыстолюбецъ, могъ потомъ остановить свободно все колесо правленія въ поспѣшномъ онаго обращеніи, надъ коимъ цѣлыя сотни тысящъ благородныхъ трудились безпрестанно прежде; и наконецъ дошло до того даже, что самые законы учинились несноснѣе гнуснѣйшихъ пороковъ, и возмущеніе содѣлалось непремѣннымъ слѣдствіемъ законовъ сихъ. Всѣ добродѣтели Государя и благородныхъ людей въ Государствѣ изчезли тамъ предъ народомъ, потому что безпорядокъ учинился тогда правымъ, а настоящій порядокъ достойнымъ предлогомъ къ смущенію. Сосѣдственные Владѣльцы, видя безмѣрную немощъ Государства того, раздѣлили спокойнымъ образомъ оное по себѣ, наподобіе братій, дѣлящихъ поля ихъ родителя, и неблагодарныя подданныя, коимъ узда законовъ казалась прежде несносною, достались злощастною жертвою игу необузданной ничемъ власти. Не премѣненіе нравовъ однакожъ, и ниже какой недостатокъ въ добрыхъ правителяхъ, говорю, имѣли участіе въ погибели сего сильнаго народа; но

самъ

самЪ оной подвергЪ себя таковому безумному поступку самопроизвольно.„

„ИтакЪ, безсомнѣнія зависитЪ все отЪ достойнаго попеченія премудраго законодавца, понеже оному слѣдуетЪ размѣрить всѣ части Государства столь вѣрно одну предЪ другою, чтобЪ каждая изЪ нихЪ служила другой истиннымЪ равновѣсіемЪ, дабы сила одной не превышала всѣхЪ протчихЪ вкупѣ, но единаябЪ общественная польза всѣ оныя силы приводила непремѣнно вЪ совокупное согласіе. Таковое положеніе Государства сохранитЪ весь народЪ отЪ сильнѣйшихЪ ударовЪ, кои протчія Государства часто превращаютЪ вЪ развалины: оно освободитЪ честь и стежаніе каждаго гражданина отЪ всякой опасности, погибнуть чрезЪ кого либо изЪ сильныхЪ, или чрезЪ различныя предразсужденіи заблуждающаго вЪ немЪ множества невѣждЪ, и увеличитЪ совершенно силу Государства, не допуская членамЪ онаго упражнятся вЪ противополагаемыхЪ учрежденіяхЪ, совокупя ихЪ вЪ то самое средоточіе, кое бы служило общимЪ всѣхЪ частей соединеннаго желанія.„

„*АмундЪ*, сказалЪ потомЪ *АлфредЪ*, думаетЪ, надѣюсь, наставлять меня наподобіе врача, которой старается

ясно

ясно доказывать болящему, сколь бы полезно было ему вспомоществующее средство, чтобъ распаляющее могло охлаждать, охлаждающее разгорячать, разслабленное укрѣплять и окрѣпчалое размягчать, и чтобъ все то помогало притомъ противополагаемому злу. Легко бы можетъ быть и удалось ему меня увѣрить въ томъ, что таковое средство есть знаменитѣйшій даръ милосердаго неба; но трудно будетъ ему весьма изобрѣсть лѣкарство сему подобное.,,

,,Природа, сказалъ на то *Амундъ*, улыбнувшись притомъ пристойнымъ образомъ, произрастила средства, къ вспомоществованію немощамъ нашимъ служащія, совершенно смежными съ нами; но долгъ смертныхъ требуетъ токмо познанія въ употребленіи оныхъ. Государственное законоположеніе, истребляющее большую часть общественнаго зла, есть врожденнымъ всѣмъ Нѣмецкимъ и на Сѣверѣ живущимъ народамъ; оно происходитъ изъ самой сокровенной древности, и извѣстно было даже Геруламъ, кои превосходили въ томъ самихъ Римлянъ, да и понынѣ еще соблюдаемо то въ Скандинавіи; но Саксоны отошли отъ того далеко. Сіе дѣло былобъ достойно поистиннѣ *Алфреда*, дабы

дабы возстановить паки такое учрежденіе, при коемъ предки Саксоновъ были свободными, храбрыми и сильными предъ всѣми ихъ непріятелями.„

„Я знаю три рода учрежденія въ Государствѣ, кои всѣ вкупѣ народъ, народъ многочисленной, разумѣю, существенно составлять должны: ибо въ малолюдномъ Государствѣ Государь несколько нуженъ, сколько въ противополагаемомъ ему; въ ономъ находится множество дѣлъ, кои требуютъ непремѣнно вспомоществуемы быть и немалымъ числомъ помощниковъ; но такъ однакожъ притомъ, чтобъ разсмотрѣніемъ многихъ разрѣшаемо было всегда сомнѣніе въ нихъ безъ вреднаго вовсе продолженія. Большее Государство обязано имѣть слѣдовательно много людей именитѣйшаго знанія, и доставлять случай къ воспріятію величайшей власти гражданину, дабы законы могли имъ служить вмѣсто надлежащей узды; емужъ подобаетъ непремѣнно содержать и великія войска. Но и сіе, говорю, учинило бы скоро полководца гражданиномъ, возъимѣвшимъ на своей сторонѣ весь перевѣсъ: ибо, Римъ потерялъ совершенно все равновѣсіе тогда, когда получилъ онъ владѣніе надъ весьма распространенными областями, и началъ содер-

содержать у себя многочисленные легïоны, чему неложнымъ примѣромъ служить могутъ, *Сулла*, *Помпей* и *Юлïй* Кесарь, кои учинились страшными наконецъ безсильнымъ законамъ онаго.„

„Государю долженствуетъ, слѣдовательно, непремѣнно управлять большимъ народомъ; исполненïе власти, управленïе войскъ и посредствïе съ другими народами, словомъ, все, что ни требуетъ токмо поспѣшнѣйшаго заключенïя, самое даже избранïе войны, или мира, должно быть предоставлено ему единому. Законы должны владычествовать подъ его имянемъ; ему слѣдуетъ назначатъ судей, потому что онъ есть сущïй источникъ всего дворянства и чести; онъ избираетъ людей къ различнымъ званïямъ; его намѣренïе должно клонится безпрестанно къ учрежденïю полезныхъ законовъ и ко всѣмъ вообще величайшимъ предпрïятïямъ для его подданныхъ; народъ долженъ подкрѣплять его всевозможными своими силами, содержать блескъ величества Двора его, утверждать Государственное право противъ своихъ согражданъ, награждать полезныя художества, и вспомоществовать страждущимъ заслугамъ. ---- Онъ

обя-

обязанъ оставлять Государство свое въ надлежащемъ спокойствіи слѣдующему по немъ преемнику; потому что всякое избраніе ослабеваетъ правленіе Государя при избираемомъ владѣніи до тѣхъ поръ, покуда не останется ему ничего болѣе, кромѣ одной наружной пышности престола; его особа должна быть освященною, должна охраняема быть законами отъ всякихъ ругательствъ и отъ всякаго насилія; и какъ на сохраненіи его основывается все спокойствіе цѣлаго Государства, то огорчаетъ тотъ непремѣнно величество всего народа, кто возстаетъ на законнаго своего Государя, коему народъ поручилъ представлять въ лицѣ своемъ достоинство всего общества.„

„Самыежъ сіи законы должны защищать и Государя непремѣнно; но самъ собою не долженъ онъ нимало искать въ томъ каковаго либо права; понеже власть его былабъ безъ того каждому гражданину весьма превосходною; онъ учинился бы вскорѣ Самодержавцемъ и тиранномъ даже, когдабъ могъ самъ наказывать, и самъ захватывать имѣніе, нападая на особу того, отъ котораго считалъ бы онъ быть себя обиженнымъ. Напротивъ того, самъ онъ долженъ быть загражденъ совершенно

въ

вЪ достоинствѣ его всею силою законовЪ отЪ нападенія преступниковЪ, кои гораздо болѣе, нежели думаютЪ многія, колеблютЪ твердость основанія правленія, отъемля у того всю довѣренность народа, коему поручено попеченіе о общественной онаго пользѣ. Мѣдлительно весьма раздувается огнь клевещущій, которой наконецЪ, когда усилится чрезвычайно, когда заразитЪ сердца большей части подданныхЪ, превратится вЪ пожирающее все безЪ пощады пламя; а притомЪ, и никогда не низвергается Государь безЪ того, чтобЪ не ослабевало то, сильно вкупѣ и Государство, и не пострадали бы сверьхЪ того многія тысящи.,,

„Горестное признаніе поистиннѣ! Но всемірная Гисторія служитЪ увѣрительнымЪ вЪ томЪ доказательствомЪ, что Государь злостію и пороками зараженный гораздо болѣе имѣетЪ силы, и не вЪ примѣрЪ защищаетЪ себя лучше, нежели какой либо хорошихЪ качествЪ Владѣтель. Добродѣтельный Государь бываетЪ часто обносимЪ предЪ народомЪ своимЪ безЪ всякаго страха, и становится потомЪ весьма подозрительнымЪ оному; онЪ сноситЪ все то постоянно, что терпѣть токмо обыкновенно возможно; но чего и сносить

уже

уже не въ силахъ онъ будетъ болѣе, то, прибѣгая наконецъ къ весьма мешкатной помощи законовъ, не находитъ въ оной никаковаго уже себѣ вспоможенія тогда, когда единожди большее число гражданъ, зараженныхъ различными предразсужденіями, желаютъ его совершенной погибели. Напротивъ того Государь, преисполненный коварствомъ, знаетъ во всѣхъ Государственныхъ учрежденіяхъ множество средствъ, обратить оныя чрезъ судей на свою сторону, уловить боязливаго примѣромъ своего мщенія, алчнаго расточаемыми сокровищами и честолюбиваго возвышеніемъ на степени чести; онъ употребляетъ сплошъ такія средства, кои добродѣтельный презираетъ обыкновенно, и кои къ величайшей пагубѣ смертныхъ дѣйствуютъ съ непостижимою силою. Итакъ, чтобъ соблюсти навсегда Государя добрыхъ качествъ, и учинить его достойнымъ предъ народомъ, то законы должны непремѣнно пещись о томъ усердно, укрощая всегда строгими наказаніями гласъ своевольной клеветы: ибо, чѣмъ вольнѣе народъ въ Государствѣ, тѣмъ нужнѣе необходимость сей защиты, безъ чего не можетъ удержать Государь силы, потребной къ управленію путемъ Государства.,,

Алфредъ, улыбнувшись при послѣднихъ сихъ словахъ, сказалъ потомъ: „*Амундъ* печется, вижу я, о славѣ моей памяти; но надѣится ли онъ принудить гласъ истезующей истинны къ совершенному безмолствїю, коя возстаетъ обыкновенно противъ порочныхъ Государей, наставляя притомъ гражданина, предупреждать заблаговремянно всякое зловредное поползновенїе на общественную безопасность, и противится всячески приращенїю пагубной власти въ Государствѣ?

„Дѣла порочнаго Государя, отвѣтствовалъ на то *Амундъ*, возгласятъ противъ его несравненно громче, нежели самыя уста ненависти. Когда основательные законы довольно пребываютъ твердыми, когда всѣ условїи удостовѣрены непоколебимымъ себѣ подражанїемъ, къ коимъ Помазанникъ долженъ быть привязанъ неразрывными узами, и когда прочихъ силъ власть изображена живо, тогда Государь не въ силахъ будетъ никакъ усилится, и вознестись свыше законовъ безъ того, чтобъ не огорчить чрезъ то сильно прочихъ властей Государства, и чтобъ не обнаружить притомъ предъ простѣйшимъ гражданиномъ стремленїя его въ предѣлы общественныхъ законовъ.

новъ. Хотя впротчемъ порочнѣйшіе Государи и менѣе бываютъ подвержены злословію, потому что непремѣнное мщеніе угнѣтаетъ жалобы и самыхъ даже притѣсненныхъ; но народъ чувствуетъ тогда тѣмъ болѣе тяжести, чѣмъ сильнѣе погружается оной въ безмолствіе, понеже есть совершенная межа, чрезъ кою Государь безъ того никогда преступить не можетъ, чтобъ не вооружить противъ себя вкупѣ всѣхъ силъ Государства, и чтобъ не быть наконецъ низвергнуту конечно. Мнѣ легко можно привести въ примѣръ теперь много таковыхъ Государей, кои за одно выпущенное изъ устъ слово наказывали двумя тысящами фунтовъ злата, а явныя жалобы удовлетворяли единымъ токмо молчаніемъ, и въ Государствахъ коихъ кромѣ гласа ласкательства ничего другаго не слышно было вовсе. Они, нападая на собственныя свои Государства со сторонъ основательнѣйшихъ учрежденій въ оныхъ, низпадали вдругъ въ бездну злощастія отъ совокупныхъ силъ всѣхъ на части раздѣленныхъ подданныхъ, кои притѣсняя прежде другъ друга, соединялись потомъ поспѣшно между собою противъ общего ихъ врага.„

„*Амундъ*, сказалъ на то благоразумный *Алфредъ*, предлагаетъ мнѣ теперь удобной случай, учинить себѣ еще весьма важный вопросъ. Пусть откроетъ онъ мнѣ нынѣ, когда начинаетъ Государь подвергать опасности право свое къ престолу, и гдѣ есть рубежъ тотъ, которой преступать принужденъ онъ бываетъ, когда народъ его возъимѣетъ право къ низверженїю онаго? *Амундъ* забылъ конечно, продолжалъ говорить Король, что слабости Государя безмѣрно различны въ величинѣ ихъ, и что и самой народъ даже не составляетъ нимало вспомоществующего въ томъ посредника, которой бы зналъ размѣрять исправно всѣ сїи недостатки. Когда подданныя начнутъ обличать наималѣйшую погрѣшность въ Государѣ своемъ, то никакое правленїе не будетъ уже тогда твердо: ибо, каждый Властелинъ подверженъ различнымъ слабостямъ, и предразсужденїе, или самое корыстолюбїе, сказать лучше, можетъ нерѣдко открыть народу величайшїе въ немъ пороки, гдѣ часто напротивъ того однѣ токмо добродѣтели обитаютъ. Но когда утвержденъ будетъ совершенно такой союзъ между Государемъ и его подданными, которой бы предоставлялъ оному

право

право во владычествованіи потудова, покуда исполняетъ онъ только настоящимъ образомъ всѣ условіи, подтвержденныя имъ клятвою; а народъ освобождалъ бы отъ подобающаго повиновенія своему Властелину, сколь скоро обязательство сіе не исполнено будетъ имъ во всякой точности; и естьлибъ наконецъ таковое взаимное условіе составляло всегда сущее основаніе закона всѣхъ правленій въ свѣтѣ, то сожалѣю я искренно сколько о Государѣ, восходящемъ на престолъ столь колеблющейся, а неменѣе и о народѣ, которой безпрестанно съ чрезвычайнымъ насиліемъ и пролитіемъ множества крови, паденіе одного и избраніе другаго Государя паки, покупать за дорогую цѣну принужденъ бы былъ, изъ коихъ послѣдняго подобнымъ же образомъ низвергнуть нашелъ бы причинъ довольно, какъ и перьваго.„

„Естьлижъ напротивъ того Государь безопасно притѣснять можетъ народъ свой, и изъ онагобъ никто, подъ предлогомъ всеобщаго спокойствія, не дерзалъ противится его насиліямъ; когда несносными налогами отъемлетъ онъ нужнѣйшее пропитаніе сирыхъ, и обнаженныхъ отъ всего гражданъ заставляетъ помирать съ голоду, для насыщенія един-

ственно своихъ безмѣрныхъ прихотей; когда стремится онъ всѣми силами самопроизвольно на похищенie вольности и самую жизнь своихъ подданныхъ, заключаетъ въ тяжкiя оковы обвиняемаго, не выслушавъ прежде отъ онаго оправданiя, и предаетъ его потомъ смерти, не облича вовсе преступленiя, чрезъ обращенныхъ на свою сторону судей; когда попираетъ онъ ногами честь, презирая достоинство и заслуги лучшихъ его гражданъ, и разрушая древнiя судебныя мѣста народа; и когда, говорю, старается онъ истреблять въ конецъ стонъ страждущихъ и убѣдительнѣйшiя впечатленiи предохраняющей отъ всего истинны сущимъ своимъ презрѣнiемъ и различными притомъ истязанiями: то слѣдуетъ ли по всему тому безчисленнымъ миллiонамъ людей пребывать вѣчно злощастнымъ, для того только, что одинъ изъ смертныхъ неправосуденъ? Развѣ всевышнiй Творецъ благоволилъ сотворить сiе несмѣтное число для единаго токмо человѣка? Развѣ благополучiе толикихъ тысящъ не должно имѣть никакого равновѣсiя противъ глупой воли единаго токмо несмысленнаго? И развѣ вольные граждане, допуская себя умерщвлять наподобiе невинныхъ

агнцевъ,

агнцевъ, должны еще притомъ лобызать руки ихъ убійцы? Ахъ, нѣтъ! По симъ то самымъ причинамъ и слѣдуетъ найти непремѣнно, кажется мнѣ, настоящую межу, которая бы всякое законное сопротивленіе оправдала совершенно, и причемъ бы Государь могъ терять право, оставатся въ безпрестанномъ довольствіи всѣхъ его преимуществъ. Но извѣстенъ ли полно таковый предѣлъ возлюбленному моему *Амунду*?„

„Трудно, премудрый *Алфредъ*, сказалъ ему на то благоразумный мужъ сей, весьма трудно, поистиннѣ, протянуть рубежъ сей; но не смотря на то однакожъ, долженствуетъ быть то исполнено. У самыхъ кроткихъ народовъ, у самыхъ робкихъ Сѣрянъ, говорю, есть таковая межа, кою преступя нѣкогда *тшей*, низвергнутъ былъ за то послѣ добродѣтельнымъ *Вубангомъ*. Сей великій мужъ, преклонясь на проницающій гласъ неба, приступилъ наконецъ къ исполненію важнѣйшаго сего предпріятія: „Онъ, говорилъ оный притомъ. Онъ, самый тіенъ, повелѣваетъ мнѣ непремѣнно защитить и избавить землю отъ насилія притѣсняющего родъ смертныхъ тиранна.„

 „Къ

„КЪ означенїюжЪ рубежа сего, есть токмо единое средство, то есть, подробнѣйшее составленїе основанїя законовЪ и всѣхЪ предѣловЪ Государской власти: какЪ то напримѣрЪ, когда Государь, не имѣя вовсе права налагать никакихЪ излишнихЪ поборовЪ на своихЪ подданныхЪ, дѣлаетЪ оное не смотря на все то; когда не долженЪ онЪ присвоять себѣ права вЪ чемЪ либо самЪ собою, но при всемЪ томЪ по собственной его волѣ, захватывая подвластныхЪ ему, заключаетЪ вЪ темницу, и повелѣваетЪ лишать жизни оныхЪ; когда учреждаетЪ онЪ такїе законы, кои не признаются достойными ни отЪ его болярЪ, ниже отЪ избранныхЪ людей вЪ народѣ; когда ослабѣваетЪ онЪ чрезЪ самопроизвольное упущенїе заслуживаемыхЪ наказанїй тѣ законоположенїи, кои получили силу свою отЪ всѣхЪ законами подтвержденныхЪ властей; когда старается онЪ препятствовать намѣренїямЪ и заключенїямЪ протчихЪ властей вЪ Государствѣ; и когда тщится онЪ опровергать, слѣдовательно, все основанїе ГосударственныхЪ законовЪ: тогда, тогда то, говорю, уничтожаетЪ онЪ непремѣнно самЪ принадлежащее ему право общенароднаго кЪ себѣ повиновенїя;

онѣ дѣлаетѣ себя вѣ то время непримиримымѣ врагомѣ всему своему народу, и подданныя его имѣютѣ уже неоспоримое право учинить достойное возмездїе злодѣйству онаго, такѣ какѣ и протчїя власти подобно свободны низрынуть его паки вѣ предѣлы господствующихѣ законовѣ.,,

,,Но покамѣстѣ погрѣшаетѣ онѣ вѣ дѣлахѣ своихѣ безѣ явнаго нарушенїя основательнаго законоположенїя, покуда причиняетѣ онѣ вредѣ обществу посредствомѣ худаго выбора судей своихѣ, не познавая истиннѣйшего пути вѣ дѣлахѣ, до Государства касающихся, и только что слабый правитель, а не совершенный еще мучитель есть своему народу; потуда заслуживаетѣ онѣ еще совершенно надлежащее вспомоществованїе вѣ преподаванїи ему совѣтовѣ и представленїй его знатныхѣ и всего народа; онѣ теряетѣ чрезѣ то и безѣ того отѣ всѣхѣ своихѣ подданныхѣ кѣ себѣ должное почтенїе, наказывается местїю, чинимою его наперсникамѣ, и воспрепятствованѣ бываетѣ нерѣдко вѣ исполненїи его безразсудныхѣ заключенїй прочтими властями Государства. Но низверженїе Государя производитѣ великое нещастїе, для избѣжанїя коего жестокое сїе врачеванїе непрежде упо-

потреблять слѣдуетъ, покуда не останется уже никаковаго инаго средства болѣе къ спасенїю отъ онаго всего Государства.„

„Немалое то еще для людей благополучїе, поистиннѣ, что онѣ невдругъ достигаютъ крайней стези злости, что сила просвѣщенїя и страхъ слѣдствїя, не допускаютъ ихъ погружатся скоропостижно отъ добродѣтели глубоко въ бездну порока, и что стыдъ обуеваетъ ими по степенямъ при учиненїи величайшихъ преступленїй. Государь можетъ, слѣдовательно, при столь соразмѣрномъ законоположенїи Государства въ пагубномъ теченїи его закоренелости удержанъ быть по большей части различными представленїями, законнымъ сопротивленїемъ присовокупленныхъ къ нему властей, разными знаками всеобщаго неудовольствїя и самымъ даже внушенїемъ о томъ его зловреднымъ приближеннымъ; почему весьма рѣдко произойдетъ въ таковомъ законоположенїи Государства жалостная какая либо необходимость, которая бы принудила вооружится народъ противъ того, за коего впротчемъ долженъ оной жертвовать своею жизнїю. Но во злѣ погруженныхъ, безъ всякаго равновѣсїя колеблющихся и никакими существенно основательными законами неподкрѣпленныхъ

ныхъ Государствахъ, бывали такіе мучители, въ крови коихъ принужденнымъ бывалъ народъ искать своей единой безопасности. Таковымъ было начало военной власти Римскаго господства и лицемѣрной политики, гдѣ хотя и пребылъ впротчемъ видъ Республики, но привсемъ томъ вся власть и сила зависили токмо отъ страшнаго меча преторіянскихъ салдатъ и протчихъ легіоновъ. Таково то есть безспорно и въ Византіи, гдѣ никакіе предѣлы не ограждаютъ нимало Государя, гдѣ воля его производитъ настоящее дѣйствіе безъ всякой помощи законовъ, и гдѣ ничто не препятствуетъ ему предпринимать все, такъ какъ и ничто не защищаетъ онаго противъ силы отчаянія притѣсненныхъ. Устрашаемый гнѣвомъ евнухъ и лишенный достоинства своего полководецъ, знаетъ довольно, что неменѣе подверженъ онъ опасности въ рабскомъ своемъ повиновеніи Государю, какъ и при самомъ его возмущеніи противъ онаго; что онъ не законы и не народъ, но токмо единаго Властелина непріятелемъ себѣ имѣетъ, и страшится его всегда долженъ, и что наконецъ остается ему еще нѣкоторая надежда, то есть, вонзить остріе металла въ сердце судіи

своего,

своего, прежде нежели смертоносный мечьката прекратитъ дни его, можетъ быть: онъ покушается потому на сїе не вовсе еще безнадежное предпрїятїе, и часто, весьма часто низлагаемъ бываетъ Государь, потому только единственно, что онъ все имѣлъ въ независимой ни отъ чего своей власти, что никакая сила законовъ не обуздывала и не воздерживала его низпасть въ бездну непрекратимой никогда уже напасти, и что всѣ законы защищали его гораздо слабѣе, нежели защищали они его подданныхъ. „

„Итакъ, рѣдко, и то въ цѣлыхъ развѣ столѣтїяхъ, учинится ограниченной во власти Государь подобнымъ злодѣемъ самъ себѣ, преодолѣвъ всѣ препятствїи, наруша всѣ законы, и произведя такїя насилїи, кои бы довели подданныхъ его до совершеннаго отчаянїя, безъ чего бы никогда не вознамѣрились онѣ приступить къ страшному низверженїю законно на своемъ престолѣ сидящего Государя; частожъ напротивъ того и притомъ по самымъ маловажнымъ причинамъ, случаются подобныя перемѣны съ самодержавными Государствами. Въ самой даже просвѣщенной Византїи, гдѣ Христїянское

благо-

благочестіе учитъ терпѣнію и покорности, и гдѣ многосильные духовные, порабощенные по большей части помазанной Главѣ, удерживаютъ всякое стремленіе народнаго волненія, и тамъ, говорю, владычествуетъ, можетъ быть, пятидесятое уже Императорское колѣно на престолѣ съ того времяни, какъ первый Кесарь началъ притѣснять вольность; а у дикихъ Восточныхъ странъ жителей и давно уже низлагаетъ одинъ мучитель другаго, себѣ подобнаго, слово какъ вихремъ влекомыя облака прогоняютъ другъ друга взаимно въ Царствѣ воздушномъ.,,

,,Другая власть въ уравненномъ такимъ образомъ Государство положеніи есть безсомнѣнія дворянство; и хотя *Алфредъ* подозрѣваетъ, можетъ быть, *Амунда*, продолжалъ говорить сей разумный мужъ, что онъ великій яко бы непріятель оному; но *Амундъ* началъ бы самъ себѣ противоречить въ томъ: ибо, самъ онъ обязанъ много преимуществамъ и почестямъ своего рожденія, кои каждой простолюдинъ весьма неохотно оказываетъ благородно рожденному. Родъ дворянства не есть впротчемъ пустая выдумка Грековъ, или ученыхъ Египтянъ, ниже премудрыхъ Серянъ, оно при-

признаваемо было и въ Римѣ происхожденіемъ древнихъ ироевъ; но преимуществъ онаго искать должно болѣе на Сѣверѣ, гдѣ перьвоначальный дворянинъ былъ совершенно храбрый ратникъ; дѣти его слѣдовали безпрестанно по его стопамъ, и единое старанїе многихъ послѣдующихъ однѣхъ за другими безпрерывно поколѣнїй была токмо война. Чрезъ продолжавшееся въ важныхъ дѣлахъ всегдашнее упражненїе, кое преподавало военное мужество и величайшее изощренїе въ оружїи потомству перьвыхъ ироевъ, приобыкъ скоро народъ различать усерднѣйшихъ защитниковъ отечества отъ тѣхъ людей, кои пасли только стада, обработывали землю, и въ управленїи орудїемъ менѣе были искусны, менѣе страшны, и въ безпрестанныхъ браняхъ жившимъ ордамъ къ оборонѣ менѣе нужны были.„

„Но тѣмъ паче и сильнѣе утвердилось преимущество дворянства, когда сперьва Императоры Римскїе и Византїйскїе позднѣйшихъ времянъ уступили поселившимся военнымъ людямъ на предѣлахъ дикихъ народовъ собственныя свои земли, съ тѣмъ условїемъ, чтобъ они остались навсегда при употребленїи оружїя, и защищалибъ без-

безпрестанно сїи границы Государства; чрезъ то самое учинилось наконецъ цѣлымъ семьямъ непремѣнною должностїю, упражнятся всегда въ военномъ искуствѣ, а неотъемлемое отъ нихъ никогда жалованное имъ въ роды родовъ полное управленїе надъ участкомъ каждому принадлежащемъ, доставляло имъ великое преимущество предъ протчими гражданами, коихъ дѣти теряли весьма часто свои владѣнїи, прїобрѣтаемыя безмѣрными трудами ихъ родителей.„

„Несравненно однакожъ болѣе увеличилось различїе дворянства отъ простыхъ людей тогда, когда въ безпрестанной войнѣ обращавшїеся народы покорили другихъ, гораздо слабѣйшихъ предъ собою, когда все побѣдоносное войско раздѣлило по себѣ завоеванныя земли, и оставило побѣжденнымъ жизнь на весьма жестокихъ условїяхъ, обработывать собственную оныхъ землю, на коей бы побѣдители безъ труда и въ праздныхъ упражненїяхъ будучи, всегда безпрепятственно жить могли. Таковыми то учинились Сарматы, коихъ вѣчными рабами сдѣлались древнїе слабые жители величайшихъ странъ и областей, объѣзженныхъ мною въ жизни моей и лежащихъ на Сѣверныхъ предѣлахъ Азїи и Европы.„

„Дворян-

„Дворянство имѣетъ впрочемъ совершенно свои выгоды въ Государствѣ; воздержанїе отъ всѣхъ низкихъ упражненїй, нѣжное ощущенїе чести, сильное ободренїе, происходящее отъ надежды къ достоинствамъ, и самое врожденное высокоумїе, основанное на заслугахъ предковъ каждаго, возноситъ духъ благородныхъ, а благополучное состоянїе оныхъ доставляетъ имъ совершенную ни отъ чего независимость и внушенїе, до чего рукомѣсленникъ, или какой либо промышленникъ напротивъ того съ величайшимъ трудомъ достигнуть можетъ. Всѣ сїи преимущества, слѣдовательно, долженъ премудрый законодавецъ такъ употреблять знать, чтобъ дворянство, какъ Государство защищать, такъ Государя подкрѣплять и отъ простаго гражданина всѣ нещастїи отвращать могло свободно.„

„*Алфредъ* позволитъ, надѣюсь, вѣрному своему рабу открыть себѣ истинну, что между Англо-Саксонами его имѣетъ дворянство слишкомъ много преимуществъ, кое причинитъ конечно со времянемъ немалой вредъ всему Государству; напротивъ того простые граждане составляютъ народъ гораздо свойственнѣе, и когда каждый гражданинъ имѣетъ неоспоримое право

ожи-

ожидать отъ Государственнаго законоположенія толико благополучія, колико токмо возможно, то совершенно не наслаждается, говорю, простой Саксонецъ сими преимуществами. Онъ не можетъ никогда достигнуть до вышнихъ степеней чести, и не въ силахъ даже жертвовать самопроизвольно своимъ стежаніемъ въ случаѣ нужды Государству; Государь предписываетъ подать дворянству, а оное возлагаетъ потомъ все бремя на простой народъ, кое, отторгая отъ себя, раздѣляетъ его по немъ по собственному лишъ своему произволу. Вся земля въ Англіи зависитъ отъ одного дворянства, а земледѣлецъ есть онаго откупщикъ токмо; пропитаніе трудящегося, жизнь дѣтей его и самое даже посяженіе оныхъ, зависятъ непосредственно отъ неистовыхъ прихотей дворянина.„ (*)

(*) Хотя между Саксонами и находились также такъ имянуемыя полувольныя люди, изъ коихъ однѣ были такія, кои исправляли работу, возлагаемою на нихъ, одною сохою, и назывались (Socmen), изъ числа которыхъ, правда, немногія токмо принадлежали дворянскому обществу, потому что безъ оныхъ не моглибъ быть производимы нижніе суды; но и сіи люди были подчинены нѣкоторымъ образомъ дворянству, понеже безъ согласія онаго не смѣли

„Не менѣе опасно также и для самаго Государя сіе полномочное дворянство. Онъ имѣетъ все свое орудіе въ единыхъ токмо рукахъ онаго, (*) каждый Графъ есть полководецъ подчиненнаго ему народа, и простолюдинъ зависитъ сперьва отъ знатнаго вельможи, а чрезъ онаго уже и отъ самаго

онѣ отдавать или продавать стяжанія своего, и отъ негожъ, по благоразсужденію каждаго, могли быть безъ всякаго труда во всякое время выгоняемы изъ собственныхъ ихъ селеній; а другія, на волю отпущенныя, совсемъ вольныя люди, кои могли управлять добромъ своимъ безъ всякаго принужденія, изъ коихъ многія однакожъ по большей части предавались добровольно покровительству благородныхъ, служа онымъ вмѣсто наемныхъ людей, (†) и сколь ни свободны онѣ были впрочемъ, однакожъ при всемъ томъ орали и обработывали земли господъ своихъ.

(†) Читай *Литтлетонову* Исторію *Генриха IIго* томъ *IIIй*, страницы 186ю, 267ю и 368ю.

(*) Хотя и находятся негдѣ слѣды тому, что въ каждомъ Графствѣ Англіи бывалъ прежде яко бы, такъ называемой (Herotoch), котораго вольныя сіи люди избирали ежегодно въ оное достоинство; но сіе извѣстіе при столь маловажной свободѣ народа кажется быть весьма невѣроятнымъ, и основывается притомъ на довольно ненадежномъ древнемъ преданіи. (††)

(††) Читай помянутагожъ *Литтлетона* томъ *IIIй* на страницахъ 86й и 319й.

самаго Государя потомъ. Своенравїе благородныхъ можетъ легко отяготить сонмище людей военныхъ, содѣлать скоро безполезною всю ихъ службу, и пресѣчь даже современемъ средства Государю содержать достаточныя войска. Одинъ суровыи взглядъ, одно лишъ двусмысленное изъясненїе въ какомъ либо предпрїятїи помазанной Главы, чрезъ кои благородной сочтетъ себя езбразсудно обиженнымъ, принудятъ безсомнѣнїя Графовъ обратить оружїе и противъ самаго ихъ Государя; а простыя люди, пребывающїя въ полной власти дворянства, имѣя отъ онаго всѣ поля свои, и получая отъ негожъ все свое дневное пропитанїе, будутъ служить съ охотою оному противъ законнаго ихъ Властелина, котораго не знаютъ и не постигаютъ онѣ иначе, какъ токмо чрезъ однѣ приказанїи настоящихъ ихъ господъ.„

„Сверьхъ того, имѣетъ дворянство въ полной своей власти и управленїе всемъ правосудїемъ въ Государствѣ; тѣ самыя люди онаго, разумѣется подъ симъ, кои не знаютъ никакого другаго упражненїя, кроме одного рыстанїя на ловлѣ и управленїя оружїемъ, тѣ, говорю, кои презираютъ вовсе науки, и собственной произволъ ихъ поставляютъ въ образѣ настоящихъ

законовъ тогда, когда бы оные напротивъ того укрощать должны были всячески ихъ волю и всѣ предразсужденiи. Итакъ, преимущество сiе ввергаетъ простолюдина часъ отъ часу тѣмъ болѣе въ онаго руки; ибо, Графской гнѣвъ служитъ ужаснѣйшею участiю для всѣхъ ему подчиненныхъ, и самая его благосклонность произноситъ потомъ дѣйствительно сама приговоръ надъ тѣмъ, которой приобрѣлъ оную прежде; а ктомужъ и весьма велики вотчины благородныхъ въ Англiи, онѣ придаютъ дворянству чрезмѣрную силу къ весьма мало раздѣленной власти оныхъ." (*)

„Чего ради, дворянство должно непремѣнно приведено быть премудрымъ законодавцемъ въ такое положенiе, въ которомъ бы оно какъ Государству, такъ управляющему онымъ и всему народу вообще полезно и ни единому изъ Государственныхъ сочленовъ не въ тягость было. Судебныя мѣста не могутъ поручены оному быть вовсе, потому что оно и безъ того имѣетъ много дѣла съ своими собственными рабами, откупщиками и

съ

(*) Читай *Литтлетона* томъ *IIIй*, стран: 325ю.

съ самимъ Королемъ даже, кои всѣ могутъ относится до его единаго правосудія. Сверьхъ же всего того, недовольно внушило оно охоты и въ самыхъ Англо-Саксонахъ къ просвѣщенію разума ихъ, чтобъ возможно было возложить на него часто случающіеся столь тяжкіе труды, дабы извлечь изъ невѣжества сокровенное право, въ которомъ и понынѣ еще пребываетъ оно глубоко погруженнымъ; но въ судіи слѣдуетъ непремѣнно избраннымъ быть такимъ людямъ, коихъ бы воспитаніе изострило довольно въ наукахъ, въ познаніи Государственныхъ законовъ и въ испытаніи основанія каждой даже вещи. Таковый судія не долженъ быть ничемъ привязанъ къ Графству, ничего не имѣть собственнаго, и не быть никогда зараженнымъ никакими своими выгодами, кои бы вѣсы правосудія могли преклонять къ которой либо одной изъ сихъ сторонъ: познаніе о семъ, сей самый законъ, говорю, извѣстенъ былъ давно уже Серянамъ.„

„Но тѣмъ менѣе еще должна власть оружія и все управленіе войны быть принадлежащими Графамъ: ибо, военныя люди составляютъ собою сущее стежаніе отечества и настоящего

отца онаго, то есть, Государя, а не Графовъ, или какого Графства; но совершенно напротивъ того могутъ благородные употреблены быть съ преимущественнѣйшею выгодою ко управленїю отдѣленныхъ корпусовъ, сотенъ и тысящей даже, людей военнослужащихъ; искусство оныхъ въ оружїи, ихъ честолюбїе и самое врожденное въ народѣ къ дворянству почтенїе, дѣлаютъ ихъ способными къ владычествованїю: каждый же полководецъ, тысящникъ и сотникъ должны притомъ непремѣнно избираемы быть самимъ Государемъ, не имѣя нималѣйшаго права по природѣ своей на достоинства до войны принадлежащїя. Государю подобаетъ избирать къ тому единственно способнѣйшихъ и усерднѣйшихъ гражданъ Государства; понеже природа открываетъ во всякомъ робость и немощь, а самонравїе обличаетъ коварство и зломыслїе. Простый воинъ, сотникъ и тысящникъ, должны быть непремѣнно Государевы, а не какого либо подданнаго оному люди. Но какъ управляется нынѣ Англо-Саксонїя, то каждое Графство въ немъ составляетъ особый престолъ небольшаго Государя, который, имѣя собственныя попеченїи и собственныя притомъ выгоды, непрежде начинаетъ

помышлять о общественной пользѣ, покуда не будетъ сообразоватся оная съ его собственной. Государь долженъ притомъ самъ учреждать всѣ приуготовленіи до войны принадлежащія, ему слѣдуетъ распоряжать, куда каждый корпусъ идти и къ чему служить оной долженъ; онъ обязанъ нетолько содержать все войско, но и вооружать еще оное; единый духъ долженъ оживотворять всѣ силы цѣлаго Государства, и къ единому токмо намѣренію соединять все въ ономъ.,,

Алфредъ слушелъ все то съ великимъ вниманіемъ; онъ ощущалъ довольно истинну доказательствъ, кои старался обьяснять ему *Амундъ*; но премудрый Монархъ сей видѣлъ притомъ ясно, что столь великая перемѣна во власти большихъ возбудитъ непремѣнно въ Государствѣ его общее смятеніе, кое для него будетъ весьма опаснымъ. Онъ хотя и желалъ искренно сократить всячески распространенныя довольно много преимущества благородныхъ своихъ, но зналъ притомъ, что благоразуміе требовало къ тому великаго времяни, а сверьхъ того и совокупнаго всѣхъ частей Государства напряженія; и хотя утвердившуюся власть въ правосудіи знатныхъ его и

 поко-

поколебалъ онъ сильно, подлинно, но скоро постигшая потомъ смерть не допустила довершить полезное намѣренїе сего премудраго Государя, похитивъ его прежде, нежели могъ онъ произвести тожъ самое и надъ воинскою силою, которою пользовались оные неменѣе.

Между тѣмъ учинилъ однакожъ Король новое предложенїе ревностно пекущемуся о благополучїи Государства его другу своему. „*Амундъ*, сказалъ онъ ему, тщится отвергнуть власть отъ всего дворянства въ продолженїе войны, и лишить его мѣста въ Государственномъ правленїи, вижу я. Какїяжъ должности, слѣдовательно, оставить думаетъ онъ благороднымъ, коими бы оные служить могли съ пользою своему отечеству?„

„*Алфредъ*, продолжалъ говорить *Амундъ*, низко поклонясь, долженъ сзывать ежегодно всѣхъ знатныхъ подданныхъ себѣ гражданъ въ одно мѣсто, и совѣтывать съ оными о благосостоянїи Государства. Сїе имянитое собранїе да будетъ пусть совершенно самовластнымъ; ему долженствуетъ быть непремѣнно непоколебимымъ, и имѣть основанїе свое утвержденнымъ на самомъ Государство-положенїи. Каждый

 годъ

годъ имѣютъ долгъ три начальныя власти Государства собиратся вкупѣ, то есть, Король, благородные и избранные со стороны народа. Назначать день открытія сему общему присудствію, зависитъ отъ самаго Государя, и емужъ единому слѣдуетъ распускать всѣхъ сочленовъ онаго. Отъ каждаго благороднаго рода долженъ непремѣнно начальникъ на сеймѣ семъ имѣть наслѣдственной и притомъ существенной голосъ; самоежъ дворянства достоинство раздавать обязанъ Государь на всѣ послѣдующія времяна, покуда продолжается токмо колѣно мужеское. Наслѣдственное сіе право доставляетъ дворянству чрезъ то совершенную ни отъ кого независимость, которая однакожъ исчезаетъ тогда неминуемо, когда жалованныя преимущества пресѣкаются смертію съ помѣщеннымъ въ благородное состояніе заслуженнымъ мужемъ.„

„На Государственномъ сеймѣ должны быть предлагаемы всѣ важныя дѣла, касающіяся до Государства, сборовъ и законовъ въ сей имянитой палатѣ, и никакое заключеніе сихъ трехъ вышеупомянутыхъ Государственныхъ степеней не должно быть признано утвердительнымъ прежде, покуда не будетъ

подтверждено дворянствомъ: къ оному должны быть присовокуплены также и Епископы, понеже они одни почти такїе въ Государствѣ, кои имѣютъ нѣкоторыя преимущественныя предъ прочими знанїи; разбирательство дѣлъ учинится тогда въ благородныхъ побудительнымъ усердїемъ, кое и самые нравы даже содѣлаетъ благородными, поощряя оные напрягать всѣ ихъ силы разсуждать здраво, и объяснять каждой вопросъ предъ ихъ сверстниками. Сїе есть единое токмо средство отвлечь благородныхъ отъ различныхъ забавъ и безпрестаннаго упражненїя въ орудїи, и приуготовить оныхъ къ изощренїю ихъ разума, познанїю Государственныхъ законовъ и гисторїи ихъ отечества. Присудствїе ученыхъ и знающихъ Епископовъ умножитъ вяще сїе похвальное подражанїе; благородные вмѣнять будутъ за стыдъ допускать себя управлять тѣми, кои гораздо ниже ихъ породою, и коихъ однѣ токмо душевныя дарованїи сажаютъ къ нимъ по сторону. Но въ такомъ обществѣ, гдѣ единымъ только доказательствомъ, или удостовѣренїемъ какого либо дѣла превзойти можно, не въ силахъ нимало доставить преимущества породы никакого перевѣса между равными благо-

родными;

родными; и кто не захочетъ покорятся чужихъ мнѣнію, тотъ долженъ будетъ непремѣнно учится подкрѣплять свои подробнымъ познаніемъ дѣла и силою предложенія. Сїе достойное раченїе произвело въ побѣдоносномъ Римѣ искусныхъ ораторовъ и великихъ министровъ; оно изображаетъ точное правосудїе въ *Кесарѣ*, цвѣтущее красноречїе въ *Тулли* и мужественное великодушїе въ *Катонѣ*. „

„Я бы и того еще болѣе сдѣлалъ, продолжалъ говорить *Амундъ*, я бы не оставилъ во власти рѣшительнаго приговора правосудїя ни Епископамъ, ни протчимъ судїямъ; а учинилъ бы имянитое сїе собранїе верьховнымъ присудственнымъ мѣстомъ, гдѣбъ слѣдовали быть рѣшены наконецъ всѣ тяжебныя дѣла, и гдѣбъ ученыя люди присудствовали, а благородныя судили токмо. Но и по сему праву дворянства, надѣюсь я, жаждущїя сердца большихъ людей стали бы помышлять утверждать врожденныя ихъ преимущества чрезъ большее ими познанїе законовъ, естественной справедливости и самое внушенїе и порядокъ ихъ предложенїя: ибо, не сомнѣваюсь я нимало, чтобъ незнающїе благородные, кои нынѣ должны означать всѣ свои заключенїи

наречно

нарочно вырѢзанными кЪ тому каменьями, не учинились бы вЪ теченїе краткаго времяни способными управлять важнѢйшими дѢлами Государства.„

„Тогда то уже могЪ бы Король избирать безЪ сомнѢнїя свободно изЪ сего заведенїя министровЪ, посланниковЪ, судей и прочихЪ вышнихЪ Государственных служителей, коихЪ нынѢ напротивЪ того долженЪ онЪ искать вЪ священникахЪ и монахахЪ. Знатные, живущїе нынѢ вЪ своихЪ замкахЪ, наподобїе удѢльныхЪ Князей, привлечены бы были нечувствительнымЪ образомЪ ко Двору. Были бы болѢе извѢстны Государю, и чрезЪ свои собственныя достоинства признавали бы сами себя имЪ обязанными весьма. НародЪ взиралЪ бы сЪ удовольствїемЪ на раздѢляющего сего Государя власть свою сЪ таковыми мужьями, сЪ которыми оной не вЪ равномЪ рожденЪ степени, и кои гораздо менѢе, нежели неблагородно-рожденные составляютЪ цель всей ненависти согражданЪ ихЪ.„

„ПеремѢну сїю учинить вЪ ГосударствѢ весьма нетрудно: ибо, она оставитЪ непремѢнно верьховную степень гражданЪ Государства на прежнемЪ своемЪ мѢстѢ. Но что теперь предложить помышляю я, то Государю

моему

мосему конечно покажется страннымъ, надѣюсь, хотя Государственное сїе разположенїе, о коемъ говорить я намѣренъ, и есть самое древнѣйшее учрежденїе (*) всѣхъ на Сѣверѣ живущихъ народовъ, какъ то, Германцевъ, Скандинавлянъ, сильныхъ Франковъ и самыхъ даже Саксоновъ: и хотя перевѣсъ дворянства всегда покорялъ себѣ народъ, уничтожая оной часто до степени сущаго рабства.„

„Наши

(*) Весьма пространно помышляетъ доказывать конечно *Литтлетонъ*, что будто бы еще во времяна Саксоновъ приглашаемъ былъ народъ къ Парламенты, или по меньшей мѣрѣ, начальники городовъ и селенїй имѣли въ оныхъ яко бы свои засѣданїи. Таковыя его удостовѣренїи происходятъ отъ нѣкоихъ требованїй, кои подлинно въ гораздо позднѣйшїя времяна нѣкоторыя мѣстечки (читай о томъ въ гисторїи его стр: 226ю и протч:) имѣли на сїе право, приводя притомъ примѣръ древнихъ времянъ въ доказательство. Онъ приводитъ даже и мѣста тому во свидѣтельство, гдѣ оныя собранїи Парламента имянованы народомъ. *Бàрнстакстъ* свидѣтельствуетъ то даже нѣкоторою кредитивною грамотою Короля *Аделстана*. А такъ называемые (Antiquiores) присудствовавшїе въ собранїи въ Кларендонѣ, почитаются Лордомъ Калдеръ-маннами, или древними первостатейными особами каждаго Графства; но все сїе недовольно однакожъ, кажется, достаточнымъ къ доказательству всегдашняго и законнаго народнаго участїя въ Го-

„Наши предки были впрочемъ всѣ равны между собою. Каждой, кто только могъ носить оружіе, имѣлъ уже неоспоримое участіе въ правленіи народомъ, и коего безопасность онъ кровію своею искупать былъ готовъ во всякое время. Когда предприманы бывали какія либо великія намѣренія, когда должно бывало объявлять войну, или заключать миръ, то собирался тогда немѣдленно весь народъ, все войско вольныхъ Кельтовъ; оныхъ вопль

сударственномъ правленіи, какъ оное во времяна *Генриха III го* и по немъ послѣ утверждено было: ибо, никогда не упоминается прямо въ законахъ Аглинскихъ, или Гисторіи Государства онаго, чтобъ назначенное число изъ каждаго Графства и каждаго мѣстечка выбранныхъ позвано было въ Парламенты, и никто не имянуется никогда поимянно; да изъ малаго числа вольныхъ неблагородныхъ людей было бы и весьма трудно избрать достойныхъ мужей къ тому много, кои бы не зависили вовсе по своимъ землямъ и своимъ покровительствующимъ грамотамъ отъ дворянства; а притомъ и самъ Лордъ признается, что дѣла до Государства касавшіяся производимы бывали безъ присудствія народнаго въ Парламентахъ благородныхъ, и народная власть, какъ упоминаетъ онъ, была дескать весьма малосильна тогда (читай Гисторіи его стран: 234 ю.) содержать между Королевскою и Аристократическою властями нѣсколько значущее равновѣсіе.

вопль и звукъ, происходящїй отъ ударенїя другъ о друга щитовъ ихъ, означали совершенно волю народа, и служили непремѣннымъ закономъ. Предводители войска ихъ избираемы были у нихъ такъ, какъ и самые Короли даже. Государь оныхъ бывалъ обыкновенно великїй воинъ, которой довѣренность подданныхъ приобрѣталъ единственно своею храбростїю; онъ былъ искусный полководецъ, но нимало не властелинъ надъ своими согражданами; при самыхъ величайшихъ плодахъ побѣды его не возрастало нимало для него право къ добычѣ, кое бы могло превозмочь право простаго гражданина.„

„Всѣ люди имѣютъ между тѣмъ равное право между собою въ блаженствѣ; чего ради, Государство должно непремѣнно учреждено быть такимъ образомъ, чтобъ гражданъ онаго было столько щастливыхъ, сколько возможно токмо того достигнуть, чтобъ быть благополучными въ высочайшей степени. Здѣсь не достаетъ самовластнаго единоначалїя, пекущагося токмо о силѣ и благополучїи одного властелина, и жертвующаго оному благосостоянїемъ всѣхъ подданныхъ, чрезъ что Монархъ волю свою безъ труда производить въ дѣйство можетъ.

Но

Но премудрый законодавецЪ не желаетЪ отнюдь того, чтобЪ между безчисленными миллїонами одинЪ токмо былЪ щастливымЪ.„

„Стольже мало и самой власти слѣдуетЪ отлученной быть отЪ способности вЪ свободномЪ употребленїи оной. Разумному мужу служитЪ то совершенною укоризною, когда почтетЪ онЪ младенца, качаемаго еще вЪ люлькѣ, за настоящего воина, коего нѣжныя руки никогда не будутЪ довольно сильными, можетЪ быть, кЪ ношенїю орудїя. ИтакЪ, безразсуднымЪ кажется совершенно быть то, чтобЪ не на испытанныхЪ преимуществахЪ разума и мужества человѣка, но на единыхЪ преимуществахЪ его предковЪ основывать право повелѣвать тѣмЪ, безЪ совѣта коего часто не знаетЪ онЪ управлять собою какЪ.„

ВЪ семЪ мѣстѣ пресѣкЪ *АлфредЪ* речь сїю. „Поэтому предки мои, сказалЪ онЪ, разсуждали весьма премудро, что перемѣнили они часть сїю ихЪ Государственнаго законоположенїя: ибо, люди ничуть не равны между собою. Но сїе равенство есть одинЪ токмо вымыселЪ гордыхЪ софистовЪ. Храбрость возноситЪ обыкновенно одного гражданина предЪ другимЪ на заслуженную

женную имъ токмо степень; а благоразумїе можетъ превознести его даже предъ всемъ: тотъ, кто знаетъ преподавать совѣты, влекущїе весь народъ къ благополучїю, несравненно любезнѣе оному, нежели безчисленныя тысящи людей, слѣдующїя путемъ, открываемымъ имъ онымъ, коего сами онѣ не находили никогда прежде; понеже цѣну каждаго гражданина составляетъ единое участїе, прїемлемое имъ во всеобщемъ благѣ.„

„Когдажъ всѣ люди вообще не равны между собою, то и голоса оныхъ должны быть не равно дѣйствительными, слѣдовательно. Тысящей невѣждъ подражаемыя слѣпыя мнѣнїи не стоятъ вовсе благоразумїя единаго, коему всѣ подражаютъ онѣ: все сїе множество допускаетъ себя весьма легко убѣждать ревностными представленїями, кои преисполненный честолюбїя корыстолюбецъ по склонностямъ и предразсужденїямъ одного съ нимъ народа предлагать и льстивымъ красноречїемъ своимъ украшать знаетъ искусно. Мнѣ довольно извѣстны ужасныя дѣйствїи, произведенныя съ успѣхомъ подобными представленїями одного злобствующего трибуна, честолюбиваго *Клеона* и развращавшего нравы смертныхъ *Демосѳена*,

коимъ не въ силахъ были противостоять вовсе ни мужественная твердость *Фокіона* ни ничемъ неприкрашенная добродѣтель младаго *Катона*. Наподобіе морскихъ волнъ, колеблемыхъ жесточайшимъ вѣтромъ, мятутся сердца несмысленной толпы по образу, внушенному въ нихъ умѣющимъ угождать во всемъ риторомъ. Но изъ всѣхъ образовъ правленія, продолжалъ говорить *Алфредъ*, согласился бы я менѣе всего поручить верьховную власть въ руки всему народу. Сочлены онаго, коихъ ни воспитаніе не приуготовило къ исправленію какихъ либо дѣлъ, ниже искуство наставило въ чемъ, они, говорю, чтобъ должны были отъ простыхъ упражненій восходить на вышнія степени достоинства и съ необразными разсужденіями толковать важнѣйшія дѣла, до всего Государства касающіяся! Нѣтъ, нѣтъ, быть тому не можно. Сему воспротивится непремѣнно начало Премудрости; не захочетъ, надѣюсь, того и искренній другъ мой, которой видалъ толико народовъ, и которой знаетъ совершенно разсуждать изъ Гисторіи Государства сего о положеніи настоящаго его состоянія.„

„Я весьма отдаленъ отъ того, сказалъ на то *Амундъ*, чтобъ привлекать

народъ къ какимъ либо совѣтамъ; а тѣмъ менѣе еще помышляю поручать верьховную власть въ Государствѣ оному; потому особливо, что знаю я довольно, каково судитъ собранное къ тому нарочно войско. Мнѣ случилось нѣкогда отправлену быть отъ Византїйскаго Двора къ Пацинакамъ, народу, живущему при водяныхъ порогахъ рѣки Борѵсѳена, станъ коихъ обыкновенно называется Сечью. Воины всего народа сего живутъ тамъ одни, не имѣя при себѣ ни единой женщины, которыхъ они терпѣть не могутъ вовсе, и чинятъ изъ сего мѣста пагубнѣйшїя нападенїи на сосѣдственную съ ними Сармацїю, плодороднѣйшую Дакїю и изобильную всемъ страну Булгарскую. Повсегодно собираются всѣ сїи военныя люди въ одно мѣсто, и избираютъ себѣ начальниковъ и судей; каждый изъ нихъ гражданинъ считается равнымъ во всемъ другому, и голосъ неискуснаго еще ни въ чемъ юноши полагается также наровнѣ, какъ и голосъ престарѣлаго уже мужа, служившего на войнѣ въ продолженїе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ за свое отечество и предводительствовавшего войскомъ съ одержанїемъ притомъ различныхъ побѣдъ надъ непрїятелями онаго. По

окончанїи года производится тамъ немѣдленно общїй приговоръ надъ сими начальниками, и я самъ присудствовалъ притомъ, когда одинъ изъ таковыхъ полководцевъ, не будучи допрашиванъ ниже обличенъ чемъ даже, единственно по пустому заключенїю, основанному на одномъ токмо подозрѣнїи въ оказанныхъ имъ знакахъ благосклонности къ Византїи, признанъ достойнымъ быть обруганнымъ, лишеннымъ всего его имѣнїя и изгнаннымъ навсегда изъ его отечества. Слѣдовательно, нетокмо честь, или стежанїе, но и самая даже жизнь гражданина, не имѣетъ нималѣйшей безопасности въ такого рода правительствѣ, гдѣ необузданная ничемъ воля цѣлаго общества составляетъ единый утвердительный законъ. По прошествїижъ нѣсколькихъ лѣтъ, предстали другїе, подобные прежнимъ витїи, и престарѣлый невинно страдавшїй столь долго мужъ сей, возведенъ былъ паки въ прежнюю степень его достоинства, тотъ самый, говорю, который какъ сущїй народный измѣнникъ претерпѣлъ жесточайшее наказанїе. Положимъ, что Пацинаки составляютъ народъ Скѵѳскїй и притомъ совсемъ непросвѣщенный; но народъ Римскїй справедливѣе ли поступалъ про-

тивъ побѣдоноснаго *Коріолана*, противъ избавителя своего *Камилла* или *Туллія Цицерона*? Не осудили ли Аѳины на заточеніе правосуднаго *Аристида*, не предали ли въ нихъ поносной смерти великодушнаго *Фокіона*, и не приговорили ли тамъ выпить сосудъ, наполненной ядомъ благочестивому *Сократу*, перьвому изъ смертныхъ мужу, которой тщился употреблять всю свою премудрость единственно ко внушенію добродѣтели. Итакъ, когда вся власть пребываетъ въ рукахъ невѣжества, и когда Государственное законоположеніе не противополагаетъ стремленію излишества въ предразсужденіяхъ цѣлаго общества никакой препоны, тогда народъ учинится самъ непремѣнно тиранномъ: ибо, тотъ и есть токмо онымъ совершенно, которой волю свою дѣлаетъ настоящимъ закономъ.„

„Но ничуть нетрудно однакожъ уступить народу существенное его участіе въ правленіи, безъ того вовсе, чтобъ допустить оной произвести въ дѣлахъ нѣчто противное; понеже ему, то есть, народу, принадлежитъ равно также немалое участіе въ Государственномъ правленіи. Оной составляетъ большую часть подданныхъ, его труды питаютъ Государя и всѣхъ благород-

ныхъ, а кровь онаго искупаетъ безопасность и тишину отечества. Благосостоянїе многихъ тысящей производитъ непремѣнно существенную часть всего Государства, пещись о чемъ, можетъ ли кто усерднѣе и рачительнѣе, какъ не самой же народъ, которой вѣрно всегда щастливымъ быть желаетъ. Весьма легко впротчемъ могутъ большїя взирать равнодушно и съ самымъ даже презрѣнїемъ на простой народъ, да и весьма склонны онѣ притомъ къ тому, чтобъ возлагать на него все бремя Государства, избавляя между тѣмъ самихъ себя отъ онаго. Весьма часто помышляли многїе изъ Государей учинится щастливыми чрезъ увеличиванїе ихъ власти, и то самое находили они нерѣдко въ рабскомъ униженїи своихъ подданныхъ. Неумѣренныя ихъ желанїи къ тщеславїю, склонности къ сладострастїю и угобжающаяся мнимымъ удовольствїемъ суета, повергаютъ ихъ весьма часто въ крайнюю необходимость, изъ коей они единою токмо кровїю и притѣсненїемъ подданныхъ своихъ избавлять себя уповаютъ совершенно.„

„Но прежде нежели народъ будетъ имѣть участїе въ правленїи, долженъ быть оной непремѣнно вольнымъ, коимъ

не

не есть еще вовсе нынѣ Англо-Саксоны, они суть сущїе наемники дворянъ, которые могутъ дѣйствительно отнять у нихъ весь откупъ, и лишить слѣдовательно средствъ, питатся плодами земли и ихъ тяжкою работою. Народъ долженъ обладать достаточнымъ стяжанїемъ и имѣть довольно земли, которую бы оной могъ свободно обработывать. Покуда долженъ будетъ трудится простолюдинъ единственно для прибыли знатнаго, и покамѣстъ плодородїе нивы приумножаетъ славу Графскую, безъ всякаго притомъ обогащенїя земледѣльца, по тѣхъ поръ пребудетъ и крестьянинъ нерадивымъ въ исправленїи недостатковъ земли и въ прїумноженїи плодородїя ея своимъ старанїемъ; онъ не похочетъ трудится въ рытье какихъ либо каналовъ, для отвода вредной воды, не вздумаетъ сѣять никакихъ земляныхъ растенїй на пашнѣ, которая не есть его собственная, сдѣлается скупымъ и корыстолюбивымъ во взаимной заплатѣ земли того, что самъ получалъ онъ отъ оной прежде, и будетъ доволенъ настоящимъ урожаемъ, не мысля о томъ нимало, что поля его учинятся совершенною степью послѣ найма его. Напротивъ того собянинъ, мыслитъ

 и

и печется всегда о будущемъ плодородіи пашенъ своихъ, онъ старается, чтобъ онѣ доставляли въ дряхлости его нужное содержаніе, и чтобъ питали онѣ притомъ какъ дѣтей, такъ и внучатъ его; печется о поправленіи, кое бы могло исправить собственное его состояніе, съ усердіемъ и удовольствіемъ, покушаясь жертвовать настоящимъ истощеніемъ своего имѣнія и трудовъ, дабы, нетолько по нѣсколькихъ лѣтахъ, но и по нѣсколькихъ даже столѣтіяхъ, пашня его болѣе сноповъ и насажденный имъ лѣсъ болѣе тѣни производить могли его потомкамъ.,,

,,Къ доставленіюжъ стежанія быть недвижимымъ имѣніемъ народу, достигаетъ Государь чрезъ отдачу всегда на откупъ казенныхъ своихъ волостей и отобраніе ихъ паки въ казну отъ благородныхъ, въ случаѣ пресѣченія мужескаго оныхъ колѣна; и когда дворяне жалованныя свои деревни продавать будутъ имѣть право, или оныя будутъ раздѣлены по его дѣтямъ, то вскорѣ чрезъ то раздроблены будутъ чрезмѣрно обширныя владѣніи Графовъ на части, и достанутся наконецъ непремѣнно различными образами въ руки рабочія, могущія всегда платить за

то

то знатную плату, что стоитъ имъ не великаго убытка, а приноситъ напротивъ того болѣе доходу, нежели благороднымъ, кои всѣ плоды земледѣлія обыкновенно раздѣлять должны съ своими откупщиками „

„Премудро устроенное правленіе въ Государствѣ, должно непремѣнно препятствовать и тому также, чтобъ никто изъ гражданъ онаго не искалъ защиты у другаго, яко во всемъ себѣ равнаго сотоварища; но самое правленіе токмо, опекунъ онаго, Государь, то есть, и его власть, законъ, напримѣръ, должны одни охранять жизнь, имѣніе и честь каждаго сочлена въ народѣ. Напротивъ того между Англо-Саксонами находится нѣсколько тысящъ такихъ, кои у знатныхъ людей искали, и ищутъ безпрестанно себѣ покровительства противъ нестерпимаго насилія. Сіе нарушеніе Государственнаго права можетъ почестся весьма несноснымъ; каждый гражданинъ не будетъ привязанъ тогда болѣе какъ къ своему отечеству, такъ и его Государю; но прилѣпится безсомнѣнія совершенно къ своему защитнику; отъ него будетъ онъ ожидать всякой себѣ милости, будетъ заслуживать оную своимъ усерднымъ во всемъ повиновеніемъ, и съ

нимъ вкупѣ учинится наконецъ настоящимъ возмутителемъ всеобщего покоя, не потому вовсе, чтобъ Государь притѣснялъ его чемъ, но поелику не смѣетъ онъ отстать отъ того покровителя, отъ защиты коего чаетъ онъ имѣть свою совершенную безопасность.„

„Вѣсы правосудія не слѣдуютъ также вовсе управляемы быть властію благородныхъ; а тѣмъ менѣе довлѣетъ оставлять онымъ преимущество въ наказаніи преступленія, или самомъ пролитіи крови виновнаго, силою законовъ; понеже и самымъ мечемъ правосудія ввергаетъ уже знатной человѣкъ простаго гражданина въ преужасной страхъ, коего все стяжаніе отъ единаго приговора благороднаго и самая даже жизнь отъ произвола онаго можетъ зависить всегда. Слѣдовательно, всѣ силы Государства должны непремѣнно соединены быть единственно съ законоположеніемъ онаго, и никакая другая власть не можетъ потому вмѣстима быть между Государствомъ и народомъ.„

„Но еще менѣе можетъ благоразуміе подтвердить одобрѣніемъ то, чтобъ граждане, или цѣлыя селеніи заключали какіе либо союзы между собою,

и чтобъ весь таковый союзъ принималъ на себя долгъ въ защищеніи правъ каждаго изъ сочленовъ онаго (*). Когда имянитѣйшій сочленъ подобнаго заговора считаетъ себя чемъ либо недовольнымъ, а притомъ еще и безъ всякой причины, можетъ быть, поставляя претерпѣваемую имъ мнимую несправедливость выше, нежели и самое даже спокойствіе всего Государства, то сколь легко не можетъ весь союзъ сей взволноватся тогда, притѣснить беззаконно виновника тому, и возжечь наконецъ чрезъ то междоусобную войну въ Государствѣ? Одно изъ таковыхъ зловредныхъ сонмищъ можетъ свободно соединится съ другимъ, во всемъ себѣ подобнымъ; цѣлыя провинціи могутъ потомъ принять оружіе, и вся Англія можетъ наконецъ учинится совершенною жертвою ихъ неистоваго мщенія. Чего ради, всякую несправедливость долженъ прекращать законъ, а дѣйствіе меча слѣдуетъ зависить отъ единаго токмо Государя.„

Алфредъ внималъ пристально содержаніе достойнаго сего представленія; сей премудрый Государь ощущалъ довольно,

(*) Сіе самое случалось нерѣдко во времяна *Алфреда*.

довольно, что законоположенїе Государства его имѣло не весьма еще истинной соразмѣрѣ во всемъ, и что дворянство въ немъ имѣло слишкомъ много власти, онъ менѣе, а народъ и вовсе былъ безсильнымъ. Но искуство глубокомысленнаго сего Государя, открыло ему, что сїи немощи могли исцѣляемы быть ничуть не жестокими средствами врачеванїя, и что потребны были токмо однѣ продолжительнѣйшїя слѣдствїи кротости къ совершенному поправленїю сего Государства, не подвергая онаго нимало неминуемой какой либо опасности. Онъ поступалъ, слѣдовательно, во всемъ такъ, какъ токмо обстоятельства времяни позволяли ему, и по нѣсколькихъ столѣтїяхъ свершились наконецъ дѣйствительно всѣ желанїи *Амунда* въ настоящемъ ихъ исполненїи. При всемъ томъ однакожъ, учинилъ и онъ съ своей стороны также нѣчто: онъ сдѣлалъ законъ, по которому обязанъ былъ каждый господинъ по прошествїи года давать совершенную свободу своему рабу, которой былъ токмо Христїяниномъ.

„Народъ Англо-Саксонскїй, продолжалъ разсуждать нравоучитель сей, есть нынѣ совершенно вольнымъ, прежнїя онаго узы прерваны уже, вижу я,

вовсе,

вовсе, и теперь то возможно, поистиннѣ, допустить его воспользоватся участїемъ въ правленїи, принадлежащемъ ему безпрепятственно отъ природы; но не своевольное множество однакожъ должно управлять сею частїю власти Государственной. Народу слѣдуетъ непремѣнно, выбравъ достойнѣйшихъ между собою, составить особый верьховный совѣтъ, которой бы съ Королемъ и благородными составлялъ третїю часть власти Государственной и одну изъ всѣхъ сихъ степеней, въ соединенныхъ вкупѣ рукахъ коихъ все Государственное правленїе быть должно. Число сихъ избранныхъ людей должно быть столь велико, чтобъ между немногими одинъ сильной не въ силахъ былъ приобрѣсть отъ многихъ къ себѣ нѣкоего зловреднаго раболѣпствїя, и дабы своеобычный Государь дарами и обольщающими обѣщанїями не могъ обратить на свою сторону большей части избранныхъ мужей отъ народа, такъ какъ и содѣлать преддверїе къ орудїю притѣсненїя, служащаго средствомъ къ освобожденїю его отъ нещастїя въ случаѣ.,,

,,Избираемыя люди, долженствующїя представлять весь народъ въ лицѣ своемъ, должны быть непремѣнно

доста-

достаточными, кои не столь легко отъ достатка доведены бываютъ прикасатся ко взяткамъ, имѣющимъ по себѣ зловредныя слѣдствiи, коихъ бы время къ услугамъ отечеству оставалось свободнымъ отъ низкихъ работъ, и коибъ имѣли притомъ порядочное воспитанiе, содѣлывающее ихъ способными разсуждать знающе о главнѣйшихъ правахъ народа и благосостоянiи всего Государства, и изыскивать притомъ удобнѣйшiя средства, какъ вспомоществовать общественному благу, и какимъ образомъ отвращать постигающее зло въономъ. Сiе прiобрѣтаемое богатство вѣрнѣе всего измѣрить можно по землѣ, которою непремѣнно каждой избранной изъ народа законно управлять долженъ: ибо землю, почитаю я единымъ истиннымъ сокровищемъ для безопаснѣйшего союза, соединяющего каждаго изъ оныхъ съ его отечествомъ. Металлы и прочiя вещи, къ сожитiю необходимѣйшiя, можетъ гражданинъ перенести съ собою и въ другое Государство; но землею, принадлежащею ему, нигдѣ не можетъ уже управлять онъ и нигдѣ пользоватся оною, какъ токмо въ Англiи. Его вотчины будутъ приносить ему достаточной доходъ столь долго, сколь долго

пре-

пребудетъ благополучнымъ Государство. Тишина, порядокъ, правосудіе и премудрыя учрежденіи учинялъ его пашни плодородными и его самаго великимъ; но въ замѣшательствѣ, въ нарушеніи порядка и ущербѣ торговли, такъ какъ неменѣе и въ самомъ злополучіи Государства, пространство плодоносныхъ полей его учинится пустою степью.„

„По описи, коею *Алфредово* попечительное благоразуміе во всемъ Государствѣ благоволило пашнямъ учинить подробнѣйшее исчисленіе, числится всего до двухъ сотъ сорока трехъ тысящъ квадратныхъ сотенныхъ десятинъ земли въ его владѣніи (*). Отъ всего сего числа должны непремѣнно пять сотъ человѣкъ выбраны быть въ верьховной Государственной совѣтъ. Итакъ, тотъ, которой назначенъ къ тому быть долженъ, долженъ избираемъ быть непремѣнно отъ владѣльцевъ,

(*) *Спельманъ* полагаетъ по сту обыкновенныхъ десятинъ мѣрою въ каждую таковую десятину; но у *Литтлетона* считаются онѣ совсемъ иначе: у онаго (Hide) значитъ то, что одна соха можетъ поднять въ цѣлой годъ земли, а у другаго, сколько потребно пространства земли прокормить дворянскую фамилію.

цевъ, пятью стами таковыхъ квадратныхъ сотенныхъ десятинъ управляющими, а притомъ и самъ предлагаемый въ сїе достоинство долженъ по меньшей мѣрѣ владѣть пятью таковымижъ десятинами земли, дабы учинится достойнымъ сего избранїя.„

„А какъ по исчисленїю всего шесть тысящъ тысящей душъ мужеска пола находится въ Государствѣ Аглинскомъ, то всегда приступать слѣдуетъ неменѣе трехъ тысящей человѣкъ къ выбору таковаго предлагаемаго въ сїе достоинство; но и избирающїе притомъ онаго должны быть непремѣнно природными страны той. Слѣдовательно, одинъ токмо владѣлецъ пашни имѣетъ истинную пользу отъ благосостоянїя онаго: ибо тотъ, которой ничего не имѣетъ у себя, не можетъ ни въ какомъ замѣшательствѣ, или безпорядкѣ, и потерять ничего, онъ же можетъ притомъ и обольщенъ быть весьма легко за маловажные подарки, и за единое токмо исполненїе его мысленныхъ прихотей допустить довести себя представить такимъ отечеству своему, которой не имѣетъ ни охоты, ниже способности исполнять важнѣйшїя должности, на него возложенныя. Яжъ нахожу напротивъ того, что шес-

шеснадцать токмо квадратныхъ обыкновенныхъ десятинъ земли, полагая на каждаго земледѣльца, довольно уже достаточны сдѣлать дѣйствительнымъ голосъ онаго къ избранїю предлагаемаго отъ народа въ сїе достоинство.„

„Ежегодно долженъ Король собирать по снятїи земныхъ плодовъ всѣхъ дворянъ и сихъ избранныхъ изъ простаго народа. Симъ послѣднимъ, въ лицѣ коихъ заключается весь народъ, должны предлагаемы быть различныя необходимости, касающїяся до правительства: ибо, тяжкая и продолжительная война, или содержанїе морской силы, не могутъ никакъ снабдены быть довольно однѣми казенными Королевскими волостями; да и самому Государству безполезно бы было то весьма, когда бы оныя распространены были столь много. Онѣ имѣютъ впротчемъ тотъ только недостатокъ, что не составляютъ сущей того собины, которой сооружаетъ ихъ, и что не могутъ, слѣдовательно, никогда надѣится за все ихъ усердїе приобрѣсть себѣ совершеннаго удовлетворенїя, кое обыкновенно самолюбїе владѣльца удѣляетъ собственному его владѣнїю. Но самовластно исключать съ Королевскихъ доходовъ сборы изъ гене-

ральной Государственной подати, было бы тожЪ самое, чтобЪ приносить вЪ жертву все стяжанїе народа однѢмЪ прихотямЪ Государя. Ожидать же отЪ чивости благородныхЪ доброхотныхЪ ихЪ услугЪ, была бы всегда непостоянная и ненадежная помощь, чрезЪ кою бы власть большихЪ тѢмЪ сильнѢе усугубилась, а Королевская умалилась непремѢнно. НапротивЪ того, главнѢйшее попеченїе о подробнѢйшемЪ раздѢленїи бремяни и о полезнѢйшемЪ употребленїи возложеннаго оклада на подданныхЪ, не можно ни отЪ кого ожидать лучше, какЪ не отЪ тѢхЪ самыхЪ, на коихЪ возложенЪ будетЪ сборЪ подати. ИтакЪ, избранныя отЪ народа люди не преминутЪ утвердить потому самому требованїи Государя, и обложатЪ по необходимости требуемую сумму на всѢ Государственныя стяжанїи такЪ, чтобЪ мѢра плодородной земли составляла паки весь размѢрЪ приращенїя.„ Но *Амундъ* не могЪ конечно предЪузнать того, что необходимости Государства безконечно будутЪ увеличиватся часЪ отЪ часу, и что цѢлыя тысящи богатыхЪ согражданЪ возрастутЪ наконецЪ, коихЪ сокровища не вЪ вотчинахЪ, но единственно вЪ мореходныхЪ судахЪ, различныхЪ дорогихЪ

товарахЪ,

товарахъ, выработываемой шерсти и самой торговлѣ состоять будутъ непремѣнно; такъ что въ теченіе послѣдующихъ времянъ узаконено было, сверьхъ обыкновенной подати съ земли, возлагать сборы на различные образы великолѣпія и излишества, отягощать привозъ разныхъ товаровъ великими пошлинами, и содержать нарочно множество служителей къ усугубленію со всего того Государственнаго дохода.

„Согласіе благородныхъ при сборѣ податей сихъ, продолжалъ разсуждать ревностный поборникъ истинны, должно также непремѣнно принято быть во уваженіе: ибо и они суть тѣже граждане, тѣжъ самые владѣтели земли и такіежъ подданные, кои должны помогать нести всю тяжесть бремя, требуемаго необходимостію всего Государства. Но ихъ единое токмо согласіе или противоречіе въ томъ потребно къ тому; распоряженіежъ всему тому должно вовсе зависить отъ народа, коему бремя при всемъ томъ гораздо тягчае будетъ, потому что оное у большихъ людей до единаго только излишества касается, а у простыхъ всѣ способы и самую даже необходимость притѣсняетъ сильно. Весьма легко пришло бы на мысль дворянамъ, думаю я, бремя

сїе отщетивъ отъ себя, возложить на простой народъ, естьлибъ оное при учрежденїи податей имѣло токмо хотя нѣкоторую власть.„

„Итакъ, никакїя волости не могутъ по симъ причинамъ освобождены быть отъ сей общественной и всегдашней дани. Самыя монастырскїя вотчины должны также равно подвержены быть игу, служащему къ подкрѣпленїю Государства: ибо и оныхъ состоянїе зависитъ единственно отъ благосостоянїя Государства; но естьлибъ онѣ оставались отъ того совершенно свободными, тобъ прочїе граждане погрузли непремѣнно подъ несноснымъ бремянемъ; понеже сонмище духовныхъ есть сущая гортань, которая, глотая все безпрестанно, ничего не возвращаетъ изъ себя уже паки. *Алфредъ*, покоряющїйся закону, а въ угожденїе оному и пастырей его чтящїй чрезмѣрно, проститъ великодушно, надѣюсь, суровую справедливость въ томъ Сѣвернаго жителя. Самыя его вотчины, вотчины, казнѣ принадлежащїя, говорю, должны также уступать съ своихъ доходовъ положенной окладъ учрежденной въ Государствѣ подати; потому что и Король почерпаетъ изъ оныхъ нужныя

ныя средства удовлетворять свои необходимости.,,

Алфредъ преданъ былъ совершенно впротчемъ церькви; онъ вперилъ въ себя, будучи еще въ Римѣ, благочестïе къ Гïерархïи, чемъ обязанъ онъ былъ дѣйствительно безпримѣрной добродѣтели *Льва*, Папы Римскаго. Любовь онаго къ наукамъ влекла его безпрестанно къ дружескому обращенïю съ священнымъ саномъ и монахами, въ коихъ однихъ токмо пребывали тогда еще нѣкоторые слѣды древней учености. Притомъ и народы не были также предупреждены еще злоупотребленïемъ, сколь вредно было порабощенïе оныхъ духовенству для ихъ свободы: оное было совершенно самопроизвольное, и здравомыслящïя полагали то истинною, что онѣ почитаютъ тѣмъ самымъ и самаго всемïрнаго Создателя, когда чтятъ его служителей. Чего ради, не преминула удивить чрезмѣрно речь *Амундова* и благоговейнаго *Алфреда* при семъ случаѣ, не произведя нималѣйшаго въ немъ въ разсужденïи того уваженïя; по тому болѣе, думать должно, что онъ приписывалъ сïе весьма вольнымъ мыслямъ многихъ слабовѣрующихъ народовъ, между коими *Амундъ* жилъ долго.

Между тѣмъ продолжалъ *Амундъ* разговоръ свой паки слѣдующимъ образомъ: „Образъ всеобщей подати, говорилъ онъ, долженъ непремѣнно опредѣлять всѣ необходимости Государства, размѣръ коей положилъ бы я во время мира на десятую долю годовыхъ доходовъ, а во времяна войны на пятую токмо. Всеобщаяжъ опись земель, содѣланная премудрымъ попеченїемъ великаго *Алфреда*, учинила какъ сборъ, такъ и самое въ ономъ исчисленїе весьма не труднымъ.„

„Другое, слѣдующее за тѣмъ упражненїе избранныхъ людей со стороны народа, составляютъ Государственные законы: они суть во всякое время настоящїя оковы, препятствующїя естественной свободѣ человѣка и обезсиливающїя весьма оную; гражданинъ долженъ носить на себѣ оковы сїи потому, что малѣйшая часть уступленной имъ добровольно свободы его отечеству своему составляетъ всю его безопасность противъ всѣхъ ухищренїй коварныхъ согражданъ онаго, и потому притомъ, что всѣ вообще законы согласуютъ вкупѣ въ неопровергаемомъ ничемъ порядкѣ, дабы щастїе каждаго гражданина утверждено и усугублено быть могло совершенно. Напротивъ того

воль-

вольностїю пользующейся НѣмецЪ не допускаетЪ чрезЪ другихЪ обуздывать себя охотно, а полагается вЪ томЪ на одного токмо себя, что не уступитЪ онЪ ничего болѣе отЪ его свободы, кромѣ того, что только требуетЪ общественное благо. ХотяжЪ законы и могутЪ быть впротчемЪ опровергаемы, какЪ со стороны благородныхЪ, такЪ и всего народа, но они должны притомЪ всегда имѣть соизволенїе на то обоихЪ степеней, такЪ какЪ и самое подтвержденїе Государя неменѣе. НѣтЪ ничего труднѣе, поистиннѣ, какЪ составлять законы вЪ Государствѣ, поелику долженствуютЪ они преподавать равно всегда справедливое правило для безконечно различныхЪ случаевЪ, изЪ коихЪ большая часть людей весьма токмо малые предвидятЪ обыкновенно; по чему самому требуютЪ оные величайшаго разсматриванїя, не должны быть прїемлемы вЪ самой скорости, и долженствуютЪ предоставляемы быть по меньшей мѣрѣ при многихЪ случаяхЪ на нѣкоторое время подробному изслѣдованїю. *АлфредЪ* хотя и предписалЪ премудрые законы СаксонамЪ своимЪ; но предвидущїя времяна рождаютЪ нерѣдко новыя необходимости, и принуждаютЪ кЪ положенїю новыхЪ предѣловЪ. А какЪ законы обыкновенно

составляемы бываютъ продолжительно, то и уничтожаемымъ имъ быть не слѣдуетъ также поспѣшно; такъ что *Амундъ* присовѣтовалъ бы конечно съ своей стороны, чтобъ оные составляемы были всегда по множеству голосовъ, а уничтожались неменѣе какъ двумя токмо третями изъ оныхъ: ибо, ничто не опровергаетъ сильнѣе власти законовъ, какъ то самое, когда они подвержены бываютъ частой перемѣнѣ. Законодавецъ, отвергающїй прежнїй какой либо законъ, утверждаетъ непремѣнно предъ народомъ, что оной былъ безполезенъ по такимъ то и такимъ то причинамъ; но подозрѣнїе заблужденїя падаетъ съ равноюжъ силою и на вновь учреждаемой законъ, издаваемый имъ потомъ: понеже человѣкъ можетъ и нынѣ ошибится также, когда учинилъ онъ тожъ самое вчера. Но нестолько однакожъ наказанїи придаютъ силу законамъ, сколько каждаго внутренное обличенїе, потому что оное полезно и для того самаго, коего они связываютъ.,,

,,При всемъ томъ однакожъ, потребны непремѣнно иногда и наказанїи. Человѣческое самолюбїе побуждаетъ каждаго къ исполненїю его желанїй на самомъ дѣлѣ, кои весьма противны обще-

общественному благу. Итакъ, противъ сего самолюбія должно, слѣдовательно, вооружить самую собственную пользу человѣка, и гражданинъ долженъ совершенно удостовѣренъ быть въ томъ, что исполненіе его удовольствія учинитъ его конечно нещастнымъ впредь. Почему наказаніи хотя и умѣренными быть должны, но притомъ непремѣнными; понеже въ томъ то и состоитъ все благоразуміе законодателя, чтобъ виновный не могъ никогда избѣжать достойнаго возмездія отъ правосудія; когдажъ удастся достигнуть того совершенно премудрому законодавцу, то несравненно съ меньшимъ страданіемъ виновныхъ минуются гораздо и вины оныхъ."

"Къ народному избранію принадлежитъ впротчемъ полная во всемъ свобода, всѣ преимущества и позволеніи. Государь можетъ легко допустить довести себя чрезъ различныя хитрыя представленіи и чрезъ предложеніе любимаго имъ посредника къ преподаянію правъ, могущихъ служить во вредъ протчимъ гражданамъ; но когда каждая страна, каждой удѣлъ Государства имѣть будетъ при общемъ собраніи своего предстателя, то не безъ труда произойти можетъ то, чтобъ гражданинъ, какое либо селеніе,

или и самый даже городъ ко вреду другихъ, подобныхъ ему во всемъ, получилъ нѣкое уваженіе предъ протчими.„

„Всѣ общественныя дѣла, касающіяся до Государства, должны быть также подвержены подробному народному изслѣдованію. Хотя Государю и предоставлено неоспоримое право въ заключеніи мира и объявленіи войны; но какъ послѣднее изъ сихъ двухъ опредѣленій навлекаетъ безмѣрное на народъ бремя, да и при самомъ утвержденіи согласія, полезнѣйшее для Государства неменѣе также съ здравыми намѣреніями слѣдуетъ быть разсматривано; то премудрый Государь не преминетъ конечно совѣтовать по внушенію собственнаго его благоразумія о подобныхъ важныхъ предпріятіяхъ съ верьховнымъ совѣтомъ своего народа. Но когдабъ и министры Государственные пренебрегли нѣкогда сію умѣренность, то народное избраніе имѣетъ при всемъ томъ врожденное право, хотя не съ тѣмъ, чтобъ предписывать Государю предписаніи, но дабы размѣрять основаніи онаго, открывать оному свои мнѣніи, и доказывать слѣдствіи, имѣющія произойти отъ вышеупомянутыхъ намѣреній Двора Государскаго.

скаго. Посредствомъ сего замѣчанія, можетъ народъ наблюдать всегда за Государевыми совѣтниками, чрезъ что никогда не дерзнутъ оные совѣтывать явно о дѣлахъ противныхъ общей пользѣ, и никогда, говорю, не отважатся помогать въ предпріятіяхъ, ощутительно вредныхъ сему Государству: ибо, ненависть всего народа гораздо сильнѣе самаго сильнѣйшего между большими людьми. Самою природою утверждается сіе даже, что противъ всякихъ зловредныхъ правилъ правленія, а особливо противъ безразсудныхъ или неистовыхъ совѣтовъ ласкателей, народъ можетъ свободно дѣлать съ своей стороны возраженіи, такъ какъ противъ того, отъ чего весь народъ имѣетъ быть подверженъ нещастію; да и сколь небезразсуденъ, думаю я, долженъ быть таковой Государь, которой бы отрекся нѣкогда выслушать представленіе столь полезное для всего своего народа!,,

,,Итакъ, о всемъ, слѣдовательно, можетъ разсуждать и располагать сіе имянитое собраніе, и никакая власть не въ силахъ чинить малѣйшаго сопротивленія послѣднему изъ вышеупомянутыхъ избранныхъ отъ народа, свободно предлагать то, что оной помышляетъ

мышляетъ касающагося токмо до общественной пользы. Гласъ истинны долженъ возносится безъ всякаго препятствія, и самыя несправедливыя доказательства ложныхъ заключеній долженствуютъ быть предлагаемы безъ зазрѣнія: ибо, когда ложъ каковаго либо мнѣнія воспрепятствовала бы онымъ быть открытыми, тогдабъ сильныя принудили весьма скоро каждое предложеніе слабыхъ ко всегдашнему молчанію, потому что онѣ признали бы оное неосновательнымъ. Зловредные совѣты дерзскаго невѣжества не продерутся безсомнѣнія и безъ того свободно въ собраніи, кое сильной народъ составилъ изъ своихъ знаменитѣйшихъ людей; но естьлибъ и одержали нѣкогда благосклонность всего общества совѣты безразсудные, то между благородными находится завсегда еще нѣкое равновѣсіе, безъ коего никакая власть простолюдиновъ никакъ не можетъ достигнуть къ своему исполненію; а когдабъ и благородныя также должны были нѣкогда слѣдовать слѣдамъ простаго народа, то остается Государю верьховнѣйшая власть въ совершенномъ опроверженіи того, что онъ почитаетъ противнымъ общему благосостоянію своего Государства.„

Ал-

Алфредъ не слыхивалъ впротчемъ никогда еще о подобныхъ собраніяхъ, гдѣбъ и народъ принималъ также равное участіе въ Государственномъ правленіи: его понятіе въ разсужденіи раздѣленія власти простиралось токмо до однихъ его болярь, съ коими всегдашнее его обращеніе познакомило онаго довольно. Итакъ, удивляло его немало при семъ случаѣ сильнѣйшее участіе въ правленіи, которое старался приписывать простому народу прибывшій къ нему съ Сѣвера другъ его. Сего ради, учинилъ онъ ему на то паки новое предложеніе: „*Амундъ*, говорилъ онъ, добродѣтеленъ и разуменъ, познаніе множайшихъ странъ свѣта и притомъ различныхъ народовъ изострило разумъ его во многомъ, безспорно, знаю я, и таковое общество подобныхъ мужей, каковымъ есть другъ мой, учинило бы вскорѣ безсомнѣнія народъ преимущественнѣйшимъ изъ всѣхъ протчихъ, на всемъ земномъ шарѣ обитаемыхъ; но увѣренъ ли полно въ томъ *Амундъ* совершенно, чтобъ несмысленныя простыя люди могли выбрать таковыхъ мужей, хотя бы оные и не вовсе были столь рѣдкія дарованіи всесильнаго Провидѣнія? Сколь часто не будетъ наружная пріятность, благородное происхожденіе, под-

подражаемый обычай въ содѣянїи различныхъ милостей и самыя величайшїя, но отъ честолюбїя единственно происходящїя дѣла, прельщать народъ въ избранїи такихъ людей, кои болѣе себя самихъ, нежели все отечество прославлять старатся будутъ!„

„Не обольститъ ли самое честолюбїе избранныхъ сихъ народъ, учинить столь свободно расширяющїяся предразсужденїи въономъ настоящимъ орудїемъ собственной ихъ власти? Не признаютъ ли они воли, воли безразсудной простолюдиновъ, себѣ за правило, дабы обратить чрезъ то тѣмъ болѣе къ себѣ сердца ихъ собратїй? Не составится ли такимъ образомъ тажъ самая высочайшая власть народа, каковую *Амундъ* самъ опровергалъ прежде, и коя наинесноснѣйшая есть изъ всѣхъ родовъ тираннїи? Чемъ отвратитъ *Амундъ* тогда, говорю, то, чтобъ граждане сотни, чтобъ простолюдины Графства, таковому избранному, которой въ лицѣ своемъ представляетъ всѣхъ оныхъ, не предписывали бы каковаго узаконенїя, кое исполнять онъ непремѣнно долженъ? И гдѣ найти будетъ тогда вѣрнаго гражданина, которой бы вознамѣрился воспротивится безразсудной воли обо-

льщеннаго

льщеннаго чемъ либо его народа и промѣнять свое почтенїе и славу на внутренное токмо ощущенїе, хвалясь тѣмъ единственно, что онъ предпочелъ пользу общую своей собственной?,,

,,Не захотятъ ли безпрестанно увеличивать несмысленныя простыя люди своей власти, не мысля о томъ нимало, что онѣ уничтожатъ тѣмъ все равновѣсїе Государства, когда умаляттъ участїе, принадлежащее благороднымъ и Государю въ управленїи Государствомъ? Не жадничалъ ли народъ Римскїй, отвѣдавъ нѣкогда сладость вольности, о власти? Переставалъ ли оной когда возносить себя предъ благородными? Не почиталъ ли оной своихъ Трибуновъ главою надъ Консулами и самыми даже Диктаторами? Дѣловали ли когда что Трибуны такое, что бы не умножало ихъ собственной силы и власти народной, и не останавливали ли они даже въ трїумфѣ влекомую колесницу побѣдителя, когда оный бывалъ токмо ненавистнаго имъ рода? Не повергнулъ ли гласъ честолюбивыхъ Трибуновъ Республику на край ужаснѣйшей погибели, отъ коей дѣтское подобострастїе *Корїолана* единственно избавило оную? Не отлучили ли

тогда

тогда гнусные льстецы народные, подъ видомъ неспособности управлять Государствомъ, отъ верьховной власти того, которой тщился препровождать оную къ истинной славѣ? Не повторяла ли жестокая народная зависть сей ненависти противъ всеобщей пользы надъ *Сципїономъ* и *Туллїемъ*? Былъ ли народъ праводушенъ тогда, когда Сенатъ преимуществовалъ еще своимъ великодушїемъ? Не присвоилъ ли себѣ оной плодородныя поля при Ардеи безъ всякаго на то права, и не помрачилъ ли тѣмъ всей славы правосудїя, кое благородныя утверждать тогда старались всячески?,,

„Избранный мужъ, сказалъ на то *Амундъ*, засѣдающїй въ верьховномъ совѣтѣ народа, не есть болѣе рабъ маловажнаго мѣстечка: онъ составляетъ совершенно судїю цѣлаго Государства; не о малѣйшихъ выгодахъ нѣкоторыхъ семей только имѣетъ помышлять онъ тогда, но о важнѣйшихъ лишь дѣлахъ единственно сильнаго Государства и благосостоянїя своего отечества пещись долженъ. Онъ имѣетъ случай предвидѣть всѣ основанїи къ здравымъ заключенїямъ; имъ долженъ повиноватся онъ, когда онѣ откроются ему и удостовѣрятъ его, а не пустому

крику нѣсколькихъ его земляковъ, кои о дѣлахъ имѣютъ малѣйшее только понятїе и то по необстоятельной вовсе молвѣ токмо. Никакъ не можетъ ни о чемъ судить тотъ, а тѣмъ менѣе еще повелѣвать, которой не размѣривалъ никогда основанїя чему либо съ противоположеннымъ оному веществомъ, и которой не сравнивалъ еще съ обѣщеваемыми ему выгодами всѣхъ неспособностей слѣдствїй. Слѣдовательно, никогда не должны предразсужденїи единыхъ малыхъ селенїй препятствовать избраннымъ изъ народа пещись о Государственной пользѣ въ большихъ, во всемъ впротчемъ подобныхъ онымъ.„

„Безсомнѣнїя будутъ всегда въ вольномъ народѣ недовольныя, и всегда останутся многїе безпокойными гражданами, кои станутъ презирать добро; потому что оное по мнѣнїю ихъ не есть еще лучшее. Общее предразсужденїе, овладѣвъ народомъ, можетъ наподобїе ярящегося вихря нести судно прямо на камень, и когда весь народъ будетъ единожди обольщенъ чемъ либо, тогда никакое Государственное учрежденїе не въ силахъ уже противоборствовать ужаснѣйшему бедствїю: наиопаснѣйшїй Самодержецъ посреди тысящей тѣлохранителей не могъ въ Римѣ,

 ни

ни въ Сарацинскомъ Государствѣ, ниже у самыхъ миролюбивыхъ Серянъ, противостоять общему негодованію; таковой будетъ подверженъ по тому то самому тѣмъ болѣе страшнымъ безпокойствіямъ, что безпредѣльная власть онаго обольщаетъ его чаще чинить стремленіе на общественную пользу, нежели такого Государя, коего власть имѣетъ свои предѣлы. Ему будутъ служить въ теченіи дерзскихъ его предпріятій сильною препоною законы, благородныя и избранныя отъ народа потудова, покуда не проступится уже онъ въ чемъ либо столь много, что весь народъ соединится противъ онаго всѣми силами.„

„Прибытокъ единаго Графства и небольшія выгоды какого либо малаго селенія пребываютъ обыкновенно чрезъ домогающіяся корысти въ настоящемъ равновѣсіи съ прочими Графствами сосѣдственнаго Государства. Когда Государь не огорчаетъ ничемъ народъ весь, то найдетъ онъ всегда благосклонныхъ къ себѣ между людьми разумными, кои знаютъ цѣнить довольно, что сноснѣе для всего Государства, нѣкоторые ли малые недостатки въ Государѣ, или опроверженіе власти перьвѣйшихъ сочленовъ Государства, навлекутъ по себѣ вреда болѣе

оному. Сверьхъ того, благородныя нескоро согласятся уступить излишную власть народу, противъ коей конечно исчезнутъ всѣ ихъ преимущества; онѣ противоположатъ непремѣнно народному воплю внушенїе, преподаваемое имъ ихъ богатствомъ, ихъ тщеславїемъ и самымъ ихъ предразсужденїемъ. Когдажъ возмутительные риторы будутъ старатся возжигать всячески народъ къ зловреднымъ намѣренїямъ, тогда и самая зависть не оставитъ вооружить протчихъ сочленовъ верьховнаго народнаго совѣта совершеннымъ краснорѣчїемъ, кое отъ настоящей истинны получитъ непремѣнно ничемъ непреодолимую тяжесть; понеже въ заблуждающихся понятїяхъ съ трудомъ будетъ согласенъ когда либо весь народъ, для того, что одна истинна можетъ все обличить и опровергнуть совершенно.„

„Итакъ, утверждаясь на сихъ твердыхъ основанїяхъ, надѣюсь я, что предразсужденїи цѣлаго множества хотя и будутъ служить, можетъ быть, немалымъ огорченїемъ Государю, а притомъ воспрепятствуютъ иногда полезнѣйшимъ предпрїятїямъ, и низвергнутъ, статся можетъ, перьваго министра въ Государствѣ въ бездну злощастїя; но

поколебать престолЪ однакожЪ будетЪ безсиленЪ вопль сей безчисленной толпы народа тогда, когда Государь не помрачилЪ ничемЪ всеобщаго кЪ себѢ почтенія чрезЪ дѢйствительныя и сильныя стремленіи вЪ похищеніи народной вольности: ибо, негодованіе несправедливо недовольныхЪ есть совершенная неблагодарность противЪ добраго Государя. Но и того еще опаснѢе бы было, чтобЪ желать притѢснять гласЪ всего народа; поелику оной есть настоящій путь, которой истинна имѢетЪ всегда отверстымЪ кЪ престолу, и предохраняющій гласЪ высочайшаго Провиденія, напоминающій безпрестанно Государю не стремится подвизатся далѢе вЪ худо предпріемлемыхЪ имЪ намѢреніяхЪ.„

„ТакимЪ то образомЪ, думаетЪ *Амугд*Ъ, раздѢлено было, по древнему Государственному законоположенію КелтовЪ, правленіе между ГосударемЪ, благородными и простымЪ народомЪ, что самѣе хотя и не заключаетЪ вЪ себѢ, можетЪ быть, полнаго совершенства безпредѢльной власти Государя преизящныхЪ качествЪ, но прекращаетЪ однакожЪ притомЪ вовсе почти случаи, при коихЪ бы оный покусится вздумалЪ на особливо нѢчто вредное подданнымЪ его. РодЪ правле-

правленія сего имѣетъ, статся можетъ, менѣе силы предъ протчими, потому что власть имѣющіе сочлены Государства стремятся обыкновенно къ произведенію разнообразныхъ распоряженій въ ономъ; но оной удостовѣряетъ притомъ свободу гражданина и многолѣтіе всего Государства: ибо, никакое другое законоположеніе не привязываетъ столь крѣпко народа къ правленію, окромѣ сего вышеупомянутаго мною, въ коемъ все общество Государства само собою управляетъ всемъ.,,

,,Въ Государствѣ Келтовъ имѣетъ каждой гражданинъ, такой гражданинъ, говорю, которой есть природнымъ онаго и всемъ своимъ стежаніемъ присовокупленнымъ къ общественной пользѣ народа своего, участіе въ законно преподаваемой власти: тамъ не происходитъ ничего безъ согласія тѣхъ, кои изображаютъ оную; онъ самъ избираетъ того, которой представлялъ его самаго прежде, и есть самъ начальникъ избранію законодателя; потому что народъ самъ выбираетъ тѣхъ, въ рукахъ коихъ вся власть находится. Сіе право избранія доставляетъ каждому гражданину достоинство, кое благородный самъ признавать обязанъ, понеже ненависть всего

общества отлучаетъ его отъ правленія. Каждой домъ гражданина есть сущій замокъ, охраняемый безпрестанно законами, въ которой и самая даже Государская власть не въ силахъ ворватся, покуда не отверзитъ двери въ оной правосудіе. Подобное сему отечество, гдѣ все стежаніе каждаго гражданина почитается освященнымъ, гдѣ каждой гражданинъ избирать своего законодателя имѣетъ неоспоримое право, долженъ необходимо любить каждой, и любить притомъ преимущественнѣе предъ всѣми протчими смертными, коихъ Государство нетокмо свободу гражданъ, но ниже самое ихъ имущество не дѣлаетъ безопаснымъ, и гдѣ вся власть въ такихъ рукахъ находится, на кои народъ никогда никакъ полагатся не можетъ. Съ трудомъ найдутъ, надѣюсь, въ такомъ Государствѣ внѣшніе непріятели какой либо успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ: ибо, явныя жалобы благополучно пребывающихъ гражданъ превратятся скоро въ совокупной военной вопль тогда, когда нѣкая посторонняя сила коснется токмо таковаго Государства, порабощеніе коего для каждаго гражданина будетъ непремѣнною погибелью.„

Ал-

Алфредъ улыбался скромнымъ образомъ при семъ случаѣ, слушая таковыя разсужденіи. „*Амундъ* раздѣляетъ власть въ народѣ съ столь кроткимъ духомъ, вижу я, сказалъ онъ потомъ, что не оставилъ онъ нетокмо что либо благороднымъ изъ оной, но ниже и самаго Государя не удѣлилъ ничемъ; а притомъ и власть, подобная впротчемъ совершенно вертящемуся безпрестанно колесу всѣхъ вообще упражненій, не можетъ дѣйствовать ни съ надлежащею скоростію, ни съ пользою, ниже съ самымъ удостовѣреніемъ, когда другая равная ей власть возможетъ удержать обращеніе его единымъ токмо перстомъ и остановить чрезъ то самое настоящій ходъ всѣхъ упражненій. Непріятель, напримѣръ, когда вызываетъ противныхъ ему на брань, когда оскорбляетъ честь Величества, когда предприемлетъ завоеваніи, чрезъ кои повергается въ опасность вся Англія, и когда притѣсняетъ совершенно союзниковъ оной; то какое иное остается средство, кромѣ единой войны, къ удержанію таковаго насилія? Но народъ, снабдя Государя на одинъ токмо годъ вспомоществующею къ тому суммою, можетъ на будущей годъ лишить его того вовсе. Когдажъ случится по чему либо

 под-

подпасть ему ненависти онаго, то не начнетъ ли принуждать его народъ въ то время къ исполненію беззаконнѣйшихъ требованій, или не обезоружитъ ли все Государство, учиня оное совершенною добычею его злодѣямъ? Я заключилъ бы, положимъ, союзъ съ Пиктами, обѣщалъ бы имъ учинить вспоможеніе деньгами противъ безпокойныхъ ихъ сосѣдей, и они не отреклись бы помогать мнѣ взаимно во всемъ усерднымъ образомъ; но одинъ изъ риторовъ, злословля сихъ Пиктовъ, помрачилъ бы оныхъ предъ народомъ со всею ихъ помощію, и оной отказалъ бы мнѣ потомъ въ деньгахъ, не смотря на то, что уговорилъ бы я весьма полезныхъ мнѣ союзниковъ жертвовать своею кровію, дабы соблюсти чрезъ то нѣкоторымъ образомъ кровь Саксоновъ. Тогда презрѣнные тѣмъ союзники сіи, не преминутъ конечно учинится чрезъ то моими врагами, и весь вредъ сей произойдетъ единственно отъ понравившагося представленія любимаго всѣми таковаго избраннаго народомъ, надѣюсь.„

„Возраженіе сіе, отвѣтствовалъ на то *Амундъ*, весьма трудно опровергнуть мнѣ. Чего страшится нынѣ благоразумный *Алфредъ*, то можетъ легко воспослѣдовать въ самомъ дѣйствіи;

ствіи; я скажу и того еще болѣе, оно учинится непремѣнно, можетъ быть, потому что сіе проистекаетъ изъ человѣческой природы. Подобно сему противились недовольные Римляне сражатся за своихъ Консуловъ, и равнымъ же образомъ дрались они охотно, не желая уступить тріумфа *Аппію*; но попеченіе *Алфреда* есть совершенно одно изъ слѣдствій вольности, когда не будетъ оно руководствуемо премудростію.„

„Единаго токмо средства не достаетъ къ тому, кажется мнѣ, продолжалъ разсуждать разумный мужъ сей, то есть, естьлибъ избранные сіи не каждой годъ избираемы были, и когдабъ они не менѣе семи лѣтъ оставались непремѣнными въ семъ достоинствѣ. Но на одинъ годъ токмо выбирать оныхъ, считаю я и самъ весьма безполезнымъ то: они будутъ конечно притѣснены сильно въ рукахъ цѣлаго общества, отъ чего бы имъ совершенно свободнымъ быть слѣдовало: сверьхъ того, частое таковое избраніе въ Государствѣ составляетъ немалой трудъ съ потерѣю многаго времяни, что не часто повторяемо быть слѣдуетъ, когда народъ въ прилѣжаніи, трудахъ и особливомъ порядкѣ пребывать безпрестанно долженъ. Будежъ

власть избранныхъ сихъ народныхъ ходатаевъ утверждена будетъ на продолжительное время, то самые сіи непремѣнные мужья въ случаѣ послѣдованія войны не уничтожатъ, чаятельно, плодовъ раченія перьвыхъ ихъ лѣтъ, избѣгая подвергнуть себя народному мщенію, сколь ни слѣпо бы впрочемъ подражали они воли ихъ Государя; а притомъ и ненавидѣть тѣхъ не престали бы они конечно, чрезъ самонравіе коихъ принесены въ жертву благополучіе и безопасность Государственная. Союзникъ Англіи возъимѣетъ также надлежащую довѣренность къ оной, коей правленіе утверждено на продолжительное время: ибо, чѣмъ чаще происходятъ въ Государствѣ новыя избраніи въ достоинствахъ, тѣмъ скорѣе приближается къ разрушенію учрежденіе правленія народнаго; но чѣмъ долѣе пребываетъ верьховный совѣтъ непремѣннымъ, тѣмъ менѣе приобрѣтаетъ силы все общество въ Государствѣ.„

„Долговремянность сія происходитъ, можетъ быть, токмо отъ одной выдумки, чрезъ кою въ теченіе предъидущихъ столѣтій учрежденіи правленія уничтожаемы, или возобновляемы быть могутъ, соображаясь съ сильнымъ противоборствіемъ онымъ, или скорымъ ихъ уничтоженіемъ.„

„Но

„Но ни въ какой человѣческой премудрости впрочемъ не находится средства, кое бы могло исцѣлять весь вредъ, кое бы имѣло силу препятствовать вдругъ всѣмъ отрослямъ вольности, и кое бы могло при всемъ томъ преподавать Государю силу, служащую къ притѣсненїю народа. Не смотря однакожъ на то, думаю я, что Государь чрезъ самую тужъ опасность, коей бываетъ подверженъ онъ, лишась любви своего народа, будетъ доведенъ до крайней необходимости къ прїуготовленїю себя посредствомъ благоразумїя управлять такъ Скипетромъ, чтобъ не притѣснять имъ никогда гражданъ, и чтобъ и самому ему также не былъ въ тягость оной. Государь, одаренный достоинствами, приобыкнетъ съ начальныхъ времянъ своего царствованїя ко всѣмъ затрудненїямъ завистными подданными окруженнаго правленїя, и научится поступать такъ, чтобъ разумнѣйшая и лучшая часть народа его оставалась ему навсегда преданною: однимъ словомъ, ему нечего будетъ опасатся тогда со стороны своихъ подданныхъ, когда приложитъ онъ всевозможное старанїе въ уподобленїи себя во всемъ великому *Алфреду*.„

Не

Не безъ прискорбія между тѣмъ слушелъ Государь Англо-Саксоновъ важныя сіи предложеніи, чинимыя ему искуснымъ въ познаніяхъ *Амундомъ*. „Не совсемъ еще въ состояніи, сказалъ премудрый Государь сей, народъ мой управлять самъ собою. Но въ теченіе просвѣщеннѣйшихъ столѣтій учинится оной достойнѣе, статся можетъ, къ совокупному управленію властію Государства. Мнѣжъ, напротивъ того, остается токмо пещись возжечь ему свѣщу наукъ, и открыть всю красоту премудрости и добродѣтели, а притомъ и самыя пути, препровождающія къ небеснымъ симъ дщерямъ. Итакъ, сколь долго имѣю я владычествовать вкупѣ со властію, оставленною мнѣ предками моими въ наслѣдство, столь долго продлится пусть мое неусыпное стараніе въ отраженіи всякаго сомнѣнія отъ ввѣреннаго мнѣ всевысочайшимъ Провиденіемъ паства, видя толико власти въ рукахъ моихъ.„

АЛФРЕДЪ.

КНИГА V.

Содержащая въ себѣ повѣствованіе

О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ ОѲАРА, СѢВЕРНОЙ СТРАНЫ ЖИТЕЛЯ.

На отдаленнѣйшемъ краю Галголандіи, а въ Полунощной части Нордманнландіи, жилъ нѣкій достаточный дворянинъ, коему имя было *Оѳаръ*. Онъ имѣя у себя до шести сотъ такъ называемыхъ сайгачей (*), въ такой странѣ, гдѣ всякой скотъ, а особливо рогатой, весьма считался рѣдкимъ животнымъ, оралъ и угобжалъ землю собственными своими лошадьми и валами. Сверьхъ того, упражнялся онъ много въ чтеніи; его духъ восхищенъ былъ различными повѣствованіями путешествовавшихъ, кои обогатили разумъ свой совсемъ новѣйшими истиннами наиотдаленнѣйшихъ странъ, и кои, сравнивая нравы согражданъ своихъ со нравами чужестранныхъ, познали совершенно чрезъ сіе средство искуство, содѣ-

(*) Родъ дикихъ степныхъ козъ, сходныхъ съ оленями.

содѣлать оные гораздо лучше, и учинились наконецъ дѣйствительно способными удѣлять народу своему неизвѣстные еще до того способы, преимущественнѣйшія дѣиствіи и легчайшія питательныя средства. Государство Норвежское управляемо было въ то время *Гаралдомъ*, прозваннымъ прекрасноволосымъ, такимъ Государемъ, который притѣсняя тамъ всячески протчихъ малыхъ владѣтельныхъ Князей, старался распространять принадлежащія яко бы ему одному права престола. Итакъ, *Оѳаръ* умножилъ всю свою врожденную наклонность къ пользѣ всеобщихъ правъ человѣческой природы чрезъ познаніе о древнихъ Скалдахъ, кои предъ храбрѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ воспѣвали единыя преимущества вольности.

Въ слѣдствіе сего, восчувствовалъ онъ непреоборимую склонность къ путешествію и новѣйшимъ открытіямъ наиотдаленнѣйшихъ странъ вселенной, чему никакъ воспротивится не въ силахъ онъ былъ. Чего ради, сѣвъ на судно, и плавая нѣсколько времяни, прибылъ онъ наконецъ ко Двору *Алфреда*, который упражнялся въ самое то время въ различныхъ распоряженіяхъ своей морской силы. Итакъ, Король

Король сей взиралъ съ не малымъ удовольствїемъ при семъ случаѣ на мужа, коего самая необходимость научила познать основательно искуство мореплаванїя.

Нордманнландїю не одарило естество впрочемъ ничемъ инымъ, говорю, кромѣ достаточнаго количества различныхъ родовъ дикихъ козъ и разной дичины, никакими другими средствами, служащими къ пропитанїю ея обселянъ, какъ токмо единымъ моремъ. Между подводными каменьями преужаснаго крутаго каменнаго берега и между гористыми островами, прилежащими вокругъ страны сей, морская пучина наполнена была безчисленнымъ множествомъ различныхъ родовъ морскихъ звѣрей, кои, не смотря на величайшїя опасности жестокихъ вѣтровъ и страшныхъ льдинъ, на подобїе цѣлыхъ островов безпрестанно плавающихъ, будучи преслѣдуемы отъ неробкихъ жителей области сей, должны были замѣнять собою всѣ оныхъ необходимости, хлѣбъ и прочїя земляныя произрастенїи, коими въ странахъ тѣплыхъ награждаетъ съ излишествомъ щедрая земля труды земледѣльца, должны были живущїе въ суровомъ климатѣ Сѣверныя жители искать

искать въ дальныхъ странахъ и привозить потомъ по долговремянномъ мореплаванїи въ свои хижины. Каждой изъ оныхъ есть совершенной рыбакъ и притомъ мореходецъ; отъ чего и происходило безсомнѣнія по большей части, что морскїе берега Скандинавїи могли легко морскими своими многочисленнѣйшими силами обеспокоивать жителей плодороднѣйшихъ странъ свѣта.

По прибытїи такимъ образомъ *Овара* ко Двору Государя Англо-Саксоновъ, представленъ онъ былъ вскорѣ потомъ Королю. „Великїй *Алфредъ*, сказалъ сей Сѣверной житель, увидѣвъ онаго, заслуживаетъ неоспоримо чрезъ свои преизящныя добродѣтели, чтобъ земный шаръ представилъ ему новыя земли, коихъ никто изъ смертныхъ не объѣзжалъ бы еще вовсе. Въ слѣдствїе того, надѣюсь я несомнѣнно открыть ему такїя страны, гдѣбъ богатства Англїи могли совершенно увеличится, гдѣбъ въ многочисленномъ количествѣ мореходцы нашли изобилующей во всемъ грузъ, и гдѣбъ Саксоны научились свободно, управляя своими судами, утвердить наконецъ владычество ихъ на морскихъ водахъ, Я живу посреди такого пояса вселенной, въ коемъ солнце во время лѣта ни-

никогда не оставляетъ землю, и по совершенiи кратчайшего оборота около оси видимаго горизонта, восходитъ паки на свою высоту. Моря питаютъ тамъ престрашной величины рыбъ, въ сравненiи съ коими самый величайшiй слонъ весьма малымъ животнымъ назватся можетъ; не смотря однакожъ на то, служутъ онѣ людямъ легкою добычею, изъ коихъ единая рыба стоитъ до ста фунтовъ серебренаго метала. Сотоварищи мои, Сѣверные жители, знаютъ совершенно побѣждать сiи чудовища, и оное составляетъ тогда настоящую для нихъ забаву, когда допуститъ ихъ случай токмо преслѣдовать своими копьями сего морскаго исполина. У подводныхъ камней морей сихъ находятъ въ изобилiи чрезмѣрной величины моржей, коихъ зубы превосходятъ и самую кость слоновью, а посреди обширнаго моря безцѣннымъ почитаемаго единорога, коего рогъ всѣ врачи совокупно безъ малѣйшаго сомнѣнiя противополагаютъ всякому дѣйствiю яда.„

„Но *Оеаръ* помышляетъ о горазло большихъ предъ сими предпрiятiяхъ: онъ знавалъ нѣкоторыхъ людей, продолжалъ говорить онъ, коихъ стрем-

леніе къ добычѣ и неукротимая сила вѣтровъ заносили въ неизвѣстныя имъ вовсе моря; потому что страна Сѣверная простиралась не до самаго края свѣта: оную обтекаетъ съ одной стороны пространной Океанъ, а на Востокъ открывается тамъ неизмѣримаго пространства море, предѣлы коего никому еще и понынѣ неизвѣстны вовсе, простираясь даже до изобилующего всемъ Ниппона, и касаясь наконецъ рачительнаго Каѳая. Итакъ, безконечно бы было безсомнѣнія щастіе Саксонъ, и неизмѣрима бы была конечно слава великаго *Алфреда*, когдабъ удалось усердному рабу его *Оѳару* открыть только путь въ сіи обильныя богатствомъ страны и препроводить потомъ сокровища оныхъ въ острова Британнскіе, кои обогащаютъ толико народовъ, прежде нежели касаются онѣ Европы. Шелкъ, великолѣпнѣйшіе уборы, приличные однимъ высочайшимъ Дворамъ Государей, лучшая сталь, прекрасная мѣдь и дорогіе металлы обрѣтаются въ изобиліи въ сихъ отдаленнѣйшихъ Государствахъ; и тотъ народъ воспріиметъ безсомнѣнія перьвѣйшее мѣсто между всѣми другими народами, которой, познавъ лучше путь водъ морскихъ, будетъ въ силахъ присвоить себѣ сокровища не-

неизвѣстной еще понынѣ части свѣта посредствомъ мореплаванія.„

„Въ слѣдствіе чего, осмѣливается нынѣ дерзскій *Оѳаръ* испросить себѣ отъ великаго *Алфреда* токмо два судна, кои, нагрузя онъ искуснѣйшими мореходцами, со вложеніемъ притомъ въ оныя съѣстныхъ припасовъ на двенадцать мѣсяцовъ времяни, не упуститъ конечно или погибнуть, или обрѣсти Королю новыя Государства въ теченіе сего срока.„

Алфредъ согласился безпрекословно на сіе выгодное для него предложеніе. Два большіе корабля, нагруженные искусными мореходцами изъ Нордманнландіи, отвалили вскорѣ отъ береговъ Галголандіи, и предпріимчивый *Оѳаръ* не преминулъ направить паруса свои прямо на самый край свѣта. Онъ видитъ ясно уже край земли, извѣстной ему и всѣмъ съ нимъ бывшимъ его спутникамъ; морская пучина открываетъ ему неизмѣримое пространство водъ на Востокъ, и земля возвращалась, казалось ему, паки на Полдень. *Оѳаръ* слѣдуетъ далѣе на Сѣверъ, куда ни одинъ изъ смертныхъ не ходилъ на парусахъ еще до сего времяни. Неудобопонятное пространство морскихъ водъ не заграждалось

вЪ очахЪ его ничемЪ ни откуда, а опасности, встрѣчавшїяся ему повсечастно, казались для безпримѣрной бодрости онаго весьма маловажными токмо. На пути своемЪ преодолѣвалЪ онЪ почасту страшную силу единороговЪ, и привезЪ потомЪ симЪ драгоцѣннымЪ цѣлительнымЪ отЪ всякой отравы лѣкарствомЪ нагруженной имянитой грузЪ вЪ Англїю; но объѣзжая тужЪ самую поверьхность земнаго шара, по сю сторону коей оная паки обращается на Полдень, воспрепятствованЪ онЪ былЪ вЪ благополучномЪ его плаванїи сильнымЪ ВосточнымЪ вѣтромЪ. Тщетно старался противится при семЪ случаѣ жестокому дѣйствїю естества смѣлостїю преисполненный мужЪ сей, и носимЪ будучи долгое время ужаснымЪ стремленїемЪ ярящегося безпрестанно зефира по страшной сей стихїи, прибытЪ былЪ наконецЪ кЪ нѣкоторому бѣрегу, гдѣ нашелЪ онЪ скоро потомЪ безопасную пристань, горячїе водяные ключи и зелѣнью покрытую густо пасству.

На берегахЪ сихЪ обитали жители, весьма сходные впрочемЪ сЪ Финнами, между коими живалЪ нѣкогда *ОѳарЪ*. Малаго роста и гнуснаго притомЪ вида, но прїобыкшїя кЪ снесенїю

всѣхЪ

всѣхъ тяжестей жизни и неутомимыя въ несноснѣйшихъ трудахъ люди сїи, нападали не смотря на все то съ слабымъ орудїемъ, безъ помощи желѣза вовсе, на страшныхъ китовъ, служащихъ имъ пищею, употребляя между тѣмъ кости оныхъ къ сооруженїю своихъ хижинъ. Подъ льдомъ старались онѣ искать всячески пужливыхъ тюлѣней, низлагая оныхъ своими дротиками, заостренными какою либо костью. Однѣ рыбы служили имъ яко настоящимъ кормомъ, и составляли всю ихъ пищу; потому что земля отнюдь не произносила ничего такого въ мѣстахъ тѣхъ, отъ чего бы люди могли безъ нужды пробавлять жизнь свою; вся сїя страна покрыта была повсюду каменьями и наполнена превысочайшими горами, покрытыми безпрестанно снѣгомъ; никогда не распускало тамъ цвѣта своего никакое дерево, и крѣпчайшая земля не приносила ни въ какое время года какихъ либо плодовъ въ тѣхъ мѣстахъ.

Между тѣмъ, корабли *Оѳара*, претерпѣвъ жестокую бурю, повредились весьма во время оной; и какъ къ поправленїю оныхъ потребно было непремѣнно нѣсколько времяни, то въ разсужденїи того, имѣлъ онъ удобный

случай познать вскорѣ народъ сей, обитавшїй берега, открытые имъ тогда вновь. Онъ не преминулъ между прочимъ помогать всячески людямъ симъ при ихъ упражненїи въ рыбной ловлѣ, и научилъ ихъ притомъ прикрѣплять копья ихъ, бросаемыя ими обыкновенно до того въ китовъ, къ долгимъ канатамъ; чрезъ то самое тащила страшной величины рыба сїя ловца ея сама съ невѣроятною скоростїю, коей никакое стремленїе уподобится не въ силахъ было, потудова, покуда сильное истеченїе крови изъ оной не ослабѣвало ея совершенно. Сверьхъ того, открылъ онъ имъ также истинное достоинство зубовъ сильнаго моржа, и показалъ средства къ удобнѣйшему онаго покоренїю; далъ вкусить имъ притомъ всю прїятность употребленїя хлѣба, обнадеживъ ихъ возвратится къ нимъ паки въ послѣдующїе года съ плодами различныхъ искуствъ просвѣщеннѣйшихъ странъ и промѣнять потомъ на оныя ихъ ловъ китовъ и тюлѣней.

Но сколь впротчемъ ни преданъ былъ *Оѳаръ* вольности, однакожъ не видалъ онъ притомъ ни единой такой страны, которая бы не управляема была какою либо верьховною властїю. Весь

Сѣверъ

Сѣверъ состоялъ тогда подъ владѣнїемъ небольшихъ Князей, кои вообще всѣ покорялись паки великимъ Государямъ, правительствовавшимъ въ Упсалѣ, Леорѣ и Нордманнландїи. Всѣжъ жители Полунощныхъ береговъ повиновались совокупно особливымъ начальствамъ и установленнымъ законамъ. Каждой народъ платилъ извѣстную дань своему правительству, и посвящалъ оному охотно часть своей вольности.

Напротивъ того здѣсь, на Западномъ краю Сѣвера, не нашелъ *Оѳаръ* нималѣйшего даже слѣда какой либо зависимости; тамъ не видалъ онъ никого изъ преимуществовавшихъ предъ протчими, тамъ не было, говорю, ни законовъ, ни достойныхъ наказанїй, заслуживаемыхъ непремѣнно преступленїемъ, ниже самыхъ награжденїй за достоинства. Каждый отецъ служилъ въ странѣ той настоящимъ господиномъ дѣтямъ своимъ, напротивъ того сотоварищъ въ его хижинѣ, живущїй съ нимъ подъ одною крышкою, не требовалъ также отъ него нималѣйшаго себѣ повиновенїя, не оказывая и ему равнымъ образомъ съ стороны своей никакой покорности, живучи безпрестанно какъ и всѣ собратїи его въ совершенномъ между собою равенствѣ

подъ взаимнымъ небеснымъ свѣтиломъ. Двадцать таковыхъ хижинъ врыты были въ землѣ одна подлѣ другой при весьма изобильномъ разною рыбою мѣстѣ. Изъ пятидесяти человѣкъ числомъ домочадцевъ, живущихъ въ хижинахъ сихъ, не преподавалъ ни одинъ другъ другу какого либо наставленія, основывающагося на родѣ каковаго ни есть самовластія, ниже приемля когда отъ кого оное, и не будучи нимало особливымъ начальникомъ надъ вышеупомянутою тонѣю, дабы быть у согражданъ своихъ чрезъ то хотя въ маломъ почтеніи, превосходящемъ самое врожденное внушеніе въ человѣкѣ, кое производитъ по себѣ обыкновенно благій совѣтъ. Сіи дикіе, собираясь всегда въ простыя хижины, или небольшія селеніи, всѣ вкупѣ, владѣли совокупно между собою большими ладіями, въ коихъ они отъ одного мѣста до другаго такогожъ переплывали немедлѣнно, гдѣ только ловъ рыбѣ находили они лучшимъ. Они соединяли всѣ ихъ взаимныя силы къ сооруженію подобныхъ судовъ, дѣлали противъ китовъ настоящій между собою союзъ, вступали съ оными совокупными силами въ сраженіе, и раздѣляли наконецъ по себѣ всю добычу. Но ни одно

изъ

изъ сихъ обязательствъ не обязывало никого изъ обселянъ страны тоя приступить ниже къ малѣйшей зависимости одного отъ другаго.

Итакъ, *Оеаръ* желалъ усердно узнать, какое бы имѣло дѣйствіе сїе состоянїе, неподверженное никакимъ вовсе законамъ; менѣе ли дружелюбны были люди, пребывая въ ономъ, и хуже ли участь ихъ была притомъ предъ протчими народами. Однакожъ при всемъ томъ, нашелъ онъ весьма мало различїя между сими самовластнѣйшими изъ людей, то есть жителями Сѣверо-западнаго берега и просвѣщеннѣйшими Европейцами. Всякое добро смѣшано было тамъ, какъ и у послѣднихъ, со зломъ вкупѣ. Сїи дикїе жили между собою въ неменьшемъ согласїи, какъ и тѣ, надъ неукротимою злобою коихъ бдитъ неусыпно законъ мщенія, такъ что весьма рѣдко случалось тамъ, чтобъ кто изъ дикихъ сихъ обидѣлъ кого либо чемъ, а тѣмъ еще менѣе ударилъ другаго, подобнаго ему человѣка. Въ немаломъ числѣ находящїеся домачады ихъ, живучи въ одной хижинѣ, обращаются между собою хотя и угрюмо, но пребываютъ впротчемъ во всякомъ дружелюбїи другъ съ другомъ. При раздѣленіи общей добычи

происходитъ у нихъ весьма рѣдко какое либо несогласіе, или распря; самая даже похоть любви, которая и у самыхъ звѣрей возжигаетъ кровопролитнѣйшія драки, не нарушаетъ нимало равномыслія сихъ уединенныхъ Нордландцевъ.

Но вяще еще равнодушны они другъ противъ друга въ разсужденіи должности человѣколюбія. Дитя, по смерти матери его, должно умирать также непремѣнно, потому что никакая другая женщина не приемлетъ у нихъ къ себѣ сироту сію. Во время немощи ихъ не наслаждаются они всею тою помощію отъ своихъ ближнихъ, кои оказывать стараются между собою просвѣщенные народы; при частыхъ перемѣнахъ жилищъ ихъ, составляетъ больной здоровому такое бремя, коимъ обремянять не въ силахъ они почитаютъ себя. Когдажъ не угрожалъ никакой мститель презрѣнныхъ законовъ въ чемъ либо преступнику оныхъ, то никогда почти междоусобная ссора не причиняла у нихъ смертоноснаго удара ближнему. Хотя ожесточенный изъ сихъ дикихъ, встрѣтившись съ непріятелемъ своимъ наединѣ въ открытомъ морѣ, и опрокидывалъ иногда лодку онаго, или стал-

сталкивалъ его, случалось, съ камня въ морскую пучину, однакожъ таковыя злодѣйства бывали не часты, и ничудь не обыкновеннѣе предъ тѣми народами, кои живутъ подъ строжайшею грозою закона естественнаго и гражданскихъ истязанїй.

Бракъ ихъ есть стольже постояненъ и стольже твердъ, какъ и у другихъ народовъ; одно лишъ неплодородїе токмо бываетъ презираемо у нихъ жестоко; понеже дѣти, а особливо сыновья, составляютъ у нихъ единую надежду въ помощи, кою въ старости ожидать имѣютъ родители въ такихъ странахъ, гдѣ люди не совокуплены довольно близко другъ съ другомъ взаимнымъ союзомъ помогать протчимъ равнымъ себѣ въ нуждахъ оныхъ.

Ощущенїе чести столь же сильно дѣйствуетъ тамъ, какъ и у просвѣщенныхъ Сѣверныхъ народовъ; оно простирается у нихъ даже до самой славы, прїобрѣтаемой остротою разума, къ коей, посреди самой сей нужной жизни дикихъ людей сихъ, стремятся они всего болѣе. Но гораздо сильнѣе владѣетъ ими страсть къ прїобрѣтенїю стяжанїя: ибо, всякое излишество составляетъ тамъ единое токмо различїе, превозносящее одного

предъ

предЪ другимЪ, подобнымЪ ему. Однакожъ сіи дикія люди заслуживаютЪ посправедливости болѣе вЪ томЪ извиненія предЪ всѣми просвѣщенными народами; понеже пища ихЪ подвержена тысящи опасностямЪ и злощастіямЪ; да и самое изобиліе оныхЪ состоитЪ токмо вЪ оной совершенно, которая впрочемЪ вЪ каждое мгновеніе сущею необходимостію учинится легко можетЪ.

НедостатокЪ же вЪ общежитіи, есть настоящая причина, думаю я, препятствующая совершенно дикимЪ симЪ вЪ укрощеніи ярости и самыхЪ звѣрей вЪ мѣстахЪ тѣхЪ. Естество хотя и одарило страну ту изобильно дикими звѣрями, но никто не вЪ силахЪ тамЪ приобучить оныхЪ кЪ надлежащему повиновенію и согласію вЪ общежитіи сЪ людьми тѣхЪ мѣстЪ. Чего ради и неудивительно нимало, что жители оныхЪ теряютЪ чрезЪ то лучшее и надежнѣйшее пропитаніе предЪ тѣмЪ, кое зависитЪ отЪ произвола моря и престрашныхЪ вѣтровЪ.

ИтакЪ, удостовѣрился наконецЪ *ОѳарЪ* совершенно вЪ томЪ, что вЪ весьма пустой странѣ, гдѣ находится излишное пространство земли для небольшаго

большаго числа людей, гдѣ обширное пространство моря отверсто для всѣхъ равно и доставляетъ всѣмъ надежнѣйшее пропитанїе, гдѣ нѣтъ ни пашенъ, ни луговъ, ниже каковаго собственнаго имущества, такъ какъ такой вещи, коя всегда пребываетъ въ глазахъ ея обладателя, что наконецъ, говорю, въ холодной странѣ, гдѣ всѣ побужденїи, да и самое сильнѣйшее изъ всѣхъ, то есть, похоть къ любви, гораздо умѣреннѣе, люди непремѣнно безъ всякаго надъ собою верьховнаго правительства свободно жить могутъ; что и самыя совокупныя необходимости, сопряженныя съ нѣкоторыми выгодами столь равнодушныхъ людей, обратить могутъ человѣка безсомнѣнїя ко взаимному другъ съ другомъ согласїю, и что пороки у оныхъ не превратятся конечно въ ужаснѣйшїя злодѣянїи предъ тѣми людьми, кои состоятъ подъ властїю Государя и законовъ; потому что всякїя побужденїи ко злу менѣе тамъ дѣйствуютъ, и обуздывающїя наказанїи менѣе нужными дѣлаютъ, слѣдовательно.

По прошествїи нѣкотораго времяни корабли *Овара* предались паки опасностямъ страшной стихїи. Благопрїятный Сѣверо-восточный зефиръ примчалъ

вскорѣ

вскорѣ безстрашнаго сего мореходца къ Полуденной высотѣ замерсшего берега. Часть земнаго шара подавалась въ томъ мѣстѣ гораздо болѣе на Полдень, пространный заливъ встрѣчался тамъ со взоромъ каждаго мореплавателя, и большая рѣка, разливаясь тутъ на многїе рукава, впадала наконецъ въ открытое море, и служила тѣмъ самымъ безопаснѣйшимъ пристанищемъ. Нордланецъ нашелъ страну сїю, хотя оная также считалась Сѣверною, какъ и берега дикихъ, обитаемою при всемъ томъ людьми благонравными. Бармїяне, такъ назывался народъ сей, подчинены были всѣ Государю, и отправляли совершенно между собою службу Божїю; они жили въ теплыхъ и покойныхъ жилищахъ, и имѣли отъ рыбной ловли, охоты, отъ многочисленныхъ ихъ пасствъ и различныхъ плодовъ земли весьма достаточное для себя пропитанїе. Народъ сей сходенъ былъ впрочемъ съ вышеупомянутыми *Оваромъ* нѣкогда Финнами; въ разсужденїи чего, позналъ сей великїй мужъ лучше въ семъ мѣстѣ пользу согласнаго общежитїя. Сѣверная стужа, весьма продолжительная Зима и пагубные вѣтры владычествовали тамъ безпрестанно, такъ

какъ

какѣ и у Сѣверо-западныхѣ дикихѣ; но совокупныя силы смертныхѣ перебразовали тамѣ совсемѣ иначе природу. Земля, будучи вѣ рукахѣ оныхѣ, учинилась плодородною; имѣ извѣстна была польза и употребленіе всякаго орудія; они помогали взаимно другѣ другу закладывать и сооружать потомѣ жилища свои; не таскались вовсе отѣ скудости по пустымѣ степямѣ; имѣли у себя прекрасные сады и пространнѣйшія поля, и промѣнивали изобиліе свое на полезные для нихѣ товары Полуденныхѣ странѣ народовѣ; они не подвержены были вовсе дѣйствію глада, кое при мало неблагопріятной погодѣ погубляетѣ безѣ пощады многихѣ дикихѣ. Что одному изѣ нихѣ неудобовозможнымѣ быть казалось, то самое преодолѣвала совершенно совокупная сила цѣлаго множества. Преизящныя науки просвѣщеннѣйшихѣ народовѣ удѣляли и вѣ сіи отдаленнѣйшія страны даже частицу лучей своихѣ, потому что и вѣ оныхѣ знали и почитали также между протчимѣ всевысочайшее Существо.

Любопытный *Оѳарѣ* узналѣ притомѣ совершенно, что вѣра укрѣпляетѣ сама собою одна сильно союзѣ смертныхѣ, и обязываетѣ насѣ взаимно

кѣ

къ исполненію должностей другъ противъ друга, чего изъ дикихъ однакожъ ни одинъ не знаетъ вовсе; что мы ощущаемъ сожалѣніе гораздо нѣжнѣе, и какъ нужду, такъ и самое нещастіе другихъ усерднѣе умѣрять тщимся; и что наконецъ не въ общежитіи пребывающія люди не дѣлаютъ ни малѣйшаго приращенія въ ихъ весьма посредственныхъ знаніяхъ, ничего не изобрѣтаютъ, и ни чего не доводятъ до надлежащаго совершенства; но напротивъ того просвѣщенныя, изыскиваютъ повседневно новыя средства къ облегченію бремяни въ жизни, дабы умножить вопервыхъ пріятности чувствія, возрастить, и потомъ увеличить оныя въ такое время, когда дикіе народы остаются вѣчно въ совершенномъ своемъ ребячествѣ.

Между тѣмъ, *Оеаръ* воздвигнулъ паки въ семъ мѣстѣ паруса свои, и благопріятный Южно-западный вѣтеръ домчалъ его оттуда вскорѣ къ Полунощному краю земнаго круга. Плавая по морю, проѣхалъ онъ между прочимъ мимо нѣкотораго острова, отдаленнаго весьма по сю сторону отъ земель, обитаемыхъ жителями, на Востокъ, и находящегося неподалеку отъ несравненно обширнѣйшего предъ

нимъ

нимъ острова, покрытаго безпрестанно снѣгомъ, гдѣ малые дары, производимые природою, питаютъ токмо однихъ звѣрей впротчемъ. Сей небольшей островъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ неизмѣримою почти глубиною, въ коей изобиловало пространное море въ излишествѣ китами. Итакъ, *Оѳаръ* льстилъ себя совершенно надеждою, открыть современемъ неисчерпаемое сокровище въ сихъ никогда неизвѣстныхъ еще никому странахъ (*), и наградить тѣмъ самымъ безпримѣрную щедроту Короля Саксоновъ.

Но весьма твердымъ между тѣмъ пребывало предпрїятїе его въ исполненїи *Алфредова* желанїя, дабы открыть путь въ Каѳай и Ниппонъ, въ такїя Государства, о величинѣ и богатствѣ коихъ достигнулъ слухъ тогда и до Европы даже. Въ слѣдствїе чего, при лучезарномъ сїянїи солнца, проѣзжая нѣкогда мимо одного малаго острова (**), усмотрѣлъ онъ вдругъ восхо-

 дящїй

(*) Подъ симъ разумѣется островъ Спицбергенъ.

(**) Сїе подтверждается истиннымъ свидѣтельствомъ, бывшего въ то время кормчимъ *Гимкофа* и протчихъ онаго спутниковъ.

дящій отъ земли дымъ. „И здѣсь видно находятся также люди, на самомъ краю земнаго шара!„ сказалъ *Оѳаръ* своимъ товарищамъ; вскорѣжъ послѣ того увидѣлъ онъ нѣсколькихъ вовсе незнаемыхъ ему людей, окутанныхъ съ головы до ногъ теплыми шубами, ходящихъ по берегу и махавшихъ ему руками безпрестанно, требуя отъ него себѣ весьма громогласно всевозможной помощи.

Великодушный мужъ сей, не могъ взирать ни на какое человѣческое страданіе безъ того, чтобъ не принимать въ злощастіи онаго наивеличайшаго участія. Онъ сошедъ самъ въ лодку, и приплывъ благополучно къ берегу, подалъ имянитѣйшему изъ оставленныхъ всѣми людьми дружелюбно руку помощи. Всѣ бывшія тамъ люди, были Барміяне, языкъ коихъ не безъизвѣстенъ былъ уже болѣе *Оѳару*. Они увидѣвъ его къ себѣ прибывшего, просили онаго, по всѣмъ правамъ человѣколюбія, избавить ихъ изъ сего бѣдственнаго мѣста, на что *Оѳаръ* согласился тотчасъ охотно, желая и безъ того учинить всякую помощь симъ нещастнымъ; но они убѣдили его между тѣмъ прозьбою посѣтить прежде ихъ хижину, въ которой препроводили

дили они, какъ сказывали, цѣлыя шесть лѣтъ безпрестанно.

Хижина сїя находилась въ преглубокой ямѣ, будучи обнесена притомъ со всѣхъ сторонъ различными и разнообразными деревянными обломками, снабжающими въ немаломъ количествѣ попечительнымъ естествомъ неприступный сей берегъ, посредствомъ ярящихся морскихъ волнъ, приносимыхъ обыкновенно оныя изъ отдаленнѣйшихъ лѣсистыхъ мѣстъ. Всѣ оной скважины затыканы были мохомъ, либо травою; и безпрестанной огонь горѣлъ тамъ на очагѣ, которой никогда не былъ угасаемъ нарочно. Всѣ сокровища злощастныхъ сихъ сохранялись также въ оной хижинѣ. Кожи съ низложенныхъ ими медвѣдей, преузорочныхъ лисицъ и дикихъ козъ, такъ какъ и оныхъ сало съ различною нитью, веревками, пряжью и медвѣжьими жилами, а притомъ и нѣсколько глиняной посуды, составляли все богатство сихъ въ злополучїи пребывавшихъ людей. Итакъ, Бармїяне не преминули угостить всячески неожидаемыхъ ими вовсе гостей своихъ различными звѣриными мясами, а жители съ Сѣвера прибывшїе дали напротивъ того вкусить онымъ съ своей

стороны давно забытой ими услаждающей сокъ питательнаго ячменя.

По окончанïи трапезы перенесли немѣдленно узники сïи всѣ свои сокровища со всемъ ихъ скарбомъ на корабль своихъ избавителей, и благопрïятной Западной вѣтеръ началъ вспомоществовать съ тѣхъ поръ благополучному ихъ плаванïю далѣе на край Востока. Для прекращенïяжъ скуки въ уединенïи при продолжавшейся долгое время тишины на морѣ, упросилъ между тѣмъ *Оѳаръ* спасшихся чрезъ него расказать ему обстоятельно ихъ повѣсть.

„Всѣ мы, будучи рыбаками, сказалъ старшïй изъ Бармïянъ, отправились было нѣкогда на китовую ловлю; но доплывъ до сего острова, заперты мы были вдругъ совсемъ нечаенно льдомъ при ономъ; чего ради и принуждены были наконецъ выдти на берегъ, гдѣ всячески старались сыскать какую ни есть пещеру, или ущелье, служащую къ нашему убѣжищу, дабы въ сей престрашной пустынѣ могли мы сохранить себя свободно отъ смертоносной стужи. Съ начала не видали мы тамъ ничего болѣе, кромѣ однихъ преужасной величины камней, кои, будучи растрескиваны отъ жестокаго мороза,

отры-

отрываясь цѣлыми грудами, падали съ непонятнымъ громомъ прямо въ море. Голыя степи безъ древесъ, безъ всякаго произрастенія, покрытые глубокимъ снѣгомъ возвышенные холмы и оставленная отъ всѣхъ тварей уединеннѣйшая пустыня, составляли все наше владѣніе на семъ островѣ. Мы снесли туда потомъ съ нашего судна нѣсколько желѣза съ небольшимъ числомъ разнаго орудія, бывшаго тогда при насъ, и низложили онымъ безъ труда вскорѣ одну дикую козу, потому что животныя береговъ сихъ, не видавъ еще никогда никого изъ людей тамъ, не знали вовсе спасать себя отъ злоухищренія оныхъ. Послѣ того настала нощъ, которая продолжалась однакожъ весьма недолго, по той причинѣ, что цѣлые мѣсяцы сряду не оставляли насъ почти совсемъ лучи солнечные; но жестокая буря свирѣпствовала во всю ту нощъ на морѣ, а хотя ледъ поутру и разнесенъ былъ совершенно, токмо судно наше, единое средство, остававшееся къ нашему спасенію, унесено было въ пучину пространства морскихъ водъ, и исчезло навсегда отъ очей нашихъ.„

„Итакъ, увидѣли мы себя наконецъ въ числѣ пятерыхъ человѣкъ, заклю-

ченныхъ совершенно въ настоящей темницѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ неизмѣримымъ моремъ. Ощутительно были мы лишены тогда всей помощи, и находились уже почти безъ всякой надежды отвратить отъ себя голодъ, несносную стужу и жесточайшее стремленіе вѣтровъ; но при всемъ томъ самая необходимость внушила въ насъ нѣкую бодрость при семъ случаѣ: низложенной нами звѣрь, служилъ всѣмъ намъ нѣсколько днѣй сряду пищею, а къ утоленію жажды помогалъ намъ растаиваемой снѣгъ; сверьхъ того, нашли мы вскорѣ множество прибитыхъ къ берегамъ мѣста новаго нашего жилища деревянныхъ разныхъ обломковъ, кои приумножались иногда, случалось, приносимыми досками съ судовъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Топоръ и ножъ составляли всю нашу збрую въ сей страшной обители, и мы работали безпрестанно съ неутомимыми силами въ сооруженіи видимой вами сей хижины до наступленія самой несноснѣйшей Зимы. Отъ сильнаго тренія одного куска дерева о другой, возжигали мы огонь, которой не тушили потомъ никогда съ того времяни, когда наступала сильная стужа. Изъ нѣсколькихъ гвоздей, найденныхъ нами

вЪ прибитыхЪ кЪ берегамЪ обломкахЪ разбитыхЪ бурею судовЪ, сковали мы на крѣпкихЪ каменьяхЪ молотЪ и два заступа, кои насадили потомЪ на большїе шесты; изЪ нѣкоторагожЪ корня, которой впротчемЪ былЪ также для насЪ дарЪ пекущагося о насЪ моря, сдѣлали мы лукЪ, а изЪ гвоздей сЪ насажденными острыми наконешниками подѣлали стрѣлы.„

„Между тѣмЪ, бѣлой медвѣдь, наиопаснѣйшїй непрїятель острова сего, питавшейся обыкновенно добычею разныхЪ звѣрей, пребывавшихЪ тамЪ, напалЪ было также и на насЪ нѣкогда; но мы, будучи приуготовлены всегда кЪ брани сЪ тамошними нашими врагами, низложили вскорѣ сего супостата нашими копьями. Его жилы годились намЪ кЪ различнымЪ потребамЪ, кои, будучи особливо способны кЪ витью, доставляли намЪ между протчимЪ нужныя тетивы кЪ лукамЪ, такЪ какЪ и самыя веревки кЪ разному употребленїю, а притомЪ и нитки даже, коими сшивали мы напослѣдокЪ для себя одежду изЪ кожЪ, низлагаемыхЪ нами различныхЪ звѣрей.„

„ЛукЪ со стрѣлами, смертоносное впротчемЪ вдали орудїе, доставилЪ намЪ скоро совершенное владычество

надъ всѣми звѣрями, обселявшими смиренно до того островъ тотъ. Мы низлагали оными медвѣдей, побивали немалое число лисицъ и толико дикихъ козъ, сколько потребно было токмо къ нашему пропитанїю; нашими же удами, на кои насаживали мы небольшїе куски мяса, обманывали мы свободно рыбу, и приумножали тѣмъ самымъ протчїе наши припасы. Вскорѣ потомъ нашли мы тамъ глину, изъ коей подѣлали немѣдленно глиняную посуду, въ которой бы можно было намъ варить все безъ нужды, сдѣлавъ притомъ изъ оной же и небольшую лампаду, кою наполняли медвѣжьимъ саломъ, дабы въ продолжительное теченїе долговремянной Зимы могъ удобнѣе прогоняемъ быть мракъ долгой нощи; свѣтильны дѣлывали мы изъ разныхъ веревочныхъ снастей, кои приносимы бывали нерѣдко къ намъ съ обломками разбитыхъ судовъ; а низкая нѣкоторая трава, прїятная впротчемъ вкусу и притомъ весьма здоровая, служила къ перемѣнѣ нашей пищи за столомъ.„

„Шесть разъ пережили мы такимъ образомъ долгое время продолжающегося тамъ лѣтняго дня, и толикожъ проводили ужаснѣйшихъ нощей, кои многїе

мѣсяцы

мѣсяцы сряду покрываютъ сїю жалостную страну настоящею тьмою. Отъ зарываемаго жилище наше глубокаго снѣга и несносной стужи позднѣйшихъ мѣсяцовъ Зимы, защищала насъ хижина наша и безпрестанной въ оной огонь совершенно. Продолжительные часы того времяни препровождали мы въ трудной работѣ, которая по долговремянной бытности нашей въ такомъ мѣстѣ довольно уже сносною учинилась намъ: ибо наконецъ достигли мы до того даже, что изъ гвоздей научились дѣлать самыя иглы.„

„Размышленїежъ, что образъ настоящей нашей жизни не несносенъ еще былъ вовсе, заставляло насъ иногда, при скучномъ препровожденїи времяни, коего никакъ избѣжать не могли мы совершенно, разсуждать о томъ немало. Ахъ! помышлялъ я, продолжалъ говорить старшїй изъ сихъ рыбаковъ, мы должны умереть нѣкогда, и сколь щастливъ будетъ тотъ, коего перьваго изъ насъ постигнетъ лестная участь сїя, кто, говорю, услышитъ гласъ утѣшающихъ своихъ друзей, кто надѣится можетъ въ крайней его слабости имѣть нѣкоторую помощъ, и кому наконецъ протчїе помогутъ закрыть очи его вѣчно. Но какая напро-

тивъ того будетъ участь оставшегося послѣ всѣхъ, которой безъ друзей и безъ всякой помощи въ его безсилїи не въ силахъ будетъ ни сыскать пищи себѣ, ниже свободно употреблять оной, которой не въ состоянїи будетъ ничемъ пресѣчь величайшую въ таковыхъ обстоятельствахъ человѣческую необходимость, то есть, жажду, и кто въ заключенїи семъ томясь долго, наконецъ живой долженъ будетъ изсякнуть непремѣнно.„

„Неменѣе того также страшили оставить насъ и необходимыя для насъ весьма орудїи наши; топоръ, отъ коего зависѣла вся наша порубка и самое отраженїе несносной стужи, истерся уже почти до половины, а отъ ножа не оставалось и ничего даже, коихъ потеря казалась для насъ ничемъ ненаградимою уже болѣе. Но всесильный Творецъ смертныхъ, зная всѣ пути ко спасенїю оныхъ, продолжалъ говорить разумный Бармїянинъ, низпославъ наконецъ по Своему безпримѣрному милосердїю изъ отдаленнѣйшего края Запода достойнаго ироя, коему поручилъ Онъ совершенно все наше спасенїе.„

По окончанїи сей речи, не преминулъ *Оѳаръ* возблагодарить Бармїянца за учиненное имъ повѣствованїе, и доказать

притомъ

притомъ всѣмъ его товарищамъ немалое о томъ удовольствїе, что онъ признанъ былъ достойнымъ къ прекращенїю столь жестокаго и никакими впротчемъ пороками незаслуживаемаго злощастїя.

„Что бы былъ, сказалъ онъ, помолчавъ прежде нѣсколько, человѣкъ безъ знанїя наукъ, кои безъ совокупнаго общежитїя недѣйствительны бы были вовсе? Малое количество металла, плодъ совокупнаго труда рудокопа, кузнеца, угольника, горшешника, каменьщика, плотника и многихъ другихъ художествъ, сохраняли столь долго жизнь сихъ злощастныхъ Бармїянъ. Отъ согласнаго между ими общежитїя научились они искусно обращатся съ желѣзомъ, употреблять глину для разной посуды, вить изъ жилъ веревки, и наконецъ дѣлать изъ кожъ низлагаемыхъ ими звѣрей для себя одежду. Но сколь впротчемъ, былъ бы человѣкъ злощастенъ тогда, когдабъ не зналъ онъ жить въ надлежащемъ согласїи съ подобными ему во всемъ людьми, и непремѣнно исчезъ бы, надѣюсь, весь родъ смертныхъ въ нѣсколько токмо лѣтъ, потому что малыя дѣти оставались бы безсомнѣнїя долѣе безсильными, нежели каждой изъ звѣрей,

на

на поверьхности земнаго шара пребывающихъ; онѣ не моглибѣ конечно промыслить для себя никакъ сущихъ необходимостей въ жизни, когда бы не совокупило вмѣсти ничемъ непреодолимое побужденіе къ согласному общежитію отца съ матерью, дабы соблюсти нѣжно неблагодарный и единое токмо мученіе родителямъ причиняющій младый отросль рожденія своего, и не принести наконецъ въ жертву, въ противность внушенія ихъ взаимной любви, ихъ спокойствія, ихъ утѣхи, ихъ обоюдной другъ ко другу должности и самаго даже отвращенія отъ несноснаго мученія, слабыхъ своихъ чадъ.„

Между тѣмъ, продолжалъ *Оѳаръ* плаваніе свое на Востокъ нѣсколько времяни еще довольно благополучно; но потомъ вступило солнце въ знакъ Дѣвы, продолжительной день началъ уже часъ отъ часу умалятся, морскіе вѣтры стали становится суровѣе, густой туманъ началъ покрывать поверьхность моря, и плавающіе большіе изо льду составлявшіеся острова почали уже окружать отвсюду корабль его. Мужественные жители Сѣвера хотя и не страшились впротчемъ нимало смерти, а особливо когда оная пред-

ставлялась

ставлялась очамъ ихъ въ образѣ копія, или меча; но они знали притомъ совершенно, что при замерзшихъ Сѣверныхъ берегахъ каждая пристань, каждое, говорю, мѣсто, служить имѣли имъ настоящею могилою, что никакая страна въ самомъ неизмѣримомъ ея пространствѣ не въ силахъ произносить ничего необходимо нужнаго къ жизни человѣческой, что корабль ихъ никакъ не могъ противостоять сильному стремленію льда, что весьма невѣроятнымъ было то, населены ли были кѣмъ необитаемыя до того страны тѣ, къ коимъ бы они приставать вздумали когда ни есть, и что сверьхъ всего того пагубная смерть, голодъ и стужа грозили имъ почти повсечасно неминуемою погибелію, коей никакая бодрость смертныхъ противостоять была не въ силахъ.

Итакъ, принужденъ былъ великій ирой сей уступить наконецъ по неволѣ въ своемъ твердо предпринятомъ единожди предпріятіи; потому что плаваніе его учинилось уже по причинѣ сильно сгустевшегося воздуха столь опаснымъ, что въ каждое мгновеніе ока невидимой подъ водою камень, либо вовсе нечаенная льдяная груда, могли судно его раздробить на мелкія части. Притомъ, начали также убавлятся

ляшся и припасы его; надежда же на предЂидущую помощЂ могла не прежде исполнится, казалось, какЂ шокмо вЂ ошдаленнЂйшихЂ ПолуденныхЂ сшранахЂ развЂ. Чего ради, принужденЂ былЂ, говорю, *ОѳарЂ* усшупишь наконецЂ жесшокой сей необходимосши, и обрашишь плаванїе свое совсемЂ вЂ прошивную его желанїю сшрану. ОнЂ привезЂ благодарныхЂ ему БармїянЂ вЂ мЂсшо ихЂ рожденїя, нагрузилЂ корабль свой рЂдкими дорогими мЂхами и добычею СЂверныхЂ морскихЂ звЂрей, и прибылЂ пошомЂ благополучно при насшупающей ЗимЂ, по прешерпенїи наивеличайшихЂ опасносшей обрашно вЂ Галголандїю, перезимовавЂ однакожЂ у своихЂ единоземцевЂ, слушавшихЂ сЂ ужасомЂ повЂсшвованїи спушниковЂ сего ироя, кои переплыли сшоль многїя и никЂмЂ еще никогда непереЂзжаемыя моря, кои видали людей совсемЂ другаго сЂ ними образа и посшоронныхЂ вовсе обычаевЂ, и кои ошважились подходишь ближе кЂ краю дальнЂйшаго ошЂ прочихЂ созвЂздїя, нежели бы кшо иной изЂ смершныхЂ помышляшь дерзалЂ шо когда ни есшь.

ВЂ послЂдующую пошомЂ Весну прибылЂ *ОѳарЂ* паки вЂ Англїю, привезя сЂ собою Королю Государсшва сего не-

неоцѣненные дары Сѣвера, какъ то, моржовые зубы, драгоцѣнныя морскихъ звѣрей кожи Бармїянъ и Обдорцевъ, рога высокопочитаемаго морскаго единорога (*) и челюсти преодолѣнныхъ китовъ. *Алфредъ* слушелъ впротчемъ съ немалымъ удовольствїемъ приключенїи своего посланника, такъ какъ и увѣдомленїе его о предавшихся на произволъ единаго промысла естества людей. Чрезмѣрное его великодушїе не допускало онаго до того болѣе, чтобъ подвергнуть паки мужественныхъ его мореходцевъ очевидной пагубной опасности вторичнымъ путешествїемъ въ отдаленнѣйшїе краи Сѣвера; чего ради, учинилъ онъ предпрїимчивому *Оѳару* совсемъ другое предложенїе, кое гораздо легче было произвести въ дѣйство, казалось сему премудрому Государю.

Норманнецъ сей долженъ былъ во исполненїе онаго объѣхать все Восточное море, истекающее изъ великаго

(*) Иначе называемаго однорога, или реноцера. Исландцы утверждаютъ, яко бы подъ имянемъ звѣря сего разумѣется ничто иное, какъ токмо зубъ большой морской рыбы, извѣстной подъ названїемъ нарвала, а въ другихъ мѣстахъ рогарта, находящегося въ Ледовитомъ море.

каго Океана между Скандинавіею и Нѣмецкою землею и простирающееся далѣе на Востокъ. Чего ради, отправился онъ немѣдленно изъ Англіи на довольно изрядно вооруженномъ и всемъ нужнымъ снабженномъ караблѣ чрезъ Зундъ, раздѣляющій проливъ острова Датскіе отъ Государства Готѳовъ, и проѣхалъ нѣкоторою рѣкою, выходящею изъ древней отчизны Англовъ: ибо, весь народъ сей перешелъ нѣкогда оттуда въ плодородную страну Британнскую, оставя впустѣ прежнюю свою землю, которая обитаема была тогда Датчанами. *Ѳѳаръ* прибылъ потомъ въ устье рѣки Вислы, къ той самой странѣ, откуда въ протчія части свѣта вывозятъ въ немаломъ количествѣ прозрачную смолу, подъ имянемъ янтаря извѣстную, выбрасываемую изъ моря на берега. Тутъ нагрузилъ онъ корабль свой симъ душистымъ сокровищемъ, служившимъ тогда повсюду въ Европѣ наружнымъ украшеніемъ женскому полу. Ѣхавши оттуда, посетилъ онъ также пространные берега Эстляндіи, сущее, такъ сказать, мѣсто пребыванія благородныхъ людей и невольниковъ. Обширные лѣса покрывали здѣсь всю землю, и единожди токмо опустошена была тамъ совершенно страна

нѣкая;

нѣкая; одинъ изъ дворянъ Сарматскихъ имѣлъ въ томъ мѣстѣ свой домъ, окрестъ коего жили всѣ его невольники въ наибѣднѣйшихъ хижинахъ, обработывая землю въ потѣ лица своего для него единственно, и ожидая повседневно себѣ въ награду самонужнѣйшаго токмо пропитанія, жизнь и самая честь женъ коихъ зависела отъ безпредѣльной власти ихъ господина. Властелинъ сей полагалъ впротчемъ все свое благополучіе въ единой брани съ его сосѣдями и во всегдашнемъ оной подражаніи, то есть, охотѣ; онъ старался искать безпрестанно въ дремучихъ лѣсахъ своего владѣнія буйваловъ, и изгонять медвѣдей изъ ихъ зимнихъ берлогъ. Науки, художества и искуство торговли не проникли еще въ то время вовсе до сего мѣстопребыванія суровой природы. Въ нищетѣ томившейся крестьянинъ выгоняемъ былъ тамъ повседневно жестокосердыми надзирателями къ работѣ, дабы господинъ его тѣмъ удобнѣе могъ жить въ совершенной праздности, къ таковому упражненію, говорю, отъ коего не могъ онъ никогда ничего ожидать себѣ, и къ чему принуждала его единственно плѣть немилосердаго онаго гонителя. Итакъ, безпрестанное притѣсненіе, въ

коемъ истощевали силы сихъ бѣдныхъ, худая плата за тяжчайшіе оныхъ труды и сущее презрѣніе, необлегчающее впрочемъ никакія достойныя заслуги, учинили наконецъ злощастныхъ рабовъ сихъ неистовыми въ злодѣяніяхъ и совершенными врагами ихъ господину. Они сдѣлались лѣнивыми, потому что принуждены были работать не для себя собственно; лукавыми, потому что злобу свою должны они были наружно скрывать всячески; хищными, понеже не доставало имъ самонужнѣйшаго къ ихъ содержанію; и любострастными, для того, что ни одна дѣвица не оставалась свободною въ ея цѣломудріи, не въ силахъ будучи противостоять насильственнымъ ухищреніямъ неистовыхъ благородныхъ. Но несравненно ощутительнѣе для каждаго была участь рабства сихъ притѣсненныхъ злощастныхъ въ томъ, что онѣ не познавали болѣе никакой добродѣтели, и коихъ дѣяніи учинились сходными точно со звѣрскими. Большая часть страны той составляла совершенную пустыню, и самая пашня Сарматскихъ благородныхъ не обѣщевала себѣ ничего отъ недоброхотныхъ ея дѣлателей, кои бы не-

пре-

пременно впротчемъ содѣлать могли оную весьма плодородною. Ежегодно сжигаемо бывало тамъ великое количество ни къ чему неупотребляемаго лѣса; да и самыхъ посѣянныхъ семянъ въ разозженную землю произрастенїе было наконецъ обращаемо въ пепелъ; послѣ же небольшей жатвы слѣдовало обыкновенно въ тѣхъ мѣстахъ вѣчное неплодородїе. Наподобїе настоящей скотины, которую человѣкъ старается кормить единственно для своего употребленїя, получалъ тамъ крестьянинъ нужную себѣ пищу и совсемъ противной вкусу напитокъ, содѣлывающей едва токмо сносною самую необходимость. Жизнь служила оному сущимъ бремянемъ, и смерть почиталъ каждой изъ нихъ истиннымъ своимъ спасенїемъ въ странѣ той: однимъ словомъ, цѣлыя неизмѣримыя Государства въ сей части свѣта пребывали тогда подъ жесточайшимъ скипетромъ нѣсколькихъ токмо благородныхъ.

При всемъ томъ, не имѣли вовсе обширнѣйшїя земли сїи собственныхъ своихъ силъ, и служили совершенною добычею каждому владѣтелю, которому хотя нѣсколько повиновались только ему подвластныя: ибо, никакой союзъ не соединялъ сильныхъ сихъ благородныхъ

къ совокупнымъ ихъ намѣренїямъ, никто изъ нихъ не помышлялъ принимать наставленія, а тѣмъ паче еще повелѣнія отъ другаго равнаго себѣ, и никто не хотѣлъ посвятить малѣйшей частицы отъ своего имущества, или малѣйшей части отъ своея вольности къ сохраненїю всеобщей пользы. Чего ради, поодиначкѣ одинъ за другимъ бывали они покоряемы сильнѣйшимъ безъ всякаго труда, потому что въ несносномъ рабствѣ пребывавшїя всегда ихъ подданныя не имѣли ничего впредъ надѣится отъ ихъ жестокосердыхъ господъ, и при погибели оныхъ не страшились нимало потерять у себя что либо.

Итакъ, *Оѳаръ* прибылъ наконецъ совершенно на край Восточнаго моря, до устья нѣкоторой рѣки, гдѣ въ то время многїе пустые острова находились еще совсемъ покрытыми дремучимъ лѣсомъ и непроходимыми вертепами, и гдѣ говорю, въ писанїи премудраго Провидѣнія назначенъ былъ быть наипространнѣйшїй градъ, имѣвшїй по многимъ столѣтїямъ послѣ вознестись со славою на высоту своего величества, отъ коего бы сто различныхъ народовъ должны были нѣкогда принимать законы, и Властелины бъ коего отъ начала земель

жель Серянъ до самыхъ даже предѣловъ Эстляндіи неизмѣримаго пространства Государство созиждили. (*) Послѣ того возвратился Оѳаръ паки въ Англію, привезя съ собою въ немаломъ изобиліи различныя сокровища отдаленныхъ сихъ странъ, состоящія въ разнообразныхъ кожахъ многихъ дикихъ звѣрей, набраннаго имъ въ немаломъ количествѣ янтаря и сотъ дикихъ пчелъ, кои втунѣ преподаютъ роду человѣческому примѣръ наиполѣзнѣйшего своего труда.

Алфредъ принялъ съ удовольствіемъ извѣстіе о настоящемъ состояніи того Государства, гдѣ *Воданъ*, одинъ изъ его предковъ, владычествовалъ нѣкогда, и гдѣ оный съ престола своего низведенъ былъ послѣ къ подножію курящегося жертвенника. Онъ слушелъ также съ не меньшимъ вниманіемъ описаніе злоупотребленія, кое люди изъ даровъ естества обыкновенно производить стараются, естьли токмо премудрые законы не соединяютъ ихъ силы къ общественному всемъ распоряженію. Чего ради, вознамѣрился онъ тогда тѣмъ усерднѣе разрывать узы смертныхъ, чрезъ кои

(*) Подъ симъ разумѣетъ Авторъ, чаятельно, сильное Государство славныхъ Россіянъ и оныхъ престольный градъ Петрополь.

даже и самая душа оныхъ уничижалась еильно, лишаясь самопроизвольно величайшихъ преимуществъ, содѣлывающихъ ихъ сущимъ подобіемъ премудраго своего Творца. Итакъ, награждя достойнаго *Оѳара* щедрымъ образомъ, поручилъ онъ ему потомъ въ полную власть десять числомъ къ войнѣ вооруженныхъ кораблей.

АЛФРЕДЪ.

КНИГА VI.

О Дѣйствии перьвоначальной любви Алфреда.

Слѣдующее предъ симъ важное повѣствованïе не допустило впротчемъ имѣть нигдѣ мѣста описанïю о любви сей великаго *Алфреда*, которая по увѣренïю многихъ имѣетъ незабвенную свою память подъ общимъ названïемъ *Эдгари и Эммы*, нѣкоей древнѣйшаго преданïя пѣсни, содержанïе коей возбуждаетъ и въ наши времяна даже во всѣхъ чувствïе нѣжности, подобное причинявшему до того въ прежнихъ Саксонахъ; и по увѣренïю древнихъ писателей не заключаетъ ничего въ себѣ предосудительнаго для сего совершенно достойнаго Государя, которое я здѣсь отъ слова до слова предложить разсудилъ за нужное.

Алфредъ, скрываясь еще у нѣкоего пастуха (*), служившего прежде его родителю, извѣстенъ уже былъ довольно во многихъ окрестныхъ странахъ оной подъ простымъ имянемъ *Вульфа*. Будучи въ семъ состоянïи,

(*) Читай о томъ IIю книгу сея части.

умѣлъ онъ переобразовать видъ свой столь искусно, что и самые его придворные даже не могли познать онаго. Изъ непроходимыхъ Аѳельнейскихъ болотъ чинилъ онъ часто съ нѣкоторыми, укрывавшимися подобнымъ ему образомъ, Саксонами разныя нападенїи на злодѣйственныхъ Норманновъ, старая всячески вымещать надъ ними ихъ беззаконїе, претерпѣваемое безпрестанно его народомъ, и снабдѣвая притомъ своихъ подданныхъ, какъ припасами, такъ и различнымъ орудїемъ; сколь же скоро наступалъ бывало на нихъ общїй непрїятель со всѣми своими силами, то разсыпаясь немѣдленно всѣ знающїе каждое ущелье повсюду его Саксоны, исчезали вдругъ изъ глазъ ожесточенныхъ весьма Норманновъ.

Весьма часто, говорю, сражался оный *Вульфъ* съ довольнымъ успѣхомъ, покуда наконецъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ немалою толпою своихъ непрїятелей, долженъ онъ былъ вступить въ бой съ превосходною предъ своею силою; въ слѣдствїе чего, тотчасъ удалился онъ къ нѣкоторому тѣсному мѣсту, окруженному отвсюду водою, оставя непрїятелямъ весьма узкїй проходъ къ оному, гдѣ онъ съ небольшимъ числомъ воиновъ полагалъ

между

между тѣмъ свободно удерживать на себя стремленіе всего ихъ ополченія. Онъ низложилъ весьма многихъ изъ смѣлыхъ сихъ грабителей, защищавшихъ себя мужественно щитами при семъ случаѣ, кои тогда считались совершенно новымъ еще изобрѣтеніемъ, и которымъ Агличане въ послѣдующія времяна обязаны были весьма много въ сраженіяхъ; но наконецъ, удалось одному изъ сихъ Сѣверныхъ ратниковъ поразить копіемъ своимъ сего безъизвѣстнаго всѣмъ Короля: сильной токъ крови изъ раны обезсилилъ онаго потомъ весьма скоро, и въ темнотѣ, которая послужила наконецъ Саксонамъ истиннымъ спасеніемъ, принуждены были прочіе его сотоварищи избавить онаго отъ опасности, снеся его на себѣ съ мѣста сраженія.

По близости сего урочища находился замокъ *Эдельберта*, одного Саксонскаго Графа, въ которомъ оный, снабдившись достаточнымъ количествомъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, заключилъ себя отъ поисковъ злодѣевъ Англо-Саксонъ, и гдѣ притомъ многіе изъ скрывавшихся его соотчичей нерѣдко находили себѣ убѣжище; а ктомужъ и Норманны, знавъ довольно неустрашимую храбрость помянутаго Графа, и

не надѣясь преодолѣть укрѣпленіи заграждeнія сего замка, оставляли всегда набѣги свои на оной. Посреди еще самой нощи прибыли устрашенные о уронѣ начальника своего Саксоны туда, и убѣждали всячески прозьбою господина онаго быть къ нему впущенными. „*Вульфъ*, тотъ самый *Вульфъ*, кричали они единогласно, которой служилъ ужасомъ злодѣямъ нашимъ, раненъ будучи смертелвно, требуетъ нынѣ отъ тебя всевозможной себѣ помощи.„ Почтенное имя сего страшнаго мстителя за всѣхъ Саксонъ, извѣстно уже было довольно каждому усердному сыну отечества; чего ради, тотчасъ отверсты были врата замка того для онаго, и самъ *Эдельбертъ* принялъ его къ себѣ съ отличными знаками радости, яко настоящего ироя, происхожденіе коего неизвѣстно было ему однакожъ вовсе. По древнему обычаю простосердечныхъ Германцевъ препровождала тогда *Алсвиѳа* почтеннаго своего родителя, вышелшего на встрѣчу для принятія храбраго *Вульфа* въ свой домъ, прекраснѣйшая и превосходнѣйшего притомъ разума дѣвица. Изнеможенный въ силахъ *Вульфъ* принесенъ былъ тотчасъ въ покои сего Графа; смертельная блѣдность покрывала

все

все лице его, и ослабѣвшія онаго руки висѣли уже безъ всякаго движенія, коихъ силу нерѣдко впротчемъ ощущали на себѣ неустрашимые Норманны. *Алсвиѳа* обнажила сама въ то время уязвленную его руку, и прилагала всевозможное стараніе о ранѣ сего великаго воина; онъ прохлажденъ былъ потомъ немѣдленно сильнымъ лѣкарствомъ, и оставленъ наконецъ одинъ въ покоѣ.

Повседневно приходилъ *Эдельбертъ* съ достойною любви его дщерію посещать въ чрезмѣрной еще слабости пребывавшего тогда у нихъ гостя; и какъ рана онаго требовала безпрестаннаго попеченія, то часто перевязывала оную *Алсвиѳа* сама нѣжными своими руками. Между тѣмъ *Вульфъ*, открывъ глаза свои, увидѣлъ вдругъ нечаянно усерднѣйшее о себѣ стараніе наипрекраснѣйшей дѣвицы; ея младость, несравненныя ни съ чемъ прелести и великодушное соучастіе, пріемлемое оною въ его болѣзни, тронули чувствительнѣйшимъ образомъ нѣжное сердце младаго Государя; а продолжительное ктому время, потребное впротчемъ для совершеннаго исцѣленія его раны, допустило слабыя силы страсти овладѣть непремѣнно всѣмъ его сердцемъ

при

при семъ случаѣ. Повседневно, повсечасно, сказать лучше, находилъ онъ новыя причины допускать умножатся страсти своей къ *Алсвинѣ*; ея пріятной голосъ, любви достойная простота, прелесть ея взора и безпримѣрная преизящность нрава оной, овладѣли наконецъ имъ столь безпредѣльно, что онъ начиналъ уже впередъ чувствовать то, что оставить ея не въ силахъ онъ былъ болѣе, не учинясь совершенно чрезъ то злощастнымъ.

Благоразумный *Эдельбертъ*, зная между тѣмъ довольно достоинства свойствъ своей дочери, не имѣлъ съ стороны сей нималѣйшей заботы: его собственныя дѣла, нетерпящія иногда ни на минуту времяни, отзывали его часто изъ замка на нѣсколько дней, и онъ оставлялъ прекрасную сію дѣвицу съ Королемъ вмѣсти безъ всякаго подозрѣнія, котораго между тѣмъ болѣзнь проходила весьма мѣдлительно; стротаяжъ добродѣтель *Алфреди* не противилась напротивъ того также нимало сей новой любви его. Итакъ, не находилъ онъ нималѣйшаго болѣе препятствія къ безвинному своему соединенію съ сею Графинею; но при всемъ томъ, хотѣлъ испытать ее прежде,

не-

нежели учинитъ онъ ее сотоварищемъ въ своей жизни.

Между тѣмъ, пребывалъ *Алфредъ* все попрежнему отъ всѣхъ своихъ Саксоновъ въ совершенномъ еще невѣденіи; они не знали ничего о немъ болѣе, кромѣ однѣхъ произведенныхъ имъ мужественныхъ дѣлъ; чего ради, продолжалъ онъ безпрестанно скрывать настоящее свое состояніе, заставляя всѣхъ, прислуживавшихъ ему, думать, что онъ былъ токмо простый, взрощенный съ орудіемъ въ рукахъ Саксонскій воинъ. При всемъ однакожъ своемъ уничиженіи, старался онъ всячески понравится своей красавицѣ. Она примѣтила вскорѣ явные знаки страсти къ себѣ сего незнакомаго. Невинныя доказательства его отличнаго къ ней почтенія, сопряженнаго вкупѣ съ немалымъ удивленіемъ о ея прелестяхъ, открыли вскорѣ настоящій *Алфредовъ* образъ, приличный впротчемъ высокому его происхожденію, которой *Алсвиѳа* не могла никакъ сравнивать съ его одеждою и его низко изображавшимъ состояніемъ; потому что склонностей и дарованій премудраго времяни не въ силахъ былъ вовсе сокрытъ въ себѣ *Алфредъ*. Онъ былъ лучшій стихотворецъ между Саксонами, и никто не

писалъ

писалъ на томъ языкѣ съ толикимъ искуствомъ, кое бы имѣло хотя малое подобїе съ его сочиненїями. Время пребыванїя своего въ замкѣ Графа *Эдельберта* препровождалъ онъ съ сею дѣвицею, то въ предложенїи ей коротинькихъ стишковъ, слагаемыхъ имъ самимъ, то въ расказыванїи различныхъ повѣстей, прїятность коихъ часъ отъ часу услаждала оную, и часы пребыванїя ея съ нимъ принуждала обыкновенно продолжать нечувствительно.

Подъ перемѣнными всегда имянами и лицами расказывалъ ей *Алфредъ* собственныя свои путешествїи и свои походы; на какихъ баталїяхъ и при какихъ имянно случаяхъ случалось бывать ему, при коихъ однакожъ бывалъ онъ всегда дѣйствительно самъ предводителемъ. Удивительное великолѣпїе пространнаго Рима, прїятности благоустроенной Италїи, миртовыми древесами насажденныя рощи, благоуханныхъ лавровыхъ древесъ лѣса и безпрестанно цвѣтущїе въ изобилїи острова Средиземнаго моря, зналъ онъ описывать съ толикою живостїю, что все то прельщало *Алсвиѳу* несказанно. О собственныхъ ея прелестяхъ, такъ какъ и о преимуществахъ души ея, говаривалъ онъ обыкновенно наподобїе совершенно уничи-

жен-

женнаго ея раба, которой очи свои не дерзая поднимать на великую свою повелительницу, чувствовалъ притомъ внутренно всѣ ея прелести; собственныя же свои чувствія изображалъ онъ между тѣмъ въ разнообразныхъ пѣсняхъ, кои хотя и называлъ онъ давнишними, но онѣ составлены были имъ единственно для *Алсвиѳы*, и къ ней единой принадлежали токмо. Когдажъ, случалось, начинала она стыдится при таковыхъ случаяхъ, тогда *Алфредъ*, опасаясь, дабы она не пресѣкла его чемъ либо нѣсколько дерзскую бѣседу съ нею, старался всячески затмевать то непримѣтнымъ образомъ другими разговорами, обращая все то въ приличную ея полу и званію шутку. Всѣ свои пѣсни украшалъ онъ сверьхъ того лютнею, на которой игралъ Государь сей весьма искусно, умножая оною безмѣрно обольщающею чувствіи силу своего пріятнаго голоса.

Сія дщерь Графская, будучи въ перьвыхъ лѣтахъ своея юности воспитываема по обычаю времянъ тѣхъ въ родителя своего замкѣ, хотя и имѣла чрезъ то самое случай видать многихъ храбрыхъ людей, пріѣзжавшихъ къ *Эдельберту*; но пріятное услажденіе *Алфреда* и заразительное остроуміе разсужденій

его составляли для нее совсемъ новыя удовольствїи. Величественный видъ, переобразованный имъ нѣкоею искусною краскою, не могъ вовсе затменъ быть ни въ какое время, и величество души его сїяло весьма ясно изъ прїятныхъ онаго очей. Итакъ, нечувствительно понравилось обращенїе сїе, а вскоре потомъ и самая особа незнакомаго, невинной сей красавицѣ такъ, что сердце ея заразилось прежде, нежели сама она могла примѣтить то, что оно уже не въ ея болѣе власти находилось тогда.

Чрезмѣрное сїе впечатленїе, произведенное Королемъ Саксонскимъ въ сей дѣвицѣ, не могло долго оставатся скрытнымъ отъ проницательнаго *Алфреда*; чего ради, покушался онъ всячески допустить примѣтить ей въ гораздо яснѣйшихъ предъ прежними выраженїяхъ, что онъ любилъ ее страстно. Безъ явнаго однакожъ объясненїя о своихъ чувствїяхъ, изобразилъ онъ ощутительно все дѣйствїе его сердца; а *Алсвиѳа*, не зная между тѣмъ сколь глубоко уже погрузила она себя въ страшную бездну любви, не подозрѣвала себя съ своей стороны нимало. Она приобыкла скоро удовлетворять своими взорами частые взоры *Алфреда*; а нѣж-

а нѣжный ея голосъ внушалъ притомъ безпрестанно пріятнѣйшую сладость, кою доставляетъ обыкновенно непорочная младость тому, которой научилъ оную начальнымъ дѣйствіямъ любовной страсти. Она имѣла также нѣкія небольшія, приличныя полу ея, тайности, содержаніе коихъ одному *Алфреду* оставалось знать только, и потому согласовала она съ нимъ во всемъ, когда оный открывалъ ей токмо любовь свою подъ чужимъ имянемъ.

Между тѣмъ, Королевская рана зажила уже совершенно; состояніе Государства льстило себя не тщетною болѣе надеждою въ сущемъ онаго переобразованіи, и злая участь порабощенныхъ Саксонъ готовилась уже къ настоящему ея паденію: словомъ, ничто не препятствовало величайшей сей перемѣнѣ, кромѣ какъ оставалось токмо виновнику всего того найти единую причину къ пробытію еще нѣсколько подолѣе въ замкѣ Графскомъ. Сверхъ же всего упомянутаго споспѣшествовали немало и обстоятельства также къ великимъ симъ предпріятіямъ, кои обѣщали несомнѣнно воздвигнуть великаго *Алфреда* паки на престолъ Саксонскій, и благоразумный юноша сей имѣлъ притомъ довольно

какъ разума, такъ и понятія немѣнѣе, зная совершенно, сколь неосновательно было бы то, когдабъ онъ временное, то есть, страсть свою, предпочесть вздумалъ вѣчному, то есть, долгу, коимъ обязанъ онъ былъ своему народу и собственному его достоинству. Не смотря однакожъ на то, не могъ онъ освободится вдругъ изъ пріятныхъ узъ прекрасной его *Алсвиѳы*, не удовольствовавъ себя прежде сильнѣйшимъ въ томъ удостовѣреніемъ, что сердце оной совершенно уже ему одному принадлежало. Чего ради, вознамѣрился онъ тѣмъ еще болѣе притворятся, что самое хотя и вовсе для него несродно было; но онъ обнадеживалъ себя притомъ тѣмъ, что недолговремянное мученіе, предпріемлемое имъ причинить дѣвицѣ сей, долженствуетъ награждено быть вмѣсто того безпрестанною къ ней горячностію съ его стороны.

Между тѣмъ случилось, что *Эдельберту* должно было отлучится тогда на нѣкоторое знаменитое рыстаніе, которое учредилъ у себя нѣкто, подобной ему знатной вельможа; и какъ рука *Алфредова* не позволяла еще покусится ему къ нѣкоему принужденію тѣлесныхъ онаго силъ, то *Эдельбертъ* оставилъ его тогда въ своемъ

емъ замкѣ, сооруженномъ на довольно возвышенномъ мѣстѣ. Въ нѣкоторой пещерѣ каменной той горы выходилъ небольшей источникъ прохлаждающей воды, служащей сущимъ убѣжищемъ отъ несноснаго лѣтняго зноя для дщери Графа. „*Вульфъ*, сказала нѣкогда искренная сія красавица, не знаетъ еще преимущественнѣйшей выгоды сего замка?„ и потомъ повела она его тотчасъ въ ту пещеру. Напротивъ того, цѣломудренный *Алфредъ* не предпринималъ еще никогда въ мысляхъ своихъ ничего такого, чрезъ чтобъ добродѣтель прекрасной *Алсвиѳы* могла поколеблема быть хотя нѣсколько, не смотря на то, что онъ ей весьма нравился, а притомъ и сама она, какъ зналъ онъ, никакъ уже не въ силахъ была скрывать то болѣе, почитая его однакожъ всегда за простой токмо породы храбраго юношу, къ коему никогда и ни за что преклонится не думала она вовсе, сколь ни пріятны были ей всѣ его преизящныя качества.

Будучи такимъ образомъ наединѣ съ сею дѣвицею, сыскалъ наконецъ *Алфредъ* случай сказать ей откровенно между протчими разговорами слѣдующее. „Теперь свершилось все, сказалъ онъ ей съ постояннымъ видомъ, я дол-

женѣ оставить нынѣ сей замокъ, то самое мѣсто, гдѣ наслаждался я безпрестанно несметными знаками безпримѣрной благосклонности. Но я остаюсь между тѣмъ весьма неблагодарнымъ за все то, желая лучше никогда бы не пользоватся сею честїю.„ При произнесенїи *Алфредомъ* сихъ словъ, казалась *Алсвиѳа* приведена быть въ немалое удивленїе; а притворявшейся Король продолжалъ говорить паки. „Мнѣ не возможно никакъ того скрыть, чтобъ я, видая наипрекраснѣйшую *Алсвиѳу* столь часто, не плѣнился оною чрезмѣрно, и чтобъ всѣ прелести, такъ какъ и безпримѣрная ея добродѣтель не учинили наконецъ всю остальную жизнь мою совершенно несносною.„

Приличная полу ея стыдливость покрыла прїятнымъ цвѣтомъ прекрасное лицо дѣвицы сей при семъ случаѣ, и надмѣнность ея предковъ поколебала сильно предложенїе, предприятое человѣкомъ, которой вовсе недостойнымъ оной казался ей быть. Но при всемъ томъ однакожъ, заступало нѣчто въ нѣжномъ ея сердцѣ за сего незнакомаго, и утоляло сильно волненїе гнѣва ея противъ таковаго дерзскаго поступка. „*Вульфъ* забылъ конечно, сказала она потомъ съ прискорбнымъ видомъ, что

онъ,

онѣ, будучи раненымѣ, принятѣ былѣ вѣ замокѣ моего родителя какѣ такой ратникѣ, которому потребна была токмо помощѣ наша, и притомѣ вовсе не для того, чтобѣ оному учинится неблагодарнымѣ нѣкогда за оную.„ „*Вульфѣ* ничуть не забылѣ *Алсвиѳиныхѣ* достоинствѣ, перебилѣ Король тотчасѣ слова своей возлюбленной, онѣ знаетѣ одинѣ всю цѣну прекраснѣйшей дѣвицы вѣ свѣтѣ, которую огорчаетѣ онѣ нынѣ столь много; но есть такія чувствіи вѣ смертныхѣ, какѣ не безѣизвѣстно ему, коихѣ никакая сила разума помрачить, или истребить, сказать лучше, не вѣ состояніи; сверьхѣ же того и никто не ощущалѣ никогда, надѣюсь, толико горячности кѣ кому либо изѣ смертныхѣ, сколько ощущаю я кѣ несравненной ни сѣ чемѣ *Алсвиѳѣ*. Умирать, считаю я легчайшимѣ для себя средствомѣ, потому что смерть видалѣ я весьма часто и притомѣ весьма близко предѣ собою; но не вѣ силахѣ буду я скрыть того, сколь злощастнымѣ почитать бы я себя сталѣ тогда, когдабѣ *Алсвиѳа*, наипріятнѣйшій предметѣ моего вообраЖенія вздумала презирать меня.„

„Мнѣ довольно извѣстны всѣ безпримѣрные подвиги достойнаго *Вульфа*,

пресѣкла речь онаго скромнымъ образомъ благоразумная сія дѣвица; родитель мой чтитъ въ немъ безъ всякаго сомнѣнія такого воина, который, нещадя нимало свою кровь, проливалъ многожди оную единственно за спасеніе своихъ единоземцевъ Саксоновъ; но сіе не составляетъ еще нимало презрѣнія, думаю я, когда я убѣгать должна подобныхъ твоимъ предложеній, кои впрочемъ не могутъ имѣть никаковаго дѣйствія. Не отъ меня зависитъ уничтожать различіи, учиненныя самою добродѣтелію между различными степенями людей. *Вульфъ* найдетъ конечно красавицу приличную его состоянію, которая страстныя его изъясненіи усердно слушать не отречется, и притомъ оныя награждать безпрепятственно всегда можетъ.„

„Итакъ, участь моя рѣшена нынѣ совершенно, вижу я, сказалъ *Алфредъ* съ притворнымъ видомъ, которой измѣнялъ впрочемъ глубочайшее его прискорбіе при семъ случаѣ. Хотяжъ и съ величайшимъ неудовольствіемъ принужденнымъ нахожу я себя оставить пріятное сіе мѣсто, продолжалъ говорить Король, но *Алсвиѳа* не въ силахъ будетъ однакожъ препятствовать тому, чтобъ я подвергъ злощастную

ную мою любовь съ собою вкупѣ опасностямъ, въ кои влечетъ меня нынѣ мое состоянїе. Она не воспрепятствуетъ тому нимало, говорю, чтобъ дражайшее ея изображенїе не было послѣднимъ моимъ прїятнѣйшимъ ощущенїемъ, а имя оной послѣднимъ моимъ словомъ въ жизни.„

„Но *Вульфъ*, произноситъ потомъ самая невинность устами красавицы сей слова въ полномъ изумленїи оной, можетъ ли, будучи благоразумнѣйшимъ и достойнѣйшимъ весьма юношею, быть столь неоснователенъ въ требованїи отъ дѣвицы, дѣвицы путеводительствуемой стезями строжайшей добродѣтели, такихъ вещей, кои исполнить она никакъ не въ силахъ, не помрача притомъ весьма свою природу? Можетъ ли только надѣится онъ, чтобъ *Эдельбертъ* согласился нѣкогда на таковой поступокъ, и можетъ ли желать онъ того, чтобъ *Алсвиѳа* учинилась непокорною почтенїя достойному ея родителю? Но оставя все то, продолжала говорить она, естьли бы знала я по меньшей мѣрѣ хотя природу *Вульфа*, и то самое, сколь велико есть различїе между имъ и родомъ *Эдельберта*, тогдабъ, можетъ быть, могъ онъ льстить

себя еще нѣкоторою надеждою въ успѣхѣ своего желанія.„

„Предстоящій въ глазахъ твоихъ *Вульфъ*, отвѣтствовалъ на то *Алфредъ*. ничуть не не отъ благородной крови происходитъ, увѣряю тебя, возлюбленная Графиня; но щастіе отказало ему токмо съ нѣкоего времяни въ своей благосклонности. Онъ нынѣ бѣденъ и принужденъ по нѣкоторому случаю, оставя свое отечество, подвергнуть себя жесточайшей участи настоящего состоянія; честь побудила его проливать, не щадя нимало, кровь свою, требующую вовсе неукротимаго мщенія, и острый мечь законовъ виситъ безпрестанно надъ главою онаго.„

„*Алсвиеина* надмѣнность начала такимъ образомъ успокоиватся мало помалу; а особливо, когда узнала она, что природа *Вульфова* не заключала въ себѣ болѣе тѣхъ неопровергаемыхъ препятствій, кои воображала себѣ прежде сія дѣвица. Дарованіи щастія презирала она совершенно, потому что тысящи благородныхъ Саксоновъ, знала она, лишась имѣнія ихъ насильственными руками побѣдоносныхъ разбойниковъ, оставили себѣ во удовлетвореніе всего потеряннаго ими единый токмо мечь, дабы не помрачить почте-

чтенія, кое оказываемо было всегда ихъ высокой породѣ. Итакъ, обольщающія сіи воображеніи хотя и облегчили довольно ощутительно отъ прискорбія нѣжное сердце прекрасной сей дѣвицы; но строгая ея добродѣтель не въ силахъ была однакожъ поколебать оную при семъ случаѣ, дабы предатся совершенно сладкой надеждѣ, возстающей тайно и притомъ со страхомъ въ ономъ. „Обоюдный разговоръ нашъ происходитъ весьма долго, кажется мнѣ, сказала она потомъ, которой продолжать намъ долѣе между собою возбраняетъ и время и обстоятельства.„

Алфредъ, почитая послѣднія сіи слова совершеннымъ знакомъ соучастія къ себѣ въ его обожаемомъ предметѣ, обѣщавшемъ впротчемъ весьма много его страсти, не вменялъ болѣе себѣ въ слабость, остатся еще потомъ нѣсколько дней въ семъ замкѣ; и какъ Графъ, господинъ онаго, положилъ быть между тѣмъ вскорѣ у себя цаплиной ловли, коя составляла лучшее упражненіе между благородными людьми Саксонской націи, то почитая искренно храбраго *Вульфа*, не хотѣлъ онъ и его исключить изъ числа принимать имѣвшихъ участіе въ сей благороднѣйшей забавѣ того времяни. *Алфредъ* же

съ своей стороны, упражняясь въ младыхъ своихъ лѣтахъ безпрестанно почти въ разнаго рода охотахъ, что составляло тогда пріятнѣйшее его упражненіе, зналъ по тому самому весьма искусно управлять соколомъ, изъ чего *Алсвинѣ* конечно не трудно было заключить, и заключить притомъ охотно, что *Вульфъ* долженъ быть непремѣнно такого происхожденія, кое врожденнымъ было благородныхъ упражненію.

Онаго соколъ изловилъ между тѣмъ весьма рѣдкую птицу, кою поднося онъ дщери Графской, съ пріятнѣйшимъ видомъ просилъ ее притомъ о позволеніи отлучится ему изъ замка. Сіе извѣстіе произвело въ ней тотчасъ ощутительнѣйшее соболѣзнованіе, такъ, что чѣмъ сильнѣе проницала она тогда въ свое сердце, тѣмъ болѣе находила преисполненнымъ оное глубочайшимъ воображеніемъ о помышляемомъ ею безпрестанно ироѣ.

Алфредъ не преминулъ посетить ее и въ послѣдующій потомъ день, и по многихъ обыкновенныхъ между ими происходившихъ привѣтствіяхъ, сказалъ ей наконецъ открытымъ образомъ. „Я иду нынѣ туда, Милостивая Государыня, куда долгъ и честь зовутъ меня непремѣнно; вѣчно однакожъ

кожъ обѣщаю я обожать мою любви достойную *Алсвиѳу*, и вѣчно буду притомъ оплакивать свое нещастїе, что судьба страсти моей не позволила мнѣ открыть себя совершенно оной.„ Она воздыхала внутренно при произнесенїи сихъ словъ, и наступающїй отъѣздъ *Алфредовъ* возбудилъ въ ней столь сильное прискорбїе, что не въ силахъ была она и перенести почти того вовсе. Ахъ! для чего толикїя достоинства повержены въ столь низкую степень, размышляла она сама съ собою; для чего *Алсвиѳа* не рождена была лучше въ простомъ пастушьемъ состоянїи!

Алфредъ продолжалъ изъясненїи свои потомъ гораздо съ большею предъ прежнимъ бодростїю. „*Вульфъ*, говорилъ онъ, не покусился бы никогда открыть любви своей благородной крови дѣвицѣ, когда бы считалъ онъ невозможнымъ то, что *Алсвиѳа* могла быть съ нимъ нѣкогда щастливою. Состоянїе его не есть вовсе такимъ, кое бы могло льстить сколько ни есть надмѣнности Графской дщери. Но когдабъ любила она меня соотвѣтственно моей къ ней горячности, тогдабъ рука моя вознесла меня, можетъ быть, на высоту, на коей былъ бы я,

надѣ-

надѣюсь, менѣе ея недостойнымъ. Итакъ, смѣю ли ласкать я себя тѣмъ только, продолжалъ говорить плѣненный ею страстно Король, что одно различїе состоянїя дѣлаетъ меня того недостойнымъ? Дерзаю ли надѣится я, говорю, на то, что *Алсвиѳа* позволитъ любить себя тогда, когда приближусь я, и когда сравняюсь я токмо совершенно съ ея состоянїемъ?„

Дѣвица сїя пристыжена будучи паки *Алфредомъ*, отвѣтствовала ему, потупя притомъ глаза свои въ землю. „Какъ можетъ требовать отъ меня того *Вульфъ*, чего исполнить я не въ силахъ вовсе? И чемъ надѣится возбудить онъ надежду во мнѣ, которая при всемъ томъ будетъ безпрестанно обманывать меня токмо? Весьма легко случится можетъ, что онъ забудетъ при всегдашнемъ звукѣ оружїя младую свою подругу, съ которою единый токмо случай сдѣлалъ его знакомымъ; благородно рожденной же дѣвицѣ, живущей въ уединенїи замка и во всякомъ притомъ довольствїи, будетъ весьма то предосудительно, когда она предастся совершенно слѣдствїямъ любовной страсти, которая въ одномъ токмо вымышленномъ смыслѣ позволена быть можетъ равному съ ея поломъ человѣку. Итакъ,

иди

иди благополучно, достойный *Вульфъ*, продолжала говоритъ она, ступай, и будь столь же великъ, сколь добродѣтеленъ ты; мои жъ напротивъ того усерднѣйшія желаніи о твоемъ благополучіи, не оставятъ повсюду за тобою слѣдовать..,

Алфредъ, недоволенъ будучи искреннимъ симъ отзывомъ, покушался паки всячески довести дѣвицу сію къ яснѣйшему признанію ея соотвѣтствія въ его страсти. „Итакъ, иду я, иду отсюда преисполненъ совершеннаго отчаянія, сказалъ съ жаромъ Король Саксонскій, иду изъ сихъ мѣстъ, истлевая часъ отъ часу отъ жестокаго жара, которой вскорѣ долженъ меня сжечь непремѣнно. Естьлибъ *Алсвиѳа* не презирала меня дѣйствительно, то неравенство степени состоянія ея съ моимъ изчезло бы конечно скоро, знаю я, изъ глазъ оной; горячность ея ко мнѣ низвела бы оную къ *Вульфу* неминуемо; и она восчувствовала бы совершенно, что власть надъ искреннимъ сердцемъ имѣетъ также нѣкую цѣну для достойной красавицы. Но ахъ! злощастный *Вульфъ*, не только не возбуждаетъ въ ней любви какой къ себѣ, но ниже самаго соболѣзнованія. Прекрасная *Алсвиѳа* облегчила бы непремѣнно, когдабъ почитала она хотя нѣ-

сколько участь его сожалѣнія достойною, единымъ словомъ, словомъ непомрачающимъ нимало строгой ея добродѣтели, все *Вульфово* злополучіе „

„Слово сіе, которое произнести устами моими должна я теперь, сказала на то закраснѣвшись юная красавица, есть поистиннѣ жестокое для меня слово. Но я вижу, и вижу то не ложно, что Вульфъ ничемъ не удовольствуетъ себя совершенно прежде, покуда не признаюсь я ему въ томъ, что люблю его равномѣрно страсти онаго къ себѣ; однакожъ я надѣюсь притомъ, что не будетъ онъ столь неправосуденъ, чтобъ не могъ того представить себѣ, что рука моя зависитъ единственно отъ власти родителя, а любовь моя пребудетъ навсегда неразлучною съ моею рукою. Мнѣ извѣстно и то также, что тотъ, которой почитаетъ добродѣтель, не будетъ конечно требовать отъ меня нималѣйшаго поползновенія на каковое либо порочное и противное добродѣтели и чести дѣло. Но есть ли хочетъ онъ быть однимъ тѣмъ доволенъ, чтобъ я открыла ему съ стороны своей желаніи мои, то скажу откровенно, что желаю весьма сравненія обоюдному нашему состоянію, и чтобъ позволено мнѣ было канонецъ

ска-

сказать самое то, чего онъ требуетъ отъ меня столь усильно. Она подала ему потомъ тотчасъ свою руку, допустила оную поцѣловать ему безъ всякаго препятствія, и хотѣла наконецъ немѣдленно отъ него удалится.

„Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ великодушный сей любовникъ, *Алсвиѳа* не должна питать долго въ томъ горестныя мысли, что она любить должна недостойнаго яко бы. Ей не слѣдуетъ болѣе допускать разрывать свое сердце между позволенною склонностію и сопротивленіемъ должностей, предписанныхъ ея полу и состоянію. Она узритъ, узритъ скоро, что ничего не учинитъ противнаго требованіямъ ея природы, когда токмо пребудетъ навсегда благосклонною къ *Вульфу*. Превосходнѣе предъ прежнимъ будетъ любить онъ ее за все то, потому что нѣжности оной обязанъ онъ единственно ея безпримѣрному великодушію, побѣждающему всю надмѣнность ея благородства.„ Послѣ таковыхъ изъясненій облобызавъ еще съ восхищеніемъ ея руку, возвратился онъ наконецъ назадъ въ Аѳелней.

Спустя потомъ нѣсколько мѣсяцовъ, разсудилъ *Алфредъ* за нужное, по одержаніи славной побѣды надъ Норман-

маннами, установить великолѣпнѣйшее торжество для всѣхъ отличившихъ себя въ военныхъ подвигахъ и вспомоществовавшихъ ему къ низверженію съ себя ига раззоренной Англіи, въ коемъ числѣ и *Эдельбертъ* находился равномѣрно. Къ конскимъ рыстаніямъ онаго, кои учреждены были единственно въ знакъ воспоминовенія славнаго сего пораженія непріятелей Государства, приглашены были также и всѣ благородныя женщины побѣдоносныхъ Саксоновъ. Каждый изъ всадниковъ силился другъ предъ другомъ, о пріобрѣтеніи достойныхъ даровъ, приличныхъ ихъ заслугамъ, въ огражденномъ со всѣхъ сторонъ нарочно къ тому устроенномъ пространномъ мѣстѣ, а признанный всѣми подданными единодушно пропадавшій столь долгое время Король, сидѣлъ при семъ случаѣ весьма на возвышенномъ престолѣ, по сторону коего постановленъ былъ стулъ, убранный великолѣпнымъ образомъ для той красавицы, которая раздавать должна была знаки оные удостоившимся чести той. Одинъ изъ благородныхъ, подошедъ потомъ къ прекрасной *Алсвиѳѣ*, требовалъ ее имянемъ своего Государя къ исправленію сей имянитой должности. Родитель

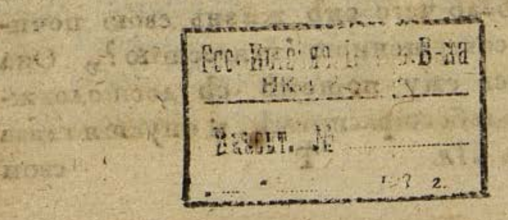
оной,

оной, проникнувъ тотчасъ мысли Короля Саксонскаго, которой дѣлалъ ему честь сію предъ всѣми протчими въ возведеніи дочери его на престолъ при семъ случаѣ, приказалъ ей немѣдленно заступить то мѣсто. Итакъ Король, сошедъ съ престола, и подавъ почтенной сей дѣвицѣ руку, возвелъ ее къ ея мѣсту. „Здѣсь есть, и навсегда будетъ, мѣсто для достойной *Алсвиѳы*, сказалъ онъ притомъ оной.„ Она услыша слова сіи, и вскинувъ на него нечаенно свои очи, увидѣла тотчасъ въ Государѣ ея того самаго *Вульфа*, освобожденнаго совершенно отъ прикрываемой его прежде гнусной краски и облеченнаго въ наивеликолѣпнѣйшее одѣяніе, кое не ложно было достойно его великой особы. Повелѣвая сѣсть оной, сказалъ *Алфредъ* между тѣмъ обробѣвшей сильно подлѣ себя *Алсвиѳѣ*. „Дерзаетъ ли *Алфредъ* надѣится теперь приобрѣсти то самое, къ чему *Вульфъ* прежде никакимъ образомъ достигнуть не въ силахъ былъ? И смѣетъ ли искать онъ паки благосклонности къ себѣ отъ *Алсвиѳы* нынѣ, безъ чего онъ жизнь свою почитаетъ совершенною тягостію?„ Она поклонясь ему, потомъ съ достодолжнымъ подобострастіемъ, и опустя глаза

свои въ землю, сказала между тѣмъ весьма тихо. „ Та, которая любила простаго токмо воина, знаетъ конечно то, что она тѣмъ болѣе еще почитать должна великаго *Алфреда*.„ Выговоря сїи слова, смотрѣла она потомъ со вниманїемъ на различныя конскїя ристанїи, раздавала достойнѣйшимъ въ оныхъ драгоцѣннѣйшїе подарки, и въ самой тотъ же вечеръ дала руку свою, а съ нимъ и сердце вкупѣ въ полную власть восхищенному отъ радости Монарху, учинясь онаго супругою, кою любилъ онъ одну ни съ кѣмъ нераздѣльно во всю свою жизнь.

Конецъ IIй Части.

Погрѣшности.

Стра:	Стро:	Напечатано.	Читай.
12 я.	4 я.	изтреблены	истреблены
18	27	вЪ полѣ	вЪ поле
38	—	возприяли	восприяли
41	21	защищаемые	защищаемыя
49	—	*Книга IIя.*	*Книга Iя.*
50	3	нивы,	нивы
73	24	не укроти-мымЪ	неукроти-мымЪ
78	2	на море,	на морѣ,
113	17	*Флфредъ*,	*Алфредъ*,
—	23	вЪ сердце	вЪ сердцѣ
139	18	стежанїе	стяжанїе
144	15	то,	то
151	21	*тшей*,	*Тшей*,
—	27	притомЪ.	притомЪ,
161	13	отторгая	отженяя
163	11	ебзразсудно	безразсудно
172	1	вырѣзанными	выдѣланными
—	15	ко Двору. Бы-ли	ко Двору, бы-ли
194	25	не обходимо-сти	необходимо-сти
225	32	вЪ море.	вЪ морѣ.
268	10	ея	ее
—	14	достойнства	достоинства

